МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Е.П.БЛАВАТСКОЙ

ТОМ II

А.Д.ТЮРИКОВ

КЛЕВЕТНИЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА ПРОТИВ Е.П.БЛАВАТСКОЙ В 1886 ГОДУ

Хмельницкий
2020

УДК 141.332(092)
ББК 87.3
Т1

Т1 **Тюриков А.Д. Клеветническая кампания Всеволода Соловьева против Е.П.Блаватской в 1886 году.** – Хмельницкий: ФЛП Сторожук А.В., 2020. – (Материалы к биографии Е.П.Блаватской. Том II). – 254 с., ил.

ISBN 978-617-7143-56-6

В книге на основе разнообразных писем и воспоминаний рассказывается об истории взаимоотношений крупнейшего философа-космиста и ученого XIX века, общественного деятеля, создателя Теософского общества Елены Петровны Блаватской с писателем Всеволодом Соловьевым в 1884–1886 годах и рассматривается, как из преданного друга он стал ее врагом и клеветником.

© А.Д.Тюриков, 2020
© ФЛП Сторожук А.В., 2020

Чем всеобъемлющей ученье,
Чем гениальней, выше стих, –
Тем кровожадней озлобленье
Их современников живых.
А.Л.Чижевский

…Ни Куломбы, ни психисты, никто не сделал мне столько вреда, как эти сплетни Соловьева!..
Он убил меня, продал, как Иуда…
Насплетничал, погубил и возненавидел еще больше!
Е.П.Блаватская

I

В 1892 году писатель Всеволод Соловьев[1] опубликовал в России книгу о крупнейшем философе-космисте и ученом XIX века, общественном деятеле, создателе Теософского общества Елене Петровне Блаватской (1831–1891) «Современная жрица Изиды»[2], состоявшую сплошь из измышлений и лжи. По словам ее сестры В.П.Желиховской[3], он был «неприлично щедр на излияние своей мести и желчи» на могилу Блаватской в тех «унизительных комедиях, подтасовках и клеветах»[4], которыми наполнен этот опус. «Для каждого мало-мальски разбирающегося читателя, – писала Е.И.Рерих[5] в 1936 году, – книга эта является суровым обличением самому автору. Г[осподи]н Соловьев не заметил, какой суровый приговор он сам подписал себе этою книгою! Вся тупая самонадеянность бездарности, вся подлость, предательство и мелочность

[1] Соловьев Всеволод Сергеевич (1849–1903) – прозаик, поэт, литературный критик, издатель.

[2] Впервые книга была опубликована в журнале «Русский вестник» в 1892 году (№2–5, 9–12), ее полное название: «Современная жрица Изиды. Мое знакомство с Е.П.Блаватской и “теософическим обществом”. (Эпизод “fin de siècle”*)», первое отдельное дополненное издание вышло в свет в мае 1893 года.

* «конца века» (*фр.*).

[3] Желиховская Вера Петровна (1835–1896) – писательница, драматург, автор книги «Е.П.Блаватская и современный жрец истины. Ответ г[оспо]жи Игрек (В.П.Желиховской) г-ну Всеволоду Соловьеву» (опубликована в марте 1893 года); в 1881–1885 годах проживала в Одессе, затем в Петербурге.

[4] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 61.

[5] Рерих Елена Ивановна (1879–1955) – мыслитель, философ, писатель, общественный деятель.

его натуры так и сквозят на каждой странице»[6]. Недаром Елена Петровна назвала Вс. Соловьева «Яго теософии»[7], по имени одного из персонажей трагедии У.Шекспира «Отелло», подготовившего чудовищную интригу вокруг главного героя и его жены, в результате которой они погибли.

В книге «Современная жрица Изиды» в искаженной интерпретации Вс. Соловьева описано общение автора с Е.П.Блаватской в течение двух лет. Его знакомство с Еленой Петровной состоялось весной 1884 года в Париже. После этого они полтора года переписывались, несколько раз встречались, а в начале 1886 года Соловьев развязал среди французских теософов клеветническую кампанию против Блаватской. Но остановить деятельность Теософского общества и его основателя ему не удалось. Он затаился на несколько лет, дождался ухода из жизни великой русской женщины и только тогда написал свою отвратительную книгу.

Мы расскажем историю взаимоотношений Е.П.Блаватской с Вс. Соловьевым в 1884–1886 годах на основе разнообразных писем и воспоминаний и рассмотрим, как из преданного друга он стал ее врагом и клеветником. Необходимо также сказать, что одной из целей книги «Современная жрица Изиды», кроме главной – дискредитации Блаватской и теософии, была убедить читателя в том, что ее автор с самого первого дня своего знакомства с Еленой Петровной не доверял ей, подозревал ее в разного рода мошенничествах[8] и к делам Теософского общества не имел никакого отношения. Но как показывают и письма Вс. Соловьева к Е.П.Блаватской, В.П.Желиховской и ее дочерям за 1884–1885 годы, и другие документы, которые мы будем использовать, все было с точностью до наоборот. Господин литератор испытывал к Елене Петровне в то время большую симпатию и дружеские чувства, *постоянно признаваясь* в этом на страницах своих писем. Также он интересовался литературой по теософии (читал, в частности, «Разоблаченную Изиду») и стал членом Теософского общества[9].

---

[6] *Рерих Е.И.* Письма. В 9 т. Том IV (1936). – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Международный Центр Рерихов, 2017. С. 411.

[7] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 193. Здесь и далее перевод с английского А.И.Дьяченко.

[8] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 13–19.

[9] Чтобы оправдаться за свое членство в Теософском обществе, Вс. Соловьев написал задним числом, что вступление в него было содеянной им глупостью, за которое ему «как-то стыдно и даже противно» (*Соловьев Вс. С.* Современная жрица

И Блаватская считала его в эти два года «дорогим другом». Поэтому и довелось Соловьеву в своей книге так много и грубо врать, чтобы доказать свою непричастность к теософскому движению. Как писала В.П.Желиховская, «прочитав собственные письма г[осподина] Соловьева – показания, данные им самим против себя самого, – неужели у кого-либо еще может остаться капля доверия к показаниям его против умершей [Е.П.Блаватской]?»[10]. Неслучайно Вс. Соловьев делал попытки заблаговременно заполучить свои письма. Вера Петровна вспоминала:

> «Портрет сестры моей он мне точно переслал в начале прошлого года[11], перед тем как задумал печатать свой сенсационный вымысел “Современная жрица Изиды”. Он мне его передал одновременно с предложением ***возвратить ему все его письма*** ко мне и к сестре моей (буде таковые у меня *окажутся*). Он, правда, предлагал поменяться с ним на мои к нему письма, и *в случае моего согласия* обещал *не поминать моего имени* в вышеназванной статье...
>
> Я отвечала, что оскорбления моей умершей сестре для меня больней личных мне оскорблений, а потому пусть пишет все, что ему угодно, но его писем я ему не отдам. И как хорошо я сделала, что не отдала их! <…>
>
> Нет!.. Я не сожгу его писем; его двухлетних дружеских писем всей моей семье. Пусть лежат. Без нужды я их не трону и *первая* не буду вызывать грозные для неправдивых и неискренних людей тени прошлого. Но на защиту правды, на защиту тех, кто сам себя защитить не может, – я не остановлюсь пережить тяжелые дни, подобные только что мною пережитым ныне...
>
> Старые письма умерших, любимых людей – перечитывать тяжко; но еще тяжелей углубляться в старую переписку с людьми когда-то близкими, с людьми, которых правде и дружбе верили – и которые не только изменили вашему доверию, но незаслуженно, жестоко над вами насмеялись... Да не взыщет на них Господь Бог! Вот все,

---

Изиды. СПб., 1893. С. 25).

[10] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 160.

[11] 1892 год.

что я, слава Богу, могу искренно пожелать им. Надеюсь, что это желание *не всеми* сочтется за лицемерие, хотя бы по следующим двум причинам: как тщательно ни старался г[осподин] Соловьев очернить меня перед русскими людьми, я уповаю, что ему это не особенно удалось. Что же касается до личности моей сестры, то она так неизмеримо выше его несостоятельных нападок, что все его комки грязи, в нее пущенные, вряд ли достигнут подножия того высокого пьедестала, на котором воздвигнут ей памятник в трех частях света»[12].

[12] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 29–30, 160–161.

II

К моменту встречи в 1884 году с Е.П.Блаватской Всеволод Соловьев получил в России известность как исторический романист. Проявлял он интерес к паранормальным явлениям, участвуя с 1870-х годов в спиритических сеансах[13]. Его психическое устройство было таково, что он с детства обладал особенными способностями и был чувствителен к воздействию мира невидимого. Здесь можно говорить о медиумизме Соловьева – использовании его тела «развоплощенными духами»[14] и присутствии в нем «какой-то несознаваемой им силы» («что-то незримое управляло им»). Об этом он подробно написал в письмах к матери П.В.Соловьевой[15] и своей «Исповеди»:

> «Я давно знаю, что (*несмотря на все даже*) могу сообщаться с тобою и помимо писем. Знаю это с 16-летнего возраста, когда 15 Июля чуть ли не сгорел в Гомеле, а в Киеве получил от тебя письмо от *15 Июля*, в котором ты писала, что всю ночь видела меня в пламени.
>
> Знай, что человеческая воля в соединении с верою *всесильна*. Но только силу свою она получает или посредством многолетних и тяжелых упражнений, или посредством глубокого страдания. Страдание сокращает срок.
>
> Ты, если хочешь, можешь не только чувствовать меня, но и видеть, переносясь ко мне сначала во сне, а затем, при дальнейшем развитии этой способности и усвоении привычки, даже и во время дня. Я тоже могу к тебе переноситься. Сначала это трудно, не всегда удается, иногда обманывают ожидания, но если человек не упадет духом от неудач и продолжает верить в свою

---

[13] См., например: Письма Н.П.Вагнера Вс. С.Соловьеву // РГИА, ф. 1120, оп. 1, д. 96.

Вагнер Николай Петрович (1829–1907) – зоолог, профессор Санкт-Петербургского университета, писатель, один из лидеров российского движения экспериментального спиритизма.

[14] *Рерих Е.И.* Письма. В 9 т. Том IX (1951–1955 гг.). – М.: Международный Центр Рерихов, 2009. С. 336.

[15] Соловьева Поликсена Владимировна (1828–1909) – жена историка С.М.Соловьева, мать философа Вл. С.Соловьева.

силу и не ослабляет свою волю, то становится все легче и легче и наконец пользуется этой удивительной способностью как и всякой другой, самой обыкновенной. Подумай над этим хорошенько и разберись в себе»[16].

«Дорогая мама, сейчас получил письмо твое и, как видишь, спешу ответить. Я именно советовал тебе читать "Ребус"[17], потому что ты можешь в нем найти ответы на многие твои вопросы. Предупреждаю однако, что в "Ребусе" много "спиритизма", а в "спиритизме" много неверных *толкований*, хотя *факты* его и совершенно действительны. Читая о спиритических фактах, имей всегда в виду то, что я писал тебе об этом в прошлом письме. – Я с первых лет детства очень много страдал физически (если и не вполне, то все же в достаточной мере, это должно быть тебе известно) – таким образом, я никогда не мог жить и развиваться как другие дети – здоровые телом. Вероятно, отчасти эта исключительная жизнь тела действовала на дух – и у меня с детства было много странных чувств, мыслей и явлений (что тоже отчасти ты должна знать – вспомни хотя то, что перед каждой моей болезнью я видел всегда один и тот же сон). Помню очень хорошо, что один раз я видел *ярко* целый рой образов или духов. Это было в каком-то саду, не то парке, я был *очень* маленький. Мы ездили туда с тобою и Агнией Михайловной и вернулись домой поздно вечером. Может быть ты вспомнишь, где это было, – я же помню только мое видение и мое особенное состояние на возвратном пути в нашей желтой карете. Потом один раз в всесвятской роще я по-настоящему *летал*, т.е. меня носило поверх кустов, – и, помнится, я говорил об этом, а надо мною смеялись. В этом роде было со мною так много [раз], что если все вспомнить и описывать, то пришлось бы писать несколько дней и даже, пожалуй, недель. Затем был *период*, когда чудеса и странности со мною прекратились, потом опять возвратились. Прилив и отлив. Я чувствовал в себе

[16] Из письма Вс. С.Соловьева П.В.Соловьевой, 10/22 ноября 1884 г., Париж // РГИА, ф. 1120, оп. 1, д. 88. Л. 23об.–24.

[17] Речь идет о еженедельном журнале «Ребус» по вопросам спиритизма, редактором и издателем которого был Виктор Иванович Прибытков (1840–1910).

присутствие какой-то несознаваемой мною силы, которая давила меня, мучила, требовала исхода, – и я не знал, что делать; поднималась точка невыносимая, являлось раздражение, я готов был лезть на стену. Только очень недавно я понял, что́ все это значило – и почему это было. Если бы в годы моего отрочества и первой юности *кто-нибудь* мне объяснил – моя жизнь сложилась бы совсем иначе. Но у меня не было руководителя, и я шел, как вели меня обстоятельства. Еще недавно я понял, почему и это так было, почему я должен был пройти через все, через что прошел.

Но та рвавшая меня изнутри сила и та точка меня никогда, во всю жизнь, не покидали. Однако ведь не могу же я на этом листке рассказывать тебе всю внутреннюю жизнь мою!! Пришло новое время. Совсем не понятый теми, кто был всего ближе моему сердцу, и, в сущности, глубоко одинокий, я проводил дни, месяцы и даже годы в болях телесных и в тяжелой для *меня* работе и борьбе ради куска насущного. Мне все равно это, но я могу сказать, что с первой минуты и до сего дня я был и есть, подобно отцу моему[18], добрым работником для тех, кого кормить должен. Или даже и это слабое достоинство угодно будет отнять у меня?! Ах, да мне все равно. Ну вот, в эти-то годы, в никому неведомые часы дня и ночи, когда меня била лихорадка, когда ужасные боли поднимались то в печени, то в желудке, то в сердце, когда голова наливалась кровью и красные глаза почти переставали видеть, когда перо выпадало из рук, но я снова брал его и ворочал уставшими мыслями и писал, писал, – потому что надо было спешить, надо было жить, есть и кормить, – снова клокотала во мне прежняя сила и мало-помалу что-то начало выясняться, я начинал понимать что-то. Осенью 1877 года, в Италии, в Кастелламаре[19], со мною произошло много странного. При этом я как будто медленно умирал или, вернее, *перерождался*, как тот червяк, превращающийся в куколку. Это было мучительно и странно. И я был *один* – ибо так было

[18] Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) – историк, профессор и ректор Московского университета, автор 29-томной «Истории России с древнейших времен».

[19] Кастелламмаре-ди-Стабия – город в Италии, в 26 км от Неаполя.

нужно. В Риме в знойный день, едва волоча ноги от слабости, почти не живой и с *неизъяснимыми* ощущениями, я забрался в Колизей, почти буквально дополз, как червяк, до "ложи Весталок" и – среди невозможной тишины этих тысячелетних развалин – потерял чувство. Оказалось, что я был без чувств более трех часов. Когда я очнулся, то ничего не помнил и долго все повторял: "Семь лет, *семь* лет!" В эти семь лет, с *одной стороны*, созрела вся видимая и невидимая фатальная драма моей жизни, я потерял и мертвых и живых, я прошел через ряд таких испытаний, которые мне *казались* высшими. С *другой стороны*, в эти *семь* лет мало-помалу открывались мне мои духовные очи – и после каждого *испытания* (когда я умел пережить его) эти очи открывались больше и больше. Моя прежняя сила и тоска начали находить себе *маленький* исход. Что-то *незримое* управляло мною, наталкивало меня на известные мысли, поднимало во мне известные чувства, указывало мне то то, то другое занятие. И я шел ощупью, все вперед и вперед; не ощупью и еще не зная, *куда* иду. Начался *седьмой* год – и гроза разразилась. И снова, как тогда в Италии, я стал переживать новое мучительное *превращение*. Могучая невидимая сила заставила меня бросить все планы и плыть по пути, указываемому ею. Я хотел в одну сторону – меня унесло в другую. Отчего именно *здесь*, в Париже, я должен был прожить год этот? Я этого не хотел. Я – и Париж! Даже дико, если хоть немного знать меня, т.е. внутреннюю жизнь мою! И я удивлялся, и удивлялись другие. Теперь я знаю. Прошел *седьмой* год – спала повязка, лопнула оболочка куколки, я чувствую маленькие, слабые крылья. Я понял *все* прошлое. Но я знаю теперь, что в течение *новых семи* лет должен отрастить мои крылья и что в течение этого времени я много раз могу спалить их. Я знаю, что для того, чтобы они правильно выросли и окрепли, я должен буду пройти в эти семь новых лет через такие испытания, перед которыми испытания истекших семи лет покажутся, пожалуй, ничтожными, перед которыми прежние муки покажутся почти блаженством. И уже эти испытания начались, и уже их много, а это только начало. О Великий и Непостижимый Источник жизни, правды и света – да где же я

возьму силы?! Но все же вперед и вперед к вечной жизни, к вечной правде, к вечному свету! Только тот обрящет душу свою, кто ее погубит[20], – теперь я вполне понимаю это слово Иисуса Христа, казавшееся прежде столь темным.

Я много сказал бы тебе, несчастная, слепая и вечно дорогая мне мать! Ну что же, поняла ты что-нибудь? Или я брежу и лишился рассудка?!»[21]

«С первого дня как я уехал из Москвы[22] и вплоть до 18 Марта 1880 года я *каждую ночь* видел необычайно яркий, во всем подобный действительности сон. Ко мне приходил мой отец и беседовал со мною. Он договаривал мне все, чего не успел договорить при жизни. Он был полон земных интересов и в особенности его занимали и тревожили дела семьи и ее будущее. Он обращался ко мне с советами, требованиями и просьбами, часто говорил: если не сделаешь того-то, то будет то-то. Говорил часто отрывистыми фразами. Говорил между прочим: "Не допускай в семье коммуны, они хотят сделать коммуну, не допускай, мать должна быть главой в доме, не оставляй ее и сбереги от унижения". Эти слова он повторял с самого начала, в первые ночи. Каждый раз, видел ли я этот сон среди ночи или под утро, – я просыпался, и каждое слово отца врезалось в моей памяти. Ночью на 18-ое Марта 1880 года я, по обычаю, его увидел; он был уже не тревожен, а радостен, положил мне на плечи руки, поцеловал меня в лоб и сказал: "Поздравь меня, я вышел в чистую отставку, я совсем освободился; теперь..." Он не договорил, благословил меня – и я проснулся, всем своим *существом* ощущая его за мгновение бывшее присутствие и благословение, весь полный ими. С тех пор я *никогда*, ни разу его *так* не видел во сне; иногда видаю; но все это самые обыкновенные сны, сны-воспоминания. – С первых же ночей я решил ру-

[20] «Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее» (Мф. 16, 25).

[21] Из письма Вс. С.Соловьева П.В.Соловьевой, 21 декабря 1884 г. / 2 января 1885 г., Париж // РГИА, ф. 1120, оп. 1, д. 88. Л. 27–29об.

[22] После похорон С.М.Соловьева, который умер 4/16 октября 1879 года.

ководствоваться в делах семьи этими "беседами" и так и поступал. Заметьте – это "исповедь" – и только; это факт, значение которого может показаться серьезным только человеку или верящему подобным вещам, или следящему за новейшим развитием биологических и психологических знаний и за новейшими исследованиями в этой области. Я не прятался и не прячусь за этими "советами с того света" и признаю за все мои действия ответственным только себя. Очень вероятно, что и без этих "бесед" я поступал бы так, как поступал; но в "исповеди" я не могу скрыть всего этого. Я тогда же говорил об этих снах трем-четырем лицам; но *никому* из московской семьи. Только через несколько лет из Парижа, где я тогда жил, я написал об этом матери; но она ответила мне с недоверием и, главное, *обидно*, говоря, что отец любил всю семью, так отчего бы он удостоил *одного меня* своими духовными посещениями? Я объяснил ей, что обижаться тут нечего, что наверное дух отца сказался бы всем близким, если б *мог* сказаться. Но дело в том, что одна организация способна воспринимать телепатические явления, а другая нет; моя же организация, как матери хорошо должно быть известно, *с детства обладала* необыкновенно восприимчивыми, в материальном смысле больными и тонкими нервами. Но она моего объяснения не поняла и так и осталась "возмущенной и обиженной"»[23].

В разговоре с В.П.Желиховскй летом 1884 года Вс. Соловьев также коснулся необычных свойств своего организма. Вера Петровна с удивлением записала:

«В дневнике у меня (под числом 5 (17) июня, вторник) вот что сказано об этой прогулке по Парижу: "В два часа, по условию, была на "ранде-ву"[24] с Соловьевым на Place de l'Étoile[25]. Долго гуляли. В парке Монсо сидели часа два, и он рассказал мне всю свою биографию... Бедный он человек! Плохо, вероятно, все это кончится... Что за увлекающийся

[23] *Соловьев Вс. С.* Исповедь // РО ИРЛИ, Р. 1, оп. 25, №532. Л. 9.
[24] Рандеву (*фр.* rendez-vous) – встреча, свидание.
[25] площади Этуаль (Звезды) (*фр.*).

фантазер! Верить ему, так только рот разевать на все бывшие с ним чудеса. Уверяет, что помнит прекрасно, как в детстве летал выше деревьев. Помилуй, Господи!..»[26]

Еще одно воспоминание:

«Хвалился Вс[еволод] С[ергеевич] тем, что может загипнотизировать нервного человека не хуже известного тогда специалиста по этой части Фельдмана[27]; что может угадывать характер и судьбу человека по линиям руки»[28].

[26] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 33.

[27] Фельдман Осип Ильич (1863–1912) – гипнотизер.

[28] *Соколов В.П.* Всеволод Сергеевич Соловьев // РО ИРЛИ, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 774. Л. 7.

III

В конце декабря 1883 года Вс. Соловьев вместе с гражданской женой (младшей сестрой законной супруги[29]) Адель Ламкерт[30] уехал в Париж[31]. Е.П.Блаватская прибыла из Индии в Марсель 16 марта 1884 года, а 28 марта въехала во французскую столицу. Она остановилась в доме 46 по улице Нотр-Дам-де-Шан. Елена Петровна пригласила в гости своих родных, В.П.Желиховскую и Н.А.Фадееву[32]. Она писала сестре в конце апреля и начале мая:

> «Милая ты моя, родная, не хлопочи о деньгах! Что деньги? – ну их! Они будут! Вон Катков[33] бомбардирует меня телеграммами; переслали мне из Мадраса одну сюда почтой – 29 слов! Должно быть, франков 500 ему обошлась. А когда я отсюда ему отвечала, то и другую сюда прислал: статей моих требует! Должно быть нужны они ему, что так тратится… Вот и будут деньги!.. Это все великолепнольстивые статьи обо мне в здешних газетах, в *Pall Mall*[34] и других, верно, его разохотили. Расхваливают уж больно меня, невзирая на мою несуразную, непрезентабельную фигуру с распухшими больными ногами, я делаюсь à la mode[35]. От репортеров всесветных просто покою нет!..

---

[29] Соловьева Ольга Иосифовна (урожденная Ламкерт).

[30] Ламкерт Адель Иосифовна (1860 – после 1917) – нидерландская подданная, уроженка Петербурга, будучи лютеранского вероисповедания, присоединена к православной церкви 2 февраля 1879 года с наречением имени Елена, закончила Александровскую женскую гимназию, обвенчалась с Вс. Соловьевым 6 января 1886 года (см.: РГИА, ф. 1120, оп. 1, д. 139).

[31] Вс. Соловьев сообщил 21 декабря 1883 года А.Ф.Марксу: «Через несколько дней я уезжаю за границу, надолго и прямо в Париж» (РГАЛИ, ф. 305, оп. 1, ед. хр. 3. Л. 52).

Маркс Адольф Федорович (1838–1904) – издатель иллюстрированного журнала для семейного чтения «Нива», в котором печатались романы Вс. Соловьева.

[32] Фадеева Надежда Андреевна (1829–1919) – тетя Е.П.Блаватской, с конца 1860-х годов проживала в Одессе.

[33] Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – публицист, издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости», в которых печатались произведения Е.П.Блаватской.

[34] 21 и 26 апреля 1884 года в газете «Pall Mall Gazette» (Лондон) были опубликованы статьи «Сегодняшний чудотворец» и «Подробнее о теософах: интервью с мадам Блаватской».

[35] модной (*фр.*).

Хоть для курьезу приезжайте поглядеть, как меня, словно идола, возвеличивают. Как, невзирая на мои слезные протесты, герцогини, графини да альбионские миледи руки мне целуют, называют меня своей "спасительницей", исторгшей их из бездны материализма, неверия и отчаяния (sic!). Сами увидите, как со мною здесь носятся... Побываете же вы хоть на одном митинге[36] – в séance philosophique de la Société Théosophique d'Orient et d'Occident[37], в царских залах герцогини де Помар[38]. На этих заседаниях l'élite de la société et de l'intelligence[39] Парижа: Ренан[40], Фламмарион[41], Mme Адам[42] и множество знати из Сен-Жерменского предместья… Да Бог с ними со всеми, только не передумайте приехать, ради Бога! Не убейте меня! Доставьте мне это величайшее, единственное счастие в конце моей жизни. Жду, жду, жду вас, мои родные, с нетерпением, о котором вы обе и понятия не имеете!»

«Я убежала от всесветных друзей и репортеров и мучителей-любопытствующих из Парижа на несколько дней в Enghien, в villa Zontag, к своим друзьям (действительным, – а не феноменов ради, – чтоб им пусто было!) графу и графине d'Adhémar[43]. Здесь у меня целая анфилада комнат к моим и к вашим услугам. Хотите, будем жить в Париже, а сюда приедем на несколько дней. Графиня премилая, уж и комнаты вам приготовила и упрашивает, чтоб мы у нее пожили в гостях. Ведь это в четверти часа от Парижа, за St. Denis[44], и станция почти у ворот замка. Стеснить их не бойтесь: помещение огромное, и она миллионерка-

[36] собрании (*англ.* meeting).

[37] философском заседании «Теософского общества Востока и Запада» (*фр.*).

[38] Кейтнесс Мария (герцогиня де Помар, 1830–1895) – французская писательница, основательница «Теософского общества Востока и Запада» в Париже.

[39] элита общества и интеллекта (*фр.*).

[40] Ренан Жозеф Эрнест (1823–1892) – французский философ, историк религии, писатель.

[41] Фламмарион Камиль (1842–1925) – французский астроном, писатель, член Теософского общества.

[42] Адам Жюльетта (1836–1936) – французская писательница, основательница и издательница журнала «La Nouvelle Revue» (1878–1899).

[43] Д'Адемар Гастон – издательница журнала «Revue Théosophique».

[44] Сен-Дени – пригород Парижа.

американка нецеремонная, славная такая. Да и муж ее хоть большой аристократ, легитимист[45] завзятый, но в обращении – сама простота!»[46]

В середине мая В.П.Желиховская и Н.А.Фадеева прибыли в Париж и поселились вместе с Еленой Петровной в ее квартире. В это же время состоялось знакомство Вс. Соловьева с Блаватской и ее родственниками. Общение с основателем Теософского общества стало для исторического писателя большим испытанием. Он получил возможность приобщиться к ее научным трудам и «присоединиться к великой работе на благо человечества, включившись в теософское движение»[47]. Идя этим путем, у него появился бы шанс изменить свою внутреннюю природу и подчинить воле мучившие его силы. Для Соловьева начались новые испытания[48], но прийти «к вечной жизни, к вечной правде, к вечному свету» и отрастить духовные «крылья» ему не удалось. Перед ним стояли те же самые проблемы, о которых писал в это время Махатма К.Х. своему многолетнему корреспонденту А.П.Синнетту[49]:

«Мой бедный, слепой друг, вы совершенно не годитесь для практического оккультизма! Его законы непрелож-

[45] Сторонник монархии.

[46] *Желиховская В.П.* Радда-Бай – основательница Теософического Общества // Адьярский архив.

Радда-Бай – литературный псевдоним Е.П.Блаватской.

[47] Из письма Е.П.Блаватской Л.К.Холлоуэй, 24 апреля 1884 г., Париж // Mrs. Holloway and the Mahatmas. Articles by Laura C.Holloway with Letters from H.P.Blavatsky, Master K.H. & Master M. Compiled and Edited by Daniel H.Caldwell. The Blavatsky Study Center, 2012. P. 62. Здесь и далее перевод с английского А.И.Дьяченко.

Холлоуэй Лора Картер (1848–1930) – американская журналистка и писательница, в 1884 году проживала в Европе в качестве ученицы Махатм, но не выдержала испытаний и вернулась в Америку.

[48] «Вы забываете, что тот, кто приближается к нашим рубежам даже в мыслях, уже втягивается в водоворот испытания» (Из письма Махатмы К.Х. А.П.Синнетту, 10 октября 1884 г. // The Mahatma Letters to A.P.Sinnett from the Mahatmas M. & K.H. London, 1923. P. 351–352). Здесь и далее перевод с английского А.И.Дьяченко.

[49] Синнетт Альфред Перси (1840–1921) – английский журналист, редактор газеты «The Pioneer» (Аллахабад, Индия) в 1872–1882 годах, президент Лондонской ложи Теософского общества с 1885 года, писатель, автор книг «Оккультный мир» (1881) и «Эзотерический буддизм» (1883), составленной по Письмам Махатм к нему.

ны, и никто не может преступить однажды данного указа. <…> Однако я <…> решил сделать еще одно усилие (последнее, которое мне позволено), чтобы пробудить вашу внутреннюю интуицию. Если мой голос – голос того, кто в своем человеческом принципе всегда был дружествен к вам, – и на этот раз не достигнет вас, как это часто бывало прежде, то наше расставание сейчас и на все грядущие времена станет неизбежным. Мне больно за вас, в чьем сердце я так хорошо читаю – поверх всех протестов и сомнений вашей чисто интеллектуальной природы и вашего холодного западного рассудка. Но моя первейшая обязанность – это долг перед моим Учителем. А долг для нас – знайте это – превыше, чем любая дружба или даже любовь, поскольку без этого краеугольного принципа, являющегося тем нерушимым цементом, который на протяжении бесчисленных тысячелетий связывал воедино рассеянных хранителей великих тайн природы, – все наше Братство, нет, даже само наше Учение, давно рассыпалось бы на безликие атомы.

К сожалению, как бы ни был велик ваш чисто *человеческий* интеллект, ваша духовная интуиция, коль скоро она никогда не развивалась, слаба и туманна. И потому всякий раз, когда вы сталкиваетесь с кажущимся противоречием, затруднением, *нелогичностью* оккультного характера, порожденной нашими проверенными веками законами и правилами (о которых вы ничего не знаете, ибо ваше время еще не пришло), – у вас немедленно возникают сомнения и начинают шевелиться подозрения, толкающие вас к мысли, что мы просто насмехаемся над вашей лучшей природой, которая в конце концов ослепляется обманчивой видимостью всех этих внешних явлений! В вас нет веры, которая лишь одна и может позволить вашей Воле пробудиться вопреки вашему чисто мирскому интеллекту и озарить вас лучшим пониманием вещей сокровенных и законов, неподвластных земному разуму. Я вижу, что вы не способны напрячь ваши лучшие устремления – черпающие силы из потока истинной преданности той майе, которую вы сами создали из меня (одно из ваших чувств, которое меня всегда глубоко трогало), – и поднять голову

против холодного, *духовно-слепого* рассудка, позволив вашему сердцу в полный голос громко провозгласить то, что прежде ему разрешалось лишь шептать: “Терпение, терпение; никто не может достичь великой цели одним махом”. Между тем, вам говорилось, что продвигаться по дороге, ведущей к постижению оккультных наук, приходится с величайшим напряжением, и что идти по ней – значит рисковать своей жизнью; что каждый следующий шаг, ведущий к конечной цели, обставлен ловушками и терниями; что путник, отважившийся ступить на этот путь, перво-наперво должен стать лицом к лицу с тысячью и одной фурией, которые притаились в расщелинах окружающих его адамантовых скал и стерегут врата, и *победить* этих фурий, имя которым Сомнение, Скептицизм, Презрение, Насмешка, Зависть и, наконец, Искушение – особенно последнее. Желающий узреть, что находится *по ту сторону врат*, должен сперва разрушить эту живую стену; он должен обладать сердцем и душою, облаченными в сталь и броню, и ни на минуту не ослаблять решимости, и в то же время быть кротким и послушным, скромным и замкнувшим свое сердце для всех человеческих страстей, ведущих ко злу. Обладаете ли вы всеми этими качествами? Или хотя бы – встали ли вы уже на тот путь внутренней дисциплины, который приводит к обладанию ими? Нет, и вы знаете это не хуже меня. Вы не родились для этого, нет у вас и такой возможности: будучи семейным человеком, у кого есть жена и ребенок, о которых нужно заботиться, и работа, которую нужно делать, вы никак не годитесь для жизни аскета или даже для жизни Мохини[50]. Отчего же тогда вам жаловаться, что вам не даруются скрытые силы и что даже *уверенность в наших собственных силах* начинает покидать вас, и т.д.? Да, действительно, несколько раз вы предлагали бросить мясоедение и выпивку, но я отказывался принять ваше предложение. Раз вы не можете стать настоящим челой, к чему вам это? Я думал, что вы давным-давно все это поняли; что вы смирились,

[50] Чаттерджи Мохини (1858–1936) – индийский адвокат, член Теософского общества, из которого вышел в 1887 году.

удовлетворившись терпеливым ожиданием будущих возможностей и моей личной свободой действий»[51].

Во время пребывания в Европе жизнь Е.П.Блаватской была заполнена как всегда многочисленными трудами: встречами с учеными, теософами и другой публикой, писанием статей и писем и решением множества проблем теософского движения. Здесь же она продолжила недавно начатую работу над грандиозным сочинением, «Тайной Доктриной»[52], которому отдала много времени и сил последующие четыре года жизни. Благодаря этому и другим трудам основателя Теософского общества, западный мир узнал о существовании одухотворенного Космоса и Космических Иерархов – Учителей человечества, Махатм, под руководством которых идет эволюционный процесс на Земле.

В.П.Желиховская рассказала о жизни сестры в Париже:

«Несмотря на множество дел, на литературные занятия, которым Елена Петровна должна, по необходимости, посвящать половину дня, на громаднейшую переписку – и деловую, и с множеством лиц, обращающихся к ней за сведениями, за советами (а другие и просто с восторженными похвалами ее литературным трудам – последних писем она, да будет это известно ее праздным поклонникам, даже и не дочитывает!), – она каждый вечер проводила в своей гостиной с нами и множеством посетителей, от которых она в течение дня всячески старалась избавиться. Большинство их были члены об[щест]ва[53] или люди, интересующиеся теозофией[54]. Все почти серьезные, убеленные сединами люди: профессора, доктора медицины или

[51] Из письма Махатмы К.Х. А.П.Синнетту, 18 июля 1884 г. // The Mahatma Letters to A.P.Sinnett from the Mahatmas M. & K.H. London, 1923. P. 351–352.

[52] В Приложении к февральскому номеру журнала «The Theosophist» за 1884 год появилось объявление о новом труде Е.П.Блаватской «Тайной Доктрине» – «новой версии “Разоблаченной Изиды”» (с. 44). В середине января того же года Елена Петровна писала А.П.Синнетту, что она, «хромая и полуживая, должна теперь снова просиживать ночами и заново переписывать всю *Разоблаченную Изиду*, называя ее теперь *Тайной Доктриной* и делая из первоначальных двух томов три, а то и все четыре» (The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 64).

[53] Речь идет о Теософском обществе.

[54] Так в тексте.

философии, ученые или писатели. Между ними часто встречались люди с громкой репутацией, как, например, Флам[м]арион, часто заезжавший в неказистую, маленькую приемную [на] ул. Notre Dame des Chaps "по влеченью", как он весело уверял, а отнюдь не по долгу службы как теозофист. Вообще здесь бывало множество интересных личностей и смешение языцей ужасное; представители всех наций и всех профессий лишь увеличивали общий интерес этих собраний, которые хозяйка оживляла своими остроумными речами, а порой, когда бывала в духе, и какой-нибудь иллюстрацией из ряду вон»[55].

Е.П.Блаватская так писала о цели своих усилий:

«…Лет двадцать тому назад я потеряла веру в человечество как в сумму индивидуумов и с тех пор люблю его как целое и полагаю свой труд на благо всего человечества, а не отдельных людей. И делаю это по-своему. Я больше не верю в совершенство; не верю в человеческую непогрешимость или безупречность.

Каждый из нас – как кусок угля, более или менее черный и, простите меня, попахивающий. Однако, пожалуй, не отыскать кусок угля уж настолько грязный и отвратительный, чтобы не было в нем атомов, содержащих в зародыше будущий алмаз. Я смотрю только на эти атомы, не замечая, да и не желая замечать прочие. Поскольку я работаю для других, а не для себя, то позволяю себе использовать эти атомы на общее дело. <…> У всего есть хорошие и плохие стороны. Давайте опираться на хорошее и брать только то, что приносит пользу, а плохое пусть само свернет себе шею»[56].

---

[55] *Желиховская В.П.* В области ок[к]ультизма и магнетизма // Одесский вестник, 1884, №172, 2 августа.

[56] Из письма Е.П.Блаватской Э.Морсье, 17 мая 1883 г. // *Крэнстон С.* Е.П.Блаватская: Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. Рига-М., 1999. С. 288.

Морсье Эмили (Morsier, 1843–1896) – деятель французского феминистского движения, филантропка, секретарь парижской секции Теософского общества, в 1886 году приняла участие в клеветнической кампании Вс. Соловьева против Е.П.Блаватской.

Елена Петровна в письме от 27 мая 1884 года сообщила О.А.Новиковой[57] о Вс. Соловьеве, который к тому времени стал членом Теософского общества:

> «Я вчера целый вечер говорила про вас с Всеволодом Дмитриевичем[58] Соловьевым. Он мистик и разочарованный по профессии, а вами всё-таки очарован, как и я; к тому же он к камер-юнкерскому[59] достоинству присоединил чин "Теософа", поступив в наше общество. А у нас прибывает "к полку Игореву" – вот и Князь Урусов[60] поступает – всё русские»[61].

О «всех русских» Елена Петровна написала А.Н.Аксакову[62]:

---

[57] Новикова Ольга Алексеевна (урожденная Киреева, 1840–1925) – писательница, публицист, с 1868 года жила в Англии, имела свой салон в Лондоне, который посещали многие видные британские интеллектуалы, религиозные и политические деятели, дипломаты и журналисты, активно печаталась в английской прессе под псевдонимом «О.К.» («Ольга Киреева»), приобрела репутацию «русского агента» – негласной представительницы России перед английской публикой.

[58] Так в тексте.

[59] Камер-юнкер – придворное звание для лиц, имевших чин V–VIII классов.

[60] Урусов Леонид Дмитриевич (1837–1885) – действительный статский советник, камергер, тульский вице-губернатор, друг Л.Н.Толстого и И.С.Тургенева. Л.Н.Толстой записал в дневнике 4/16 мая 1884 года о получении «письма от Урусова о Блавацкой*» (*Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 49. М., 1952. С. 90), в котором было сказано о Елене Петровне следующее: «Сюда приехала из Индии одна Блаватцкая*, которую знал Минаев**, она пропагандирует здесь новую Религию***, возрожденный буддизм с разными фокусами и чудесами. Поеду посмотреть на нее» (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 2, №193/29-17).

* Так в тексте.

** Минаев Иван Павлович (1840–1890) – востоковед, буддолог, основатель русской индологической школы, профессор Санкт-Петербургского университета. Совершил три путешествия (1874–1875, 1880, 1885–1886), во время которых посетил Индию, Цейлон, Бирму и Непал.

*** Л.Д.Урусов поделился с Л.Н.Толстым сплетнями. Теософское общество, созданное Е.П.Блаватской, ставило перед собой чисто научные задачи: сравнительное изучение религий, философий и наук, исследование необъясненных законов природы и скрытых сил человека. В обществе отсутствовали признаки религиозной организации: вероисповедание, совершение богослужений и других религиозных обрядов и церемоний, обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

[61] Письма Е.П.Блаватской к О.А.Новиковой (1884–1891) // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/rukopisi.html

[62] Аксаков Александр Николаевич (1832–1903) – писатель, переводчик, издатель, один из основоположников научных исследований парапсихологических явлений в России.

«…Это Генерал Козен (Фед[ор] Федор[ович]), его жена Александра Петровна (урожденная Клейнмихель)[63]; её сестра Св[етлейшая] Княгиня Волконская[64] (ярая теософка); Демидова, Яковлева (урожд[енная] Челюскина)[65]; Mr. et Mad. de Neujean[66]; Colonel & Mrs. Evans[67], миллионеры Английские; граф и графиня d'Adhemar, etc., etc.[68] Николай Александрович Львов и молодой Челищев, брат его жены[69], пожелали было сделаться теософами, да перепугались чего-то и сделались *отщепенцами*. Это ничего. Другие прибудут к "полку Игореву"»[70].

Во французской столице Соловьев часто встречался с Блаватской[71], стал поклонником ее творчества и присутствовал при

[63] Козен Федор Федорович (1830–1906) – генерал-майор.

Козен Александра Петровна (урожденная Клейнмихель, 1835–1912) – фрейлина, жена Ф.Ф.Козена.

[64] Волконская Ольга Петровна (урожденная Клейнмихель,1845–1920) – жена П.Д.Волконского (1845–1919).

[65] Возможно, речь идет об Аделаиде Николаевне Яковлевой (урожденной Челюсткиной, 1832–?).

[66] месье и мадам Нежан (*фр.*).

[67] полковник и госпожа Эванс (*англ.*).

[68] и т.д. и т.д. (*фр.*).

[69] Львов Николай Александрович (1834–1887) – подольский и саратовский землевладелец, мировой посредник и почетный мировой судья, московский приятель Л.Н.Толстого. После приезда из Парижа Н.А.Львов, будучи у него в гостях 17/29 апреля 1884 года, «рассказывал о Блавацкой, переселении душ, силах духа, белом слоне, присяге новой вере» (*Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 49. М., 1952. С. 84).

Львова Мария Михайловна (урожденная Челищева, 1843–1917) – жена Н.А.Львова, занималась благотворительностью.

Челищев Николай Михайлович (1846–1909) – камер-юнкер.

[70] Из письма Е.П.Блаватской А.Н.Аксакову, 17 апреля 1884 г., Париж // Е.П.Блаватская и современность. Духовные аспекты современного миропонимания. Материалы международной научно-практической конференции. 6–7 мая 2016 г. Днепропетровск, 2016. С. 86–87 (см. также: https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html).

[71] Вс. Соловьев «приезжал поздравлять» Е.П.Блаватскую с именинами в начале июня, как сообщила В.П.Желиховская в письме к дочери Вере *(Желиховская В.П.* Письма (1878–1896) // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html).

Желиховская Вера Владимировна (в замужестве Джонстон, 1863–1920) – писательница, общественная деятельница, дочь В.П.Желиховской, с 14 октября 1888 года жена ирландского писателя, востоковеда и теософа Чарлза Джонстона (1867–1931), с ноября 1888 года по июнь 1890 года жила с мужем в Индии, затем – в Лондоне, с октября 1896 года – в США.

проведении ею разного рода феноменов. Об этом рассказала В.П.Желиховская в очерке «Е.П.Блаватская и теософисты»[72]. Соловьев об одной манифестации поведал в заметке «Интересный феномен» на страницах журнала «Ребус» (при этом нисколько не сомневаясь в ее «чистоте и реальности» и не обвиняя Елену Петровну в мошенничестве, как это он делает в своей клеветнической книге[73]):

> «Несколько человек, в том числе и я, случайно собрались у Е.П.Блавацкой часов около 10 утра. Почтальон принес письмо на имя родственницы г[оспо]жи Блавацкой, Н.А.Ф[адеев]ой, находившейся в той же квартире, но вследствие раннего утреннего часа еще не вышедшей из своей комнаты. Письмо из рук почтальона было положено при всех на стол в приемной комнате, где мы и находились. Е.П.Блавацкая и сестра ее, В.П.Ж[елиховск]ая, взглянув на штемпель и адрес письма, сказали, что оно от общей их родственницы из Одессы[74]. Письмо было не только совершенно заклеено в плотном непросвечивающем конверте, но и на месте печати находилась почтовая марка (как я затем убедился). Е.П.Блавацкая (она была в это утро, по моему замечанию, в очень возбужденном состоянии) неожиданно для всех предложила прочесть это письмо в запечатанном конверте. Затем она приложила письмо ко лбу и стала с видимым усилием громко говорить, записывая в то же время на листе бумаги слова свои. Когда она кончила, то сестра ее выразила сомнение в успешности опыта и сказала, что некоторые подробности, сказанные и записанные Е[леной] П[етровной], вряд ли могут находиться в письме. Е[лена] П[етровна] видимо раздражилась этим и довольно резко объявила, что сделает больше. Она начертила красным карандашом на своей бумаге, в конце записанного ею содержания письма, знак, затем подчеркнула одно слово и с напряженным выражением лица, с видимым большим

[72] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и теософисты // Одесский вестник, 1884, №123, 5 июня (перепечатано в: Ребус, 1884, №28, 15 июля; №29, 22 июля).

[73] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 49–51.

[74] Речь идет о Екатерине Андреевне Витте (1819–1898), сестре Н.А.Фадеевой и тете Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

усилием воли произнесла: “Этот знак должен быть в конце письма и это слово также подчеркнуто!”

Затем распечатали письмо: содержание его оказалось тождественным с записанным Е[леной] П[етровной] и при этом мы увидели в конце его в точности повторенный красным карандашом знак г[оспо]жи Блавацкой и слово, подчеркнутое ею, не только находилось в письме, но и было точно так же подчеркнуто.

Тогда было составлено подробное описание этого интересного феномена и все присутствовавшие под ним подписались.

Обстоятельства, при которых произошел феномен, и все мельчайшие подробности, проверенные мною, не оставляют никакого сомнения в его *чистоте* и реальности. Об обмане и фокусе не может быть речи. Вс. Соловьев. Париж, 10 (22) июня»[75].

Одно из описаний феномена, засвидетельствованное подписями (в том числе и подписью Вс. Соловьева[76]) сохранилось:

«В среду 4 июня 1884 года в Париже на улице Notre Dame des Champs, 46 собрались следующие лица:

мадам Блаватская,

господин Всеволод *Соловьев*,

мадам Вера Петровна *Желиховская*,

полковник Г.С.*Олькотт*[77],

господин Уильям К.*Джадж*[78],

мадам Эмили де *Морсье*, секретарь «Теософского общества Востока и Запада» в Париже.

---

[75] Ребус, 1884, №26, 1 июля.

[76] Чтобы откреститься от этой подписи, Вс. Соловьев в феврале 1886 года в заявлении о выходе из Теософского общества написал, что Е.П.Блаватская «принудила» (!!!) его «подписать и публиковать описание феномена» (*Соловьев Вс.С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 240).

[77] Олькотт Генри Стил (Olcott, 1832–1907) – американский юрист, журналист, писатель, издатель, один из основателей и первый президент Теософского общества.

[78] Джадж Уильям Куон (Judge, 1851–1896) – американский адвокат, писатель, один из основателей Теософского общества, с 1886 года Генеральный секретарь его американской секции.

Принесли письмо, только что прибывшее по почте, на имя мадам Надежды Андреевны Фадеевой. Мадам Желиховская вручила это письмо мадам Блаватской с просьбой рассказать его содержание. Мадам Блаватская положила запечатанное письмо себе на лоб и затем принялась быстро писать синим карандашом на кусочке бумаги. Она показала написанное своей сестре и потом добавила: "Ах, ты мне не веришь. Что ж, я тебе предоставлю доказательство. Я поставлю красным карандашом знак внизу этого листа под подписью и подчеркну имя, которое содержится в письме, и этот знак с этой чертой должны будут перейти в запечатанное письмо".

Тогда она провела левой рукой над письмом, лежавшим на столе, и усилием воли, которое выдавало выражение ее лица, начертила знак и подчеркнула слово, затем бросив письмо сестре, сказала ей: "Сделано!"

Письмо открыли, и знак находился точно в указанном месте наряду с подчеркнутым словом.

Смысл письма был точно передан мадам Блаватской, и несколько фраз были сформулированы теми же словами.

Также стоит отметить следующий момент. Во время начертания знака непроизвольным движением руки была сделана легкая пометка сбоку. Эта пометка была обнаружена точно в таком же положении в закрытом письме.

(подписано)
Эмили де Морсье,
улица Claude Bernard, 71, Париж,
Г.С.Олькотт,
Уильям К.Джадж,
Всеволод Соловьев»[79].

Спустя восемь лет господин литератор иначе рассказал о том, как произошел этот феномен, не вспомнив о своей заметке в «Ребусе». В.П.Желиховская разоблачила лжеца:

[79] ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 80 (перевод с французского Е.А.Бобровой); см. также: *Оксон М.А. [Мозес У.С.]* Оккультный феномен в Париже // The Theosophist, 1884, т. 5, сентябрь, Приложение. С. 127 (перепечатано из: Light, 1884, 12 июля).

«Говоря о письме, которое сестра прочла психометрически, сквозь закрытый конверт, он [Вс. Соловьев] теперь говорит:

"Затем письмо *передали в открытую дверь* г[оспо]же Х.[80]"[81] и пр.

Это неправда! И неправда преднамеренная, потому что г[осподин] Соловьев прекрасно знает, что он сам первый не стал бы в таком случае ни описывать феномена в "Ребусе" (1 июля 1884 года), ни подписывать протокола, написанного госпожой Морсье ***на месте*** и хранящегося у меня в целости с его и другими подписями. Если б письмо хоть на миг было снято со стола гостиной, куда его принес ***не*** Бабула, ***а почтальон***, г[осподин] Соловьев и другие имели бы право высказывать (спустя восемь лет) свои сомнения; но в том-то и сила, что *не оно было передано в дверь*, а в нее к нам вошла г[оспо]жа Х. и при всех тут же вскрыла конверт.

Как поднялась рука у г[осподина] Соловьева теперь писать о возможности подлога, когда ***он сам*** же торжественно заявил в "Ребусе":

"Обстоятельства, при которых произошел феномен и все мельчайшие подробности, проверенные мною, не оставляют никакого сомнения в его *чистоте* (курс[ив] авт[ора]) **и реальности. Об обмане и фокусе не может быть речи".**

Вот какова *правда* автора "Жрицы Изиды"!»[82]

Другой феномен с портретом Махатмы Вс. Соловьев в 1892 году также представил читателям как подготовленный Блаватской фокус[83]. Но по удостоверению В.П.Желиховской он летом 1884 года *вполне доверял* Елене Петровне:

«Когда я рассказала Всев[олоду] Сергеевичу об удивительном исчезновении моего фельетона из Елениной

[80] Н.А.Фадеева.

[81] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 50.

[82] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 26–27.

[83] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 54–57.

scrap-book[84] (*третий* "феномен", о котором рассказывать *здесь* ни к чему[85]), он мне решительно объявил, что "не понимает, *чему я так изумляюсь*?". "Если-де было возможно то, что мы вчера видели – перемещение, исчезновение и вновь появление портретов, – ***то все может быть***, и я, – говорил он, – *больше ничему не изумлюсь*… Как, – говорил, – не стыдно вам так не доверять сестре и очевидности? *Вот увидите, что вы будете посрамлены в своем недоверии*…"

Увы! Выходит наоборот, что я теперь посрамлена в неуместном *доверии* человеку, которому не следовало верить.

Как мною было рассказано в своевременной корреспонденции[86], я ушла ранее возвращения Олькота[87], а потому *конца* феномена с портретом, именно перемещения его в шляпу, – не видала. Я не знала, что г[осподин] Соловьев зарывал его в саду; сознаюсь, что и прочтя рассказ его сильно в этом сомневаюсь, имея на то полное право: он тут же доказывает, что я его "уговаривала писать о феноменах", – *а я знаю достоверно*, что никогда его не уговаривала. Да как же бы я могла его уговаривать, когда сама сильно сомневалась в "чудесности" этих проявлений и сама его воздерживала от чересчур сильного увлечения ими?.. Он постоянно мне предрекал, что мой скептицизм "будет посрамлен", что я "несправедлива к сестре"; а теперь ему вздумалось, что удобней рассказывать, что *я его уговаривала*, а он-де, такой умница, – воздержался, не писал... Да вот горе: хоть он о своей статье в *"Ребусе"* не упоминает, но, тем не менее, она – налицо!.. Я, по крайней мере, тогда от него не слышала о погребении портрета…»[88]

О своей заметке в «Ребусе» (публикаций которой господин литератор, как мы видим, был весьма удовлетворен) и желании увидеться с Блаватской (после ее переезда в конце июня в Ан-

[84] Скрапбук (*англ.*) – альбом (книга) для наклеивания газетных вырезок.

[85] *Желиховская В.П.* В области ок[к]ультизма и магнетизма // Одесский вестник, 1884, №184, 18 августа.

[86] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и теософисты // Одесский вестник, 1884, №123, 5 июня.

[87] Так в тексте.

[88] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 28–29.

глию), здоровье которой было для него «дорого», Соловьев сообщил в письме к ней, посланном из Парижа в Лондон 6/18 августа 1884 года:

«Дорогая Елена Петровна, не писал вам это время, потому что в маленьком домике с садиком было очень неладно. Теперь кое-как успокоилось. *Карма* жестокая! В некий тяжкий момент ясно и громко звенел несуществующий колокольчик на столике, и внезапная мысль о вас пронеслась в голове и сердце. Не в моей голове и не в моем сердце. Но и в моей голове, и в моем сердце вы проноситесь часто, и я пишу вам, чтобы узнать: долго ли вы пробудете в Лондоне. Если Олькотт будет в Париже и меня известит или навестит, я хотел бы с ним поехать, когда он будет возвращаться в Лондон. Мне было бы крайне тяжело не повидаться с вами перед вашим отъездом. Черкните обо всем этом.

Alea jacta est[89] – мое письмо в "Ребусе" подняло уже некую бурю и меня начинают засыпать вопросами: что? как? неужели? Ma ligne de conduite est tranchée[90] – и вы ее должны знать. Насмешек не боюсь, к эпитетам глупца, сумасшедшего и т.д. равнодушен. Но за что вы от меня отказываетесь? Я не могу думать, что какой-либо "хозяин"[91] сказал вам, что вы ошиблись и что я вам не нужен.

Здесь жара, никого нет. Mme Morsier уехала к морю, очень довольная тем, что master узнал об ее страхе холеры и через Djual Khool'a[92] просил ее не бояться. Перед отъездом своим она у старика Эветта[93] пришла в экстатическое состояние, ощупывала меня и решила, что я "душка" и из одной с ней сферы, тогда как в бодрственном состоянии продолжает считать меня ледяным и загадочным человеком. Она славная и начинает мне нравиться; но если бы я был ее мужем, – я собственноручно бы убил ее.

---

[89] Жребий брошен (*лат.*).

[90] Моя линия поведения резко очерчена (*фр.*).

[91] Речь идет об Учителе Е.П.Блаватской (*англ.* Master).

[92] Джуал Кхул – ученик Махатмы.

[93] Эветт Генри (?–1889) – магнетизер, член Теософского общества.

Вера Петровна, как вероятно вы знаете, в Петербурге, довольная Катковым и устраивающая дела с Вольфом[94]. Племянницы ваши, должно быть, прелестные девушки, пишут мне такие милые письма, что я тронут до глубины души.

Стыдно да будет вам, что Глинке[95] пишете о своем здоровье, а мне хоть бы заикнулись. А между тем мне ваше здоровье дорого не только для вас, но и для себя. Черкните мне.

Ваш от всего сердца

Вс. Соловьев»[96].

В.П.Желиховская во время пребывания в Париже «дружески сошлась»[97] с Вс. Соловьевым, и после ее отъезда домой между ними началась насыщенная переписка. Состоялось заочное знакомство писателя с дочерями Веры Петровны – Верой и Надеждой[98], «прелестными девушками», и пошел взаимный обмен корреспонденциями. В первом письме в Одессу Соловьев сообщил следующие новости:

«Кончил я, наконец, свой роман[99] и даже отправил героя, испытавшего все житейские каверзы, в дебри Индостана[100]!

Таким образом, Елена Петровна может быть мною довольна; но она недовольна. Сейчас получил от нее письмецо: бра-

---

[94] Вольф Маврикий Осипович (1825–1883) – издатель и книгопродавец.

[95] Глинка Юстина Дмитриевна (1844–1918) – фрейлина, дочь дипломата Д.Г.Глинки.

[96] ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87. Л. 9–10об.

[97] Из письма В.П.Желиховской В.В.Желиховской, 12/24 июня 1884 г., Париж // *Желиховская В.П.* Письма (1878–1896) // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html

[98] Желиховская Надежда Владимировна (в замужестве Брусилова, 1864–1938) – писательница, общественная деятельница, дочь В.П.Желиховской, с 20 ноября 1910 года замужем за военачальником Алексеем Алексеевичем Брусиловым (1853–1926), с 1930 года проживала в Праге.

[99] Речь идет о романе Вс. Соловьева «Изгнанник» (1885).

[100] Отсылка к первой части книги Е.П.Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана. Письма на Родину», которая в 1879–1883 годах печаталась в газете «Московские ведомости» и журнале «Русский вестник» и вышла отдельным изданием в конце 1883 года.

нится и негодует на мою подозрительность, а о здоровье своем, что́ гораздо интереснее, – ни слова. Был *я целых три раза* у Mme Морсье: она, кажется, добрая, но легковерна до комизма[101] и в то же время считает себя скептической особой. Теперь она носится с этим мальчишкой-со[м]намбулом, который, entre nous soit dit[102], просто пошлый обманщик: он притворяется спящим и изрядно насмешил меня и Комбрэ[103]. Она объявила сему последнему (во время со[м]намбулического сна), что у него на колене кости распухли (он минут десять ощупывал), а на колене оказалась просто повязка. Теперь этот мальчишка со своим магнетизером продает антихолерный напиток, который стоит очень дорого: одно это уже показывает их шарлатанство и тенденции».

Упоминал Соловьев и о необычных явлениях, происходивших с ним:

«Одолевают стуки и звуки и всякое несуразное. Например, неведомый голос ясно говорит Адели: “Вот сейчас станет стучать в стекло окна” – и тотчас же начинает стучать. Я почти постоянно ощущаю вокруг себя дуновения и чьи-то присутствия – и до такой степени, что становится противно».

В этом же письме исторический писатель дал высокую оценку труду Е.П.Блаватской «Разоблаченная Изида» и книге А.П.Синнетта «Эзотерический буддизм»:

«Прочел письма Кут[х]уми[104] и “содержание оных весьма одобрил”[105]. Читаю вторую часть “Изиды” и совершенно убеждаюсь, что это феномен. Есть там много хорошего, но есть вещи и антипатичные мне»[106].

---

[101] *NB.* Этим легковерием и воспользовался Соловьев, чтоб ее восстановить против Е[лены] П[етровны] и насочинять на нее. – *Приписка В.П.Желиховской.*

[102] между нами говоря (*фр.*).

[103] Комбре Раймонд – французский доктор, помощник психиатра Ж.М.Шарко.

[104] Кут Хуми – Махатма.

[105] Речь идет о книге А.П.Синнетта «Эзотерический буддизм».

[106] Из письма Вс. С.Соловьева В.П.Желиховской, 7/19 июля 1884 г., Париж //

В упомянутом «письмеце» Елена Петровна корила Соловьева:

«Государь мой, Всеволод Сергеич. Вы ужаснейший и неисправимый – не *скептик*, а “подозритель”. Ну что вам сделал это *Eduard*, почему вы думаете, что он притворяется? А впрочем – мне-то что? Подозревайте *всех* на здоровье. Вам же хуже… Скверно на свете жить, подозревая всех и каждого. Совершенно уверена, что перед *людом* говорить про меня подозрительно не станете. Я-то, по крайней мере, *подозрительницей* никогда не была; и кого люблю, так люблю *всурьез*[107], – а таких весьма мало…»[108]

ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87. Л. 3–4об.

[107] *всерьез (устар.)*.

[108] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 76–77.

Поскольку оригиналы писем Е.П.Блаватской к Вс. С.Соловьеву до настоящего времени не обнаружены, они цитируются из книги «Современная жрица Изиды». По нашему мнению, эти письма напечатаны без искажений, так как их публикация не вызвала со стороны Н.А.Фадеевой и В.П.Желиховской публичных протестов.

IV

27 июня 1884 года Е.П.Блаватская написала письмо С.А.Бессонову, направив его за разъяснениями к Вс. Соловьеву, «настоящему теософу» и «лучшему другу»:

«Многоуважаемый Сергей Александрович,

Явился у вас незнакомый вам – но очень хорошо знакомый России – друг и товарищ по Теософии. Имя его Всеволод Сергеич Соловьев – автор многих исторических романов. Он настоящий *Теософ* – не только что член Теос[офического] Общества. А я делаю большую разницу между двумя. Это единственный *русский* Теософ – а вы, надеюсь, будете другой – а может быть уже и есть.

Извините безграмотное спешное письмо. Завтра уезжаю в Лондон, отряхая прах ног своих в Париже, который – ненавижу. Больна и не в очень хорошем расположении духа. В такие минуты одни *Теософы* мне и дороги.

Помните, в вашем последнем письме вы говорите, что когда придет время, вы меня разыщете. Вот мой адрес будущий: 77 Elgin Crescent, Notting Hill, London.

А вот вы приезжайте сюда, т.е. в Париж, да и утешайте друг друга, да поучайте в Теософии; а вас, кстати, Всеволод Сергеич и посвятит в наши знаки и *pass-words*[109]. Помните, что нет у меня друга лучше его меж Русскими теософами. Будет и вам он друг.

А теперь прощайте,

Всеволод Сергеич вам пишет сам.

А затем примите уверение в искреннем и братском уважении готовой к вашим услугам,

Е.Блаватской.

А когда поживете в Париже, то вместе с Всеволодом Сергеичем и приезжайте ко мне в Лондон»[110].

---

[109] *пароли* (*англ.*).

[110] Адьярский архив, №11.1.41.132 (см. также: https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html).

И в письме к А.М.Дондукову-Корсакову[111] от 3 июня 1884 года Елена Петровна называет Вс. Соловьева «одним из самых ярых, серьезных теософов»[112].

29 июня Е.П.Блаватская двинулась в Лондон, а ее родственники в Одессу. В.П.Желиховская вспоминала:

> «Отъезд наш из Парижа последовал в один и тот же день и ознаменовался замечательным происшествием. Сестра выезжала двумя часами раньше нас, и мы с многочисленным обществом отправились провожать ее на Gare du Nord[113]. Она была совсем больна, еле передвигала опухшие, страшно болевшие ноги. Вероятно, не мне одной приходили в голову сердитые мысли о том, что могли бы ее всемогущие Махатмы (если бы действительно были так добры и могущественны, как расписывают их приверженцы!) помочь ей, хоть сколько-нибудь облегчив ее болезнь ради переезда, ей предстоявшего, и горя разлуки с нами. Она как всегда заступалась, утверждая, что несмотря на то, что они считают невозможным облегчать людские страдания, ибо в них законная *карма* (воздаяние) каждого, но что все же ее "хозяин" не раз помогал ей и даже спасал ее от смертельных недугов.
>
> Я шла, поддерживая ее под руку, к платформе, как вдруг она выпрямилась, оглянулась на свое плечо и, остановившись, вскричала:
>
> – Что это?.. Кто меня тронул за плечо?.. Ты видала руку?
>
> Никто никакой руки не видал, и все мы переглянулись в удивлении; но до чего возросло удивление наше, когда Елена Петровна вдруг улыбнулась, устранила мою руку и бодро, твердо пошла вперед, так как я никогда теперь не видывала, чтоб она ходила.

---

[111] Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820–1893) – военный и государственный деятель, участник Кавказских походов и Крымской войны, Одесский временный генерал-губернатор (1881), главноначальствующий Кавказской администрацией (1882–1890).

[112] Адьярский архив, №11.1.43 (см. также: https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html).

[113] Гар-дю-Нор – Северный вокзал в Париже.

– Вот! – сказала она. – Это тебе ответ, Вера! Ты обвиняешь *их*, что они не хотят мне помочь!.. А я сейчас видала руку "хозяина", и вот теперь смотрите, как я хожу!

И в самом деле, она быстро и легко ходила все время; хотя ей пришлось менять вагоны два раза, она сама без труда влезала по неудобным ступеням и уверяла, что боль совершенно прошла и что физически она давно так хорошо себя не чувствовала»[114].

Прибыв в Англию, Блаватская написала тете:

«Милая ты моя, дорогая Надежда Андреевна, много лет не плакала я так, как выплакалась за все теперь, потеряв вас двух из вида. Думала, сердце лопнет у меня, так мне стало дурно… Спасибо французы со мной добрые сидели: на станции воды мне принесли и ухаживали, как могли. В Булонье меня встретил Олькот и тоже чуть в слезы не ударился, увидав, какая я больная, и страшно огорчившись, что вы с Верой сочтете его бессердечным за то, что он в Париж за мной не приехал. А он, бедный, и не знал, что мне плохо… Я ведь всегда кряхчу… Переночевала я в Булонье, и на другой день за мной еще пятеро наших теософов из Англии приехали. Между ними два хороших приятелей: капитан Бэннон и сестра его лэди Тэмпль. На пароход и с него меня чуть не на руках перенесли и с торжеством привезли в Лондон… Я еле дышу, а у нас вечером прием, человек пятьдесят старых знакомых явятся. Англичане ведь в массе не переменчивы: много в них постоянства и преданности.

На станции *Charing Crass*[115] Могини и Китли[116] распугали всех англичан, распластавшись предо мной при всем честном народе, как пред идолом. Я рассердилась даже, – просто соблазн!..

---

[114] *Желиховская В.П.* Радда-Бай – основательница Теософического Общества // Адьярский архив.

[115] Чаринг-Кросс – железнодорожный вокзал в центральной части Лондона.

[116] Китли Бертрам (Keigthley, 1860–1945) – британский теософ, Генеральный секретарь индийской (1897–1901) и английской (1901–1905) секций Теософского общества.

Милая ты моя, горька мне эта новая разлука с вами, а все же утешение, что виделись и узнали друг друга ближе. Ведь друг ты мой! Нет в жизни большего утешения и счастия сильнее чувства привязанности к своему, родному, с детства любимому. И не умереть этому никогда! Будет оно жить вечно и в вечности!..

Долго после отъезда я все видела вас троих – тебя, Веру и Mme de Morsier. Она пишет, что действительно была с вами до минуты вашего отъезда… Она женщина с хорошим сердцем и за него надо простить ей ее беспокойный характер…»[117]

Ф.Арундейл[118], у которой остановилась в Лондоне Елена Петровна, вспоминала о тех днях:

«Е.П.Б[лаватская] возвратилась в Лондон 30 июня... поселившись вместе с нами в [доме] 77 на Элгин-Кресент, Ноттинг-Хилл... <…> Когда Е.П.Б[лаватская] жила там с нами, обычно она начинала свой день с работы над рукописью[119], обыкновенно приступая к этому делу в 7 часов утра, но зачастую и раньше. Когда в 8 часов утра я приходила к ней в комнату, крайне редко случалось так, что она еще не сидела за своим письменным столом, откуда отлучалась лишь на небольшие перерывы и на ланч, и так до трех или четырех часов дня. Затем наступало время приема, и с полудня до самого позднего вечера один за другим приходили посетители. Старая Леди[120] усаживалась в свое кресло в той же самой гостиной, которая едва вмещала в себя такой мощный приток гостей, и становилась центром круга людей, задававших ей вопросы. Многие, привлеченные ее знаменитыми необыкновенными способностями, конечно же, приходили из чистого любопытства... <…>

---

[117] *Желиховская В.П.* Радда-Бай – основательница Теософического Общества // Адьярский архив.

[118] Арундейл Франческа (1847–1924) – член Лондонской ложи Теософского общества с 1881 года.

[119] Речь идет о рукописи «Тайной Доктрины».

[120] Так теософы называли Е.П.Блаватскую.

Дом был постоянно наполнен посетителями, и поскольку у Е.П.Б[лаватской] было обыкновение приглашать друзей остаться погостить, я никогда заранее не знала, сколько людей на этот раз окажется у нас за ланчем или обедом – один или двадцать. Дом был небольшой, но в нем были две хорошие комнаты, разделенные складывающимися дверьми, и надо было просто видеть это зрелище – Е.П.Б[лаватскую], восседающую в высоком кресле, окруженную учеными и элегантными людьми. Блестящий собеседник, она приводила и молодых и старых в состояние транса, в то же время ее изящные пальцы постоянно ныряли в нубийскую корзинку с табаком, которая всегда находилась рядом с ней, и скручивали маленькие сигаретки, которые она постоянно курила. Вот так она выглядела в обществе...»[121]

В день приезда в Лондон Е.П.Блаватская вместе со своими сподвижниками отправилась на заседание Общества психических исследований (ОПИ)[122]. Еще в апреле, будучи в Англии, Олькотт, «проявив всю свою глупость» и рассказав членам ОПИ «обо всех мыслимых и немыслимых феноменах, виденных им когда-либо»[123], так их заинтересовал, что 2 мая этим обществом был создан специ-

[121] Оккультный мир Блаватской. М., 1996. С. 275–276.

[122] Общество психических исследований – британская общественная организация, образованная в 1882 году в Лондоне известными учеными своего времени с целью научного изучения явлений и человеческих способностей, которые принято называть паранормальными.

[123] Из письма Е.П.Баватской У.К.Джаджу, 1 мая 1885 г., Торре-дель-Греко // Андовер-Гарвардская богословская библиотека, bMS 34/1(2). Перевод с английского А.И.Дьяченко.

Елена Петровна сообщила в январе 1886 года В.Хюббе-Шлайдену: «Я написала [в апреле 1884 года] ему [Олькотту] из Парижа в Лондон: “Оставьте ОПИ в покое. Учитель говорит, что через них вы погубите все Дело”. Я просила, я умоляла его, но *ничто не могло его остановить*. Он до сыта закормил их (психистов) своими рассказами о самых чудесных феноменах и в конце концов убедил их в том, что он либо лунатик и безумец, либо *лопоухий простофиля*» (Государственная и университетская библиотека Нижней Саксонии, Гёттинген). Перевод с английского А.И.Дьяченко.

Хюббе-Шлайден Вильгельм (Hübbe-Schleiden, 1846–1916) – немецкий путешественник, писатель на колониально-политические темы, президент Теософского общества Германии (1884–1886), издатель и редактор журнала «Сфинкс».

альный комитет по изучению паранормальных явлений, связанных с Блаватской, Теософским обществом и Махатмами. В мае и июне на вопросы этого комитета ответили отдельные теософы[124]. На встрече 30 июня господин президент своим поведением шокировал руководство ОПИ – «повел себя как осел, совершенно лишенный всякого такта»[125]. С помощью оловянной фигурки Будды на колесиках он попытался продемонстрировать главные идеи буддизма. Все эти безответственные инициативы Олькотта весны-лета 1884 года имели, как оказалось, трагические последствия. ОПИ, помимо образования вышеназванного комитета, послало в Индию своего представителя Р.Ходжсона[126], чье «расследование» вылились в клеветнический отчет. Через год Елена Петровна подвела печальные итоги:

> «Да, именно стремление Олькотта впихнуть этим кембриджским психистам *собственный* опыт и его жалкое и бесстыдное выступление с Буддой на колесиках на том памятном заседании ОПИ – это и навлекло на нас нынешние страдания. Тем не менее, *сам он это отрицает.* Там в Индии, да и мне в лицо, он прямо заявляет, что *именно я* являюсь их единственной причиной; что именно *мой* визит в Европу вызвал все это. Что ж, пусть будет так»[127].

В другом письме она написала еще более резкие слова об «идиотическом блеянии»[128] господина президента:

---

[124] См.: First Report of the Committee of the Society for Psychical Research Appointed to Investigate the Evidence for Marvellous Phenomena Offered by certain Members of The Theosophical Society. London, 1884 (Первый отчет комитета Общества психических исследований, назначенного для расследования доказательств чудесных феноменов, представленных некоторыми членами Теософского общества. Лондон, 1884).

[125] Из письма Е.П.Блаватской А.П.Синнетту, 24 июля 1884 г., Лондон // The Mahatma Letters to A.P.Sinnett from the Mahatmas M. & K.H. London, 1923. P. 460.

[126] Ходжсон Ричард (Hodgson, 1855–1905) – британский преподаватель философии и литературы в Кембриджском университете, член Лондонского Общества психических исследований, в конце 1884 года был послан этим обществом в Адьяр для исследования подлинности феноменов; подготовил клеветнический отчет о Е.П.Блаватской и деятельности Теософского общества в Индии, в котором она была несправедливо объявлена мошенницей и русской шпионкой.

[127] Из письма Е.П.Блаватской А.П.Синнетту, 19 августа 1885 г., Вюрцбург // The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 113.

[128] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 148.

«Мертвая или живая, я никогда не прощу полковнику Олькотту того, что он вверил себя и наши феномены в руки этих ученых джентльменов из ОПИ»[129].

21 июля Лондонская ложа Теософского общества устроила большой прием в честь Е.П.Блаватской. Елена Петровна красочно описала весь этот «ажиотаж» в письме к Н.А.Фадеевой:

«…Никогда мне здесь не выздороветь. Это не жизнь, а какой-то безумный чад с утра до ночи. Визиты, званые обеды, вечера и митинги ежедневно. Наша Ольга Алексеевна Новикова уверяет, что восчувствовала ко мне обожание, и каждый день ко мне привозит кого-нибудь из своих друзей. Перевозила уж весь сановный Лондон, кроме министра Гладстона[130], который, по словам *St. James Gazette*, "боится меня столько же, как и восторгается мной" (is afraid of as much as he admires her)! Это уж просто наваждение какое-то!..

…21го Июля было собрание ("Conversazione"[131] – как здесь называют) в честь "Mme Blavatsky и colonel Olcott"[132] в зале Ратуши Princes Hall. Первоначально было напечатано 500 пригласительных билетов; потом произошла такая из-за них давка, что пришлось прибавить еще столько же. Новикова написала, прося от имени нашего посланника, Сталя[133], два билета; сама привезла послов Франции, Германии, Голландии, Турции, румынского князя Гику и весь штат своего преданного друга Гладстона и наконец Хитрово[134], нашего генерального консула в Египте, приехавшего сюда по делам… Вот картина, которую предоставляю

---

[129] *Blavatsky H.P.* Collected Writings. 15 vols. Wheaton, Madras, London, 1980. Vol. VI. P. 326.

[130] Гладстон Уильям Юарт (1909–1898) – английский государственный деятель, премьер-министр Великобритании (1868–1874, 1880–1885, 1886, 1892–1894), писатель.

[131] вечер, устраиваемый научным или литературным обществом (*англ.*).

[132] «мадам Блаватской и полковника Олькотта» (*англ.*).

[133] Стааль Егор Егорович (1822–1907) – дипломат, посол в Великобритании в 1884–1902 годах.

[134] Хитрово Михаил Александрович (1837–1896) – дипломат, генеральный консул в Египте (1883–1886).

вам вообразить. Зала громадная, дамы в бальных туалетах, парадные костюмы всех наций. Я сижу – заседаю на почетном кресле – нечто вроде царского трона в балетах – в своем черном бархатном платье с ненавистным хвостом в три аршина[135], а Синнет, лорд Босуик (Bo[r]thwick)[136] и Финч, президент London Lodge T[heosophical] S[ociety][137], подводят ко мне и представляют одну за другой и одного за другим всех желающих со мной лично познакомиться. А таких нашлось, – ей Богу не преувеличивая, – человек 300!.. Вообразите себе, в продолжение двух часов пожимать руки и улыбаться трем сотням лэди и джентльменов!.. Уф!!! Лорд и леди Hayter просили на другой день обедать… После такого вечера, а?! Crosse[138] – государственный секретарь по делам Индии – уселся возле меня и комплименты такие откалывал насчет любви ко мне индусов, что я было перепугалась, чтоб не приплели и тут политического колорита… Лорд Рёссель и молодой лорд Портман объявили, что поступают в наше Об[шест]во… Кроме всяких европейских notabilities[139], местных членов палат и министров, напредставляли мне кучу черных и желтых принцев: Маорских, Явайских, Малайских, – почем я знаю!.. А профессор Крукс[140] с женой поместились за моим креслом, словно адъютанты, и он то и дело называл мне своих коллег из Королевского Общества – знаменитых ученых – физиков, астрономов и всяческих *"мракологов"*…

Ну, родной человек, видишь ли ты, – чувствуешь ли карму?..

---

[135] Аршин – старорусская единица измерения длины, равная 0,71 м.

[136] Бортуик.

[137] Финч Джерард Браун (1835–1913) – английский адвокат, президент Лондонской ложи (1884–1885) и Ложи Блаватской (1887) Теософского общества.

[138] Кросс Джон (1832–1887) – заместитель генерального секретаря по делам Индии (1883–1885).

[139] знаменитостей (*англ.*).

[140] Крукс Уильям (1832–1919) – английский физик и химик, президент Лондонского королевского общества (1913–1915), член совета Лондонской ложи Теософского общества, президент Общества психических исследований (1896–1899).

С[мирно]ва, русская, соотечественница[141], – желала выдать меня за воровку, за уголовную преступницу, – здорово живешь! Английские же наука, интеллигенция, высшая аристократия – воздают неподобающие мне почести… Так мне "хозяин" и объявил, что будет. Теперь мне отбою нет от визитов, от приглашений, несчастной!.. Особенно после спича Синнета в тот вечер в Princes Hall. Стал в позу и заораторствовал: "Лэди и джентльмены! Вы видите перед собой женщину, которая свершила мировое дело: она одна задумала и привела в исполнение колоссальный план создания целой армии из культурных людей, долг коих бороться против материализма и атеизма столько же, как и против суеверия и невежественного перетолкования Христианского учения (т.е. против 137 сект сканунов, прыгунов, ревунов и пр[очих] мракобесцев) – которые посрамляют Христианский мир… Взгляните, лэди и джентльмены культурной Англии, на женщину, доказавшую миру, что́ может сделать сила воли, неуклонное стремление к заданной цели и твердо понятому идеалу. Одна, больная, без средств и без покровителей, без всякой помощи, кроме одного полковника Олькота, своего первообращенного апостола, – Mme Blavatsky задумала соединить в одно интеллектуальное целое, всемирное братство, добровольцев всех наций, всех рас – она исполнила эту задачу! Она осилила вражду, клевету, сопротивление фанатиков, равнодушие невежд… Даже наше англо-индийское либеральное правительство ошибочно восстало, было, против ее гуманной миссии, но, к счастию, заметило свою ошибку и вовремя остановилось" и пр. и пр., все в таком же духе… Аплодисменты были оглушительные… Я старалась покраснеть из скромности, но вместо того должно быть побледнела

[141] Речь идет о клевете, развязанной против Е.П.Блаватской в Париже в 1884 году фрейлиной О.Н.Смирновой (1834–1893), см.: Письмо Е.П.Блаватской А.М.Дондукову-Корсакову от 3 июня 1884 г. // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html; Материалы о клевете фрейлины О.Н.Смирновой // *Блаватская Е.П.* Статьи в русской прессе. Донецк, 2013. С. 287–289; *Блаватская Е.П.* Письма к друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 404–408.

от духоты: чуть мне дурно не сделалось… Уж очень я слаба. Хотя ноги с *той* минуты на Gare du Nord болеть перестали…»[142]

М.С.Хитрово при встрече с Е.П.Блаватской напомнил ей о ярком случае, происшедшем с ней на пути из Индии в Европу. Елена Петровна об этом написала родственникам:

«Приехал ко мне Мих[аил] Александр[ович] Хитрово, наш консул в Египте, и спрашивает между разговором: "А что, получили ль вы нашу телеграмму, подписанную коллективно служащими на фрегате *Стрелок*. Мы послали из Суэза[143] в Порт-Саид по телеграфу выражение нашей общей благодарности *Радде-Бай* за добрую память и любовь к соотечественникам…"

Я слушаю, молчу и ничего не понимаю…

"Ну как же, говорит, ведь я как консул должен был провожать посла в Китай на фрегате, который вам повстречался в Суэзском канале…"

Тут я вспомнила! Помнишь, я тебе в Париже рассказывала, какую я штуку учинила в Суэзе 3го, кажется, Марта?

Наш пароход *Messageries*[144] посторонился и стал на якорь, чтоб дать пройти большому фрегату, шедшему в Китай. Я возьми свою карточку, да и напиши:

"Русская, не видавшая русского родного лица в продолжение многих лет, – шлет сердечный привет, глубокий поклон и пожелания счастливого пути всем русским – от командира и офицеров до наших солдатиков-матросов включительно… Да хранит Бог Россию и ее Царя!" (Подписано) *"Радда-Бай"*, – а с другой стороны мое настоящее имя с Адиарским адресом.

Эту карточку мы вложили в жестянку, сплюснули ее и, когда фрегат поравнялся с нашим пароходом, Оллькот ловко перебросил жестянку в группу офицеров и солдат, а

[142] *Желиховская В.П.* Радда-Бай – основательница Теософического Общества // Адьярский архив.

[143] Суэца (*фр.* Suez).

[144] Messageries Maritimes – крупнейшее французское пароходное общество, основанное в 1851 году.

я им закричала: “Письмо командиру”. Ему тотчас же отдали, и он на наших глазах стал читать громко, все офицеры сняли фуражки и начали мне ими махать, а команда громко прокричала: “Ура!..” Мне это было ужасно приятно!

“Мы все очень смеялись вашей оригинальной выдумке, говорил мне Хитрово, и очень были тронуты вашей запиской. Посол и все офицеры согласились тотчас же вам послать благодарственную телеграмму в Порт-Саид на пароход…”

И вообрази, такая досада: мне ее не доставили!.. Я сказала Хитрово, что буду ее требовать на память…»[145]

В доме Арундейлов О.А.Новикова была свидетельницей феномена, который она описала в письме к Ф.Майерсу[146]:

«Holloway’s Hotel.
48 Dover Street, Piccadilly, London.
August 9[147]. 1884.

My dear mr. [Myers][148], я не нахожу решительно никакого затруднения рассказать вам о том, что́ случилось в моем присутствии несколько дней тому назад в доме mrs. Arundale, где я обедала с m-me Blavatsky.

Среди разговоров о различных предметах m-me Blavatsky вдруг умолкла, и мы все ясно услыхали звук, который можно сравнить со звоном серебряного колокольчика. То же самое произошло еще раз, позже, в гостиной, возле столовой…

Я, разумеется, удивилась этому явлению, но еще более следующему. Я только что пропела русскую песню, ноты которой привезла в тот вечер с собою; она очень понра-

[145] *Желиховская В.П.* Радда-Бай – основательница Теософического Общества // Адьярский архив.

[146] См.: Appendix XVI // First Report of the Committee of the Society for Psychical Research Appointed to Investigate the Evidence for Marvellous Phenomena Offered by certain Members of The Theosophical Society. London, 1884.

Майерс Фредерик (Myers, 1843–1901) – английский филолог, поэт, эссеист, один из основателей Общества психических исследований.

[147] Лондон. 9 августа (*англ.*).

[148] Уважаемый господин [Майерс] (*англ.*).

вилась всем, а когда утих отзвук последнего аккорда в аккомпанементе, m-me Blavatsky сказала: “Слушайте!”… Подняла вверх руку, и все мы ясно услышали финальный, полный аккорд из пяти нот, повторенный посреди нас.

Я, конечно, не имею ни малейшей возможности давать этому какое бы то ни было объяснение, но факты были таковы, как я это заявляю.

(подписано) Ольга Новикова, рожденная Киреева»[149].

16 августа Е.П.Блаватская направилась из Лондона в немецкий город Эльберфельд и оттуда написала письмо родственникам, приглашая в гости:

«Я ехала по-царски. У меня всюду были отдельные каюты и отдельные вагоны и ни за что ни разу Гебгард[150], приехавший за мной в Лондон, не допустил, чтоб я хоть копеечку сама заплатила. Нас ехало человек пятнадцать теософистов, да здесь я нашла огромную компанию ожидавших меня немецких теософов. Президент новой германской ветви, Dr Hübbe-Schleiden, барон фон Гофман с женой, граф Дю-Прель, известный астроном[151], и величественная графиня Спритти с мужем и адъютантом (ибо он генерал), капитаном Урбан[ом]. Вот уж могу сказать с Mme de Kourdukoff, что нашла я здесь компанию:

“Лордов, графов и князей – препорядочных людей!”[152]

И все *наши* – теософы! Затем знаменитый живописец Мах – Габриель Макс[153], знаешь? – с женой и свояченицей, и Mme Hammerle из Одессы, и Соловьев пишет, что непременно приедет… Что бы и тебе приехать?..»[154]

---

[149] *Желиховская В.П.* Елена Петровна Блаватская. Биографический очерк // Русское обозрение, 1891, №12. С. 577.

[150] Гебхард Густав (Gebhard, 1828–1900) – немецкий банкир и владелец фабрики по производству шелка, член Теософского общества, Е.П.Блаватская гостила в его имении в Эльберфельде в 1884 и 1886 годах.

[151] Дю-Прель Карл (1839–1899) – немецкий писатель, философ, спиритуалист.

[152] Цитируются строки из поэмы «Сенсации и замечания мадам Курдюковой» поэта Ивана Петровича Мятлева (1796–1844).

[153] Габриэль Макс (1840–1915) — немецкий художник.

[154] *Желиховская В.П.* Радда-Бай – основательница Теософического Общества // Адьярский архив.

Елена Петровна позвала исторического писателя к себе:

«Я здесь без ног, но с Олкотом, Могини и несколькими немецкими теософами… Здесь прелестный городок и прелестное семейство теософов, M-r и M-me Gebhard[155], и его три сына, и невестка, и племянников с племянницами – всего 9 человек. Дом огромный, богатый… Она – ученица Eliphas Levi[156] и с ума сходит по оккультизму. Приезжайте на несколько дней…»[157]

Соловьев приехал и пробыл в Эльберфельде с 26 августа по 1 сентября, помогая Блаватской редактировать ее повесть «Загадочные племена на Голубых горах». При необходимости она посылала записки к нему, подобно этой:

«Всеволод Сергеич, милый, найдите мне, Бога ради, по-русски перевод термина *generation spontanée*[158] – ну как это по-русски, "мгновенное зарождение", что ли? Черт бы побрал ученых, которые выдумывают слова, а в диксионерах[159] их нет. Прошу вас, найдите и сейчас же, немедля, дайте знать, мне нужно для моей Катковской статьи, которая, наконец, кончается. Спасите, родной... Ваша Е.Блаватская»[160].

Об этой поездке Вс. Соловьев рассказал В.П.Желиховской:

«Я на этих днях вернулся из Эльберфельда, где провел с неделю у постели бедной Елены Петровны. Должен сказать вам, что, с точки зрения европейской медицины, она очень и очень плоха; но более чем когда-либо, вместе с окружающими ее, верит в силу своих магатм[161] и *знает*, что болезнь ее не к смерти. Во всяком случае, ей придется

---

155 Гебхард Мэри (1832–1892) – жена Г.Гебхарда, член Теософского общества.

156 Констан Альфонс-Луи (лит. псевдоним Элифас Леви, 1810–1875) – французский философ и писатель.

157 *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 77.

158 *самозарождение (фр.).*

159 словарях (*фр.* dictionnaire).

160 *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 75.

161 махатм.

долго пролежать в Эльберфельде. Доктора констатировали: ожирение сердца, сахарную болезнь и сильнейший ревматизм (от него страшно опухла левая рука, да и до сердца недалеко). Она сильно страдает; но изумительно бодра духом! Чудес не оберешься и, в конце концов, пожалуй, и выздоровеет, чего я изо всех сил желаю, ибо люблю ее»[162].

О «любви» Всеволода Сергеича к ней Елена Петровна сообщила сестре незадолго перед этим:

«Что мне делать с этими *жалкими письмами* влюбленных в меня поклонников? Наполовину приходится отвечать лишь мысленно: "Пущай страдают!" Но ведь множество таких, которых я и сама люблю и жалею, как бедный наш Вс. С.Соловьев. Давно ли я в Лондоне, а уж два жалких письма получила: просит *только* любить и не забывать… Дескать *никого из чужих так не любил, как меня, старуху*…»[163]

В имении Гебхардов происходили некоторые феномены. В письме к графине К.Вахтмейстер[164], посланном из Вюрцбурга 24 января 1886 года, Е.П.Блаватская вспомнила:

«Только представьте (случай с Соловьевым в Эльберфельде): я больна, лежу в кровати; его письмо, *старое письмо*, которое было получено мною в Лондоне и порвано на куски, *снова материализуется* прямо у меня на глазах; я лишь взираю на происходящее. Пять или шесть строчек *на русском языке*, написанные почерком Махатмы К.Х., синим цветом, *словами*, **взятыми из моей головы**; и вот это старое, скомканное письмо медленно плывет *само* через

[162] Из письма Вс. С.Соловьева В.П.Желиховской, 28 августа / 9 сентября 1884 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87. Л. 14–14об.

[163] *Желиховская В.П.* Радда-Бай – основательница Теософического Общества // Адьярский архив.

[164] Вахтмейстер Констанс (1838–1910) – член Теософского общества с 1881 года, в 1885–1887 годах сопровождала Е.П.Блаватскую во время ее проживания в различных европейских городах, с 1887 года работала в Лондоне в Теософской издательской компании, с 1890 года секретарь и казначей Лондонской ложи Теософского общества, жена К.Вахтмейстера (1823–1871), министра иностранных дел Швеции.

спальню (даже я не смогла разглядеть астральной руки челы, выполнявшего операцию), затем проскальзывает в бумаги Соловьева, который в это время пишет в маленькой гостиной, корректируя мою рукопись; а рядом с ним стоит Олькотт, только что державший эти бумаги в руках, который тоже просматривает их вместе с Соловьевым. Последний находит письмо – и я вижу, как в его голове *на русском языке* вспыхивает мысль: "Должно быть этот старый плут (он имеет в виду Олькотта) подсунул его сюда!"»[165]

В следующем письме к Желиховским из Парижа Вс. Соловьев сообщил о новом приглашении погостить в Германии:

«Получил я приказ Елены Петровны, с приписками Надежды Андреевны и Цорна[166], снова явиться в Эльберфельд. Но не могу я этого, ибо ужасно занят: увлекшись теософией или, вернее, представительницей оной, я Бог знает что́ нараксал в своем новом романе и теперь сижу за исправлениями, – а редактор из Петербурга подхлёстывает: скорее! скорее!

Елена Петровна сердится и действует магически. Я чувствую это действие; но креплюсь как истый "чела", долженствующий быть "превыше желаний"»[167].

Соловьев написал Блаватской о событиях, происходивших в ее отсутствие среди теософов французской столицы. Излагаемая им информация больше походила на россказни, сообщаемые недалеким человеком. Так оно и было, ибо он признался, что не понимает смысла деятельности Теософского общества, а его парижский отдел считал «дамским кружком»[168].

---

[165] Государственная и университетская библиотека Нижней Саксонии (Гёттинген); первая публикация: Eclectic Theosophist, 1982, №68, март-апрель. Здесь и далее перевод с английского А.И.Дьяченко.

[166] Цорн Густав Альбертович – преподаватель танцев, секретарь Теософского общества в Одессе.

[167] Из письма Вс. С.Соловьева В.П., В.В., Н.В. Желиховским, 13/25 сентября 1884 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87. Л. 20–20об.

[168] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 42.

«26 Сентября [18]84 г.

Дорогая Елена Петровна, не обладая магическими способностями, я могу не знать, что́ у вас делается, – если не получаю никаких известий и *если мои письма остаются без ответа.* Но зачем же вы не знаете и не видите, что́ здесь делается?!

Как вам известно – герцогиня Помар[169] отказалась от президентства. Она глубоко оскорблена письмом полковника (защитник американских негров действительно оказался неискусным в объяснениях с европейской grande dame[170])[171]. Она шипит, как кошка, которой наступили на хвост, – и как шипящая кошка опасна! Она показывает письмо к ней той одесской дамы, Гемерлей, что́ ли, одним словом, у которой горбатый сын. Эта дама, в свою очередь, рассвирепела от приема, сделанного ей в Эльберфельде, главным образом от того, что от нее *прятали* Могини. Конечно, все обрушивается на вас и каверзы обе эти дамы подстраивают ужасные. Здешнее общество в состоянии разложения и крайнего *недоверия.* Г^{жа} Гемерлей обещает в России *открывать глаза.* О различных рассказах, слухах и сплетнях – говорить противно и не стоит. Драмар[172] и Бэссак[173] могли бы быть полезны, только у них теперь опускаются руки. М^{me} Морсье рвет и мечет и только держится своей любовью к Кут-хуми и отчасти мною. Что могу делать – делаю! Я равнодушен к Т[еософическому] обществу, понимание которого от меня ускользает благодаря вашему ко мне недоверию, но мне дорога ваша репутация. Если я для нее не могу очень многого здесь, то мог бы в России[174]. Поэтому мне и необходимо было свидание с Цорном. Я мог бы с его помощью подрезать крылья Г^{же} Гемерлей, мог

---

[169] *NB.* Mme de Pomar была всю жизнь предана Елене и ныне чтит ее память. – *Приписка В.П.Желиховской.*

[170] знатной дамой (*фр.*).

[171] Г.Олькотт.

[172] Драмар Луис (1848–1888) – член французского отдела Теософского общества.

[173] Бессак Жюль (1827–1898) – переводчик французского военного министерства, член Теософского общества.

[174] Ради этого и денег требовал. – *Приписка В.П.Желиховской.*

бы *укрепить* его, ибо после пребывания в Эльберфельде надо каждого *укреплять*, так как в Эльберфельде много *ошибок* (происходящих не от вас, но которых вы, почему-то, не видите). Мне нет дела до других, но мне надо вас *вынести непричастной*. Я не могу расписывать. Если захотите – вам будет ясно. Отзовитесь же.

Ваш от всего сердца

Вс. Соловьев»[175].

В это же время, 10 сентября 1884 года, в мадрасском журнале «The Madras Christian College Magazine» вышла первая часть клеветнической статьи «преподобного» Г.Паттерсона «Крах Кут Хуми»[176], в которой Е.П.Блаватская была объявлена мошенницей, а Махатмы признавались ее выдумкой. В основу статьи легли письма, написанные якобы Блаватской, из которых было видно, что феномены, производимые ею, были не чем иным как трюками. Эти фальшивые «письма Блаватской» изготовили Эмма и Алексис Куломбы и предоставили Паттерсону. Дело в том, что в мае 1884 года Правление Теософского общества в Адьяре (Индия) исключило Куломбов (Эмма работала экономкой, Алексис – разнорабочим, плотником, механиком) из членов своей организации, предъявив им обвинение в вымогательстве, шантаже, клевете и злоупотреблении денежными средствами общества[177]. После изгнания они нашли пристанище у христианских миссионеров Мадраса[178], которые заплатили им деньги, чтобы те оклеветали Блаватскую. Куломбы справились с поставленной задачей. Также они обвинили Елену Петровну в том, что она подделала все Письма Махатм, которые получали сотрудники Теософского общества. По словам Махатмы К.Х., Эмма «несла в себе злобу дугпа[179]», а Алексис «служил хоро-

[175] ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87. Л. 21–22.

[176] Вторая часть статьи вышла в октябрьском номере журнала.

[177] См.: *Hartmann F.* Report of Observations Made during a Nine Months Stay at the ad quarters of The Theosophical Society at Adyar (Madras), India. – Madras: The Scottish Press, by Graves, Cookson and Co., 1884. – 60 p. (*Гартман Ф.* Отчет о наблюдениях, сделанных в течение девятимесячного пребывания в штаб-квартире Теософского общества в Адьяре (Мадрас), Индия. – Мадрас: The Scottish Press, by Graves, Cookson and Co., 1884. – 60 с.).

Гартман Франц (Hartmann, 1838–1912) – немецкий теософ, врач, писатель.

[178] Речь идет о миссионерах Шотландской свободной церкви (протестантская деноминация).

[179] «…Слово *дугпа* стало синонимом “колдуна”, “адепта черной магии” и все-

шим помощником в ее адских замыслах»[180]. Необходимо сказать, что еще весной теософы получили предупреждение от Учителей, что на Теософское общество «надвигается кризис» и что «некоторые из его лучших членов потеряют голову»[181].

О подробностях заговора Куломбов Блаватская сообщила «родному другу» в письме от 23 сентября 1884 года из Эльберфельда, прося выступить в ее защиту:

> «Дорогой В[севолод] С[ергеевич]. “Tout est perdu – (même) l’honneur”[182]. Что же мне делать? Если даже вы сознались мне, что подозреваете, что я иногда могу заменить *настоящие подложными* явлениями, вы, добрый и дорогой друг, то чего же мне ожидать от врагов? Вот Coulomb[183] взяла свое. Сочинила какие-то будто от меня письма и напечатала (я их еще и не видала) в Миссионерском журнале Мадраса. И эти письма якобы открывают целую систему организованную мошенничества. А я ей никогда и двух строк не писала!! Выходит, что наши махатмы составлены из *пузырей* и *кисеи* да масок[184]. Вы видели ночью *пузырь*, теперь знайте[185]; Олкотт видел “хозяина” несколько раз и говорил два раза с “К.Н.”[186] нос к носу – оба в виде пузырей, и т.д. Мохини едет к вам, т.е. в Париж, через два дня, в четверг, так и скажите

го низкого» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 148).

[180] Из письма Махатмы К.Х. Ф.Гартману, 12 января 1885 г. // http://www.philaletheians.co.uk/study-notes/theosophy-and-theosophists/de-zirkoff-on-franz-hartmann.pdf (перевод с английского А.И.Дьяченко).

[181] Из письма Махатмы К.Х. Субба Роу, апрель 1884 г. // Letters From the Masters of the Wisdom. Second Series. Adyar, Madras, India, 1925. P. 152. Здесь и далее перевод с английского А.И.Дьяченко.

Субба Роу (1856–1890) – индийский юрист, философ, член Теософского общества (1882–1888).

[182] Все потеряно – (даже) честь (*фр.*), отсылка к выражению «tout est perdu, fors l’honneur» («все потеряно, кроме чести»), которое приписывают французскому королю Франциску I, взятому в плен императором Священной Римской империи Карлом V в битве при Павии в 1525 году.

[183] Куломб.

[184] В поддельных письмах, сфабрикованных Куломбами, утверждалось, что являвшиеся бестелесные образы Махатм – всего лишь чучела, сделанные из пузырей и кисеи.

[185] См. далее показание Вс. Соловьева о его встрече с Махатмой, направленное в ОПИ.

[186] Кут Хуми (*англ.* Koot Hoomi).

и объясните дела. Но как вы поможете мне, несмотря на все ваше желание, – не знаю. Вам, говорите, до Общества дела нет, а я вот для Общества, для абстрактной идеи готова не только душу положить, но и честь. Я *подала в отставку*[187] и удаляюсь с арены деятельности. Я уеду в Китай, в Тибет, к черту, если нужно, туда, *где меня никто не найдет*, туда, где никто меня не увидит и не будет знать, где я, – умру для всех, кроме двух-трёх преданных друзей, как вы, и желаю, чтоб так и думали, что я умерла, а потом, года через два, если смерть оставит меня, с обновившимися силами опять явлюсь. Это решено и подписано самим "генералом"[188].

Можете, прежде всего, объявить всем и каждому в Париже, что так как, невзирая на все мои усилия, на то, что я положила за Общество жизнь и здоровье и всю будущность, меня подозревают не только враги, но даже и свои теософы, то я и отрезаю зараженный кусок от здорового тела, то есть себя от Общества. Все ухватились за идею с такой радостью, и Олкотт, и m-me Гебгард, и другие, что я не нашла даже сожалений. Предоставляю мораль – нравоучение – вам. Конечно, я не удалюсь в "пустыню", пока Олкотт (который уезжает в Индию с первым пароходом) не поправит дел в Адьяре, не объявит и не докажет заговора – Куломбше дали 10000 руп[ий], теперь доказано, чтобы погубить общество, – а как только все это успокоится, то и удалюсь – куда, еще неизвестно, все равно, впрочем, лишь бы туда, где бы никто

[187] В связи с клеветой Куломбов Е.П.Блаватская 27 сентября 1884 года подала прошение об отставке с поста секретаря-корреспондента Теософского общества, которое было позже отозвано по настоятельным просьбам его сотрудников. Она писала 3 октября 1884 года О.А.Новиковой: «Jamais il n'ya en une telle conspiration <Никогда не было такого заговора, *фр.*>. Coulombs получили 10000 рупий to *upset* the Th[eosophical] Society <на *разрушение* Т[еософского] общества, *англ.*> – от Миссионеров. Я подала в отставку, теперь кончено и *не попаду* в Адьяр until *I am thoroughly vindicated* <до тех пор, пока *я не сумею доказать свою правоту, англ.*>. Где я буду этот год или два, не знаю; но жить в обществе после такого бесчестия – не могу. Конечно, я буду в Англии – все вещи в Лондоне оставила, – но ненадолго; затем поеду в Париж на недели две к Соловьеву и другим, – а потом *adieu <прощайте, фр.>*. Надоело, все. Пора умирать» (Письма Е.П.Блаватской к О.А.Новиковой (1884–1891) // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/rukopisi.html). См. также письмо Е.П.Блаватской от 28 сентября 1884 года для журнала «Light», впервые опубликованное в номере «The Theosophist» за август 1931 года (*Blavatsky H.P.* Collected Writings. 15 vols. Wheaton, Madras, London, 1989. Vol. VI. P. 281–284).

[188] Речь идет об Учителе Е.П.Блаватской.

не знал. Письма к Каткову могу отправлять через вас[189]. Олкотт будет, конечно, знать, где я, а другие пусть думают, что хотят. Чем безумнее выдумки, тем лучше. *Вот в этом можете мне помочь действительно.* Вам доверюсь вполне, и могу и *буду* управлять Обществом издали лучше, чем на виду.

Вот, родной мой друг, всё. Остальное скажу с глазу на глаз, потому что хочу тихонько от всех приехать к вам на несколько дней, если захотите. Отвечайте скорее и не отговаривайте, потому что это единственное спасение и мне, и Обществу. Эффект моей публично заявленной мною отставки будет *громадный.* Увидите. А вы поспешите объяснить это в Питере – хоть в *Ребусе* – тем, что Общество наше устроено не для произведения феноменов, а их изучения; не для боготворения махатм, а для всемирного дела, и чтобы доказать, что вера в сверхъестественность есть *суеверие, глупость*, а вера, т.е. наука (!!), знание сил природы, неизвестных нашим ученым, есть обязанность каждого интеллигентного человека, и что так как половина теософов и все спириты считают меня кто сильным медиумом[190], а кто и шарлатанкой, то мне все это надоело, и я, любя Общество больше души своей, добровольно отстраняюсь от него на время ради избежания соблазна. Ради Бога, сделайте это тот-

---

189 Речь идет о главах книги Е.П.Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана».

190 «Конечно, В[еликие] Уч[ителя] пользовались центрами Блав[атской], чтобы протолкнуть новое знание. Она иногда говорила под воздействием нескольких Учителей и в разном напряжении их Лучей. Блаватская была совершенно исключительным медиумом, ставшим медиатором* под воздействием В[лады]ки. Пользуясь ее центрами, для вящей убедительности Они набрасывали Майю Облика говорившего через нее Учителя. Простые медиумы открыты для пользования их телами развоплощенными духами, часто очень низкого развития и даже преступным элементом среди них, и в этом страшная опасность медиумизма. Но Блав[атская] находилась под Лучами В[еликого] В[лады]ки и не могла, конечно, оявиться ни с кем другим. Е.П.Б[лаватская] была духом исключительно мощным и высоким, принявшим медиумистическое тело для лучшего подхода к людям, и стала жертвой невежества окружавших ее людей. Ярые убили ее своим недоверием и преследованиями и не дали ей закончить ее миссию» (*Рерих Е.И.* Письма. В 9 т. Том IX (1951–1955 гг.). – М.: Международный Центр Рерихов, 2009. С. 336–337).

* «Так называемые медиаторы – те же медиумы, но они отличаются большими накоплениями психических способностей на протяжении прошлых жизней. Сейчас такие медиаторы очень нужны для сдвига сознания с мертвой точки узкого материалистического мировоззрения» (*Рерих Е.И.* Письма. В 9 т. Том VIII (1948–1950 гг.). – М.: Международный Центр Рерихов, 2008. С. 306).

час же, а не то поздно будет. Вам Мохини расскажет всю *конспирацию*[191] в Мадрасе против Адьяра и Общества. Ошельмуйте вы этих подлых кальвинистов-миссионеров – будьте другом. А пока отвечайте. Я хочу уехать в Лондон к концу этой недели. Да, сослужите службу. Узнайте в Rue Byron 11 *bis* – не живет ли там артистка *chromophotographiste*[192] Madame Tcheng, а если уехала, то куда. Но она вас не должна ни видеть, ни знать. Ах, кабы вас увидать, да переговорить, да устроить, да совет от вас получить! Ну, война, не на живот, *а на смерть*.

На тя махатмы уповаем, да не постыдимся во веки[193]!! Ваша по гроб Е.Блаватская.

Et les "mahatmas" ne l'abandonneront pas – mais, la situation est furieusement *sérieuse*. O[lcott] est bête, mais il n'y en a pas d'autre. K.H.[194]»[195].

В ответ Вс. Соловьев послал Блаватской две корреспонденции. В письме от 29 сентября он писал, что был бы счастлив, если бы она приехала к нему в Париж, и умолял ее «не торопиться выходить в отставку». В следующем письме от 1 октября Соловьев сообщил Елене Петровне, что выполнил ее просьбу и нашел «хромофотографистку с китайской фамилией». Но он так ничего и не написал в ее защиту в русской прессе – не «ошельмовал подлых кальвинистов-миссионеров». Подписывал он свои письма неизменным «ваш от всего сердца».

«[29 сентября 1884 г.].
Понедельник.

Дорогая Елена Петровна, сейчас получил письмо ваше. Верьте – не верьте, но ни оно, ни даже приписка Кут-Хуми

[191] Конспирация (*фр.* conspiration) – интрига.

[192] Хромофотография – способ получения цветной фотографии.

[193] См.: «На Тя, Господи, уповах, да не постыжуся во век: правдою Твоею избави мя и изми мя» («На Тебя, Господи, уповаю, да не постыжусь вовек; по правде Твоей избавь меня и освободи меня», Пс. 30, 2).

[194] «И "махатмы" ее не покинут, – но положение яростно *серьезно*. О[лькотт] глуп, но другого нет. К.Х.» (*фр.*).

[195] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 93–96.

меня ничуть не удивили. Я произведу *сенсацию* через Mme Морсье. Приезд Мохини (если он хорошо и твердо направлен) *очень кстати*. Какая подлость, что я не говорю по-английски!

Видеться мне с вами положительно нужно и мне нечего расписывать, как бы я был счастлив, если бы вы ко мне приехали. Не я один, а *мы*. И вам, надеюсь, было бы удобно. Из Эльберфельда в Лондон *через Париж* – крюк небольшой.

Быть может и договорились бы до чего-нибудь *по-русски*. И я бы проводил вас в Лондон.

Не знаю, чем и умолять вас не торопиться выходить в *отставку*. Поговоримте прежде! – и если это неизбежно, то при вас я и напишу все, что надо и куда надо.

Что же можно в письмах?!

Жду дальнейшего.

Ваш от всего сердца

Вс. Соловьев.

Не волнуйтесь во имя всего святого!»[196]

«1 Окт[ября] [18]84.
Париж.

Дорогая Елена Петровна,
хромофотографистка с китайской фамилией живет именно там, находится в настоящее время в Париже и занимается не только изготовлением портретов, но и изготовлением каких-то статей в здешние газеты *Gaulois* и *Gil Blas*.

Madame de Morsier уверяет, что я ее сегодня загипнотизировал, а гипнотизация эта заключается в том, что она вас вдруг ужасно полюбила и почувствовала, держа мои руки (ужасно щекотно) и нюхая ваше последнее письмо с припиской Кут-хуми, что вы совсем искренни et bonne, bonne comme du pain[197]!

Я должен непременно знать, когда, с каким поездом приедет Могини. Надеюсь, он посетит меня, тогда бы и Mme de Morsier (это ее желание) явилась с Бессаком. Бессак

[196] ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87. Л. 46–46об.

[197] и добрая, сама добросердечность (*фр.*).

теперь оканчивает очень серьезную, обширную и *сочувственную* статью о Теософии; но он впадает в некоторые ошибки, которые указать ему может Могини.

Вчера послал вам два письма. С этим вместе посылаю ответ Китли.

Получили ли мою легенду для предполагаемой книжки? Не совсем подходящий, пожалуй, сюжет, но чем богат – тем и рад. По-русски оно хорошо, а по-французски вышло плохо[198].

Жду вас, хотя еще не верится такому благополучию.

Ваш от всего сердца

Вс. Соловьев»[199].

В своей клеветнической книге Соловьев отрицал свою помощь Блаватской, написав, что «не стал искать какую-то “hromophotographiste”, которая не должна была “ни видеть, ни знать меня” – все это было бы, по меньшей мере, нелепым»[200]. И по поводу своего крайнего возмущения «припиской Кут-Хуми», господин литератор также наврал в книге, ибо в его письме к Елене Петровне, как мы видим, ничего подобного нет. По его фантазии именно эта «приписка» якобы послужила для него последним доводом к окончательному изобличению руководителя Теософского общества и решимости собрать доказательства всех ее «обманов». Это совершенно не вяжется, как мы видим, с умилительно-радостным ожиданием встречи («еще не верится такому благополучию») с Блаватской.

От Елены Петровны пришел ответ из Эльберфельда от 3 октября:

«Дорогой В[севолод] С[ергеевич]. Старалась сделать по вашему – невозможно. Ехать в Париж одной, когда я насилу хожу, безумие. Еду в понедельник[201] в Лондон. Останусь (п[отому] ч[то] необходимо) в Лондоне недели две, а затем еду к вам в Париж, хотите на неделю, хотите

[198] Возможно, речь идет об одном из произведений из книги Вс. Соловьева «Рассказы и очерки» (СПб., 1884, раздел «Кавказские легенды»).

[199] ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87. Л. 23–24.

[200] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 96.

[201] 6 октября 1884 года.

на две. *Никто не должен знать*, где я, кроме Геббарта[202], который вполне предан мне и делу. Я вышла в отставку, и теперь идет страшнейшая кутерьма. "Генерал" приказал эту стратегию, а он знает. Я, конечно, осталась *членом*, но простым членом, и *исчезаю* на год или два с поля битвы. Это письмо вам передаст Могини. Он останется в Париже до вторника. Геббарт приедет за мною, когда я хочу, и повезет, *куда* захочу. Но куда мне ехать так, чтобы никто, кроме нескольких преданных друзей, не знал, где я, – я решительно не знаю.

Поймите, мой дорогой В[севолод] С[ергеевич], мне *необходимо для моего плана* исчезнуть без следа на некоторое время. Тогда будет реакция и в мою пользу. Я хотела ехать в Китай, если махатма позволит, да денег нету. Если узнают, где я, то все пропало. Вот помогите советом. "Хозяин" велел так и так в общем плане, а мне предоставил дэтали[203] и комбинации – как и всегда – на мой страх и голову. Провалюсь – тем хуже для меня. Ну а вот в России вы можете помочь. Сказать, что вследствие *конспираций*, о которых вам Могини расскажет, и здоровья я была вынуждена оставить на год или полтора деятельную работу. Что и правда: сил моих нету. А теперь я кончу II часть *Дебрей* и будет лучше. Но программа моя, если вы одобрите, такая: пусть люди слышат о нас как можно более таинственного, но и *неопределенного*. Пусть теперь мы, теософы, будем окружены такой таинственностью, что сам черт ничего через очки даже не увидит. А для этого нам нужно писать, писать и писать. Ну, до свиданья. Могини все расскажет. Ваша навек Е.Блаватская»[204].

Вс. Соловьев прислал ответное письмо с описанием «странного» происшествия – «магнетическое влияния» Блаватской на него:

---

[202] Г.Гебхард.

[203] Так в тексте.

[204] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 98.

«[6 октября 1884 г.].
Понедельник, вечер.

Дорогая Елена Петровна, Могини – большая умница, и я полагаю, что он удостоится от своего учителя большой похвалы за это пребывание в Париже. Устроить что-нибудь действительно хорошее и серьезное со здешними господами – нет человеческой возможности; но что́ можно было сделать – он сделал.

Сегодня у Морсье (это было последнее собрание) он был великолепен, говорил так хорошо, умно и, главное, *кстати*, что мне сильно хотелось расцеловать его браминское недотрожество моими опороченными винопитием, мясоедением и греховными поцелуями устами. Хотя я известен здесь за скептика, ведущего борьбу со всякой оккультностью и даже с вами, но все же так как известно также, что я ваш соотечественник и предан вам как Елене Петровне, то мои слова могут показаться пристрастными и не произвести должного впечатления. Между тем, Могини – это что-то вроде маленького непогрешимого папы, в устах коего несть ни лжи, ни пристрастия. Ввиду этого я просил его поведать нам все, что он знает про вас, высказать свое мнение и сделать характеристику. Он приступил к этому прекрасно и начал производить сильное впечатление. Но так как он вздумал ехать с вечерним поездом, то, взглянув на часы, я убедился, что надо прервать немедля начатый разговор и спешить за его вещами ко мне, накормить его и скорее на поезд – не то опоздает. Вдруг со мной совершилось нечто странное: я весь похолодел (трогали мои руки – как лед), голова пошла кругом, я закрыл глаза, от меня на бывшего тут же со[м]намбула Эдуарда пошло нечто, от чего он стал всхрапывать, – и вот я, с закрытыми глазами, увидел вас и почувствовал, что вы желаете, чтобы Могини остался до утреннего поезда. Я должен был всем сообщить об этом. Могини остался и докончил свою блестящую, убедительную беседу.

Теперь, понятное дело, все ждут знать, что́ это такое было: действительная передача на расстоянии вашей мысли и желания, ваше магнетическое на меня влияние – или моя фантазия, а, пожалуй, даже и выдумка. Больше всех, ко-

нечно, интересуюсь этим я, а потому прошу вас не оставить меня и нас в неизвестности. Если это было верно, то пусть Могини немедля сообщит об этом Mme Морсье – пока Драмар еще не уехал.

Жду от вас весточки, будьте здоровы и крепки.

Ваш Вс. Соловьев»[205].

[205] ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87. Л. 17–18.

V

6 октября Е.П.Блаватская выехала в Лондон и оттуда написала Вс. Соловьеву (письма от 8–9 и 14 октября) о желании с ним «повидаться еще раз», «страшной сумятице» в Индии («войне с миссионерами») и отъезде на Цейлон:

«9, Victoria Road. Kensington.

Дорогой В[севолод] С[ергеевич]. Вот мой новый адрес – на две недели, не более. Меня усылают в Египет, а затем на Цейлон, поближе домой, но не домой. Будет, как "хозяин" велел, – не возвращаться в Мадрас, пока Олкотт не устроит, а оставаться в Европе тоже невозможно. Думали, думали, не придумали. Нет у нас денег разъезжать и жить каждый врознь. Теперь со мною едут до Цейлона теософы (M-r и M-rs Cooper Oakley[206], отправляющиеся в Мадрас), а одной мне ехать без никого немыслимо.

Ревматизм снова гуляет по плечу и немного повсюду. Хватит еще как в Эльберфельде – тогда прощайте – на сердце бросится.

Ну как же мы с вами увидимся? Мне невозможно ехать в Париж, когда я насилу хожу! Господи, как бы я желала с вами повидаться еще раз. Неужели же вам нельзя приехать хоть дня на два? Я знаю, что нам должно повидаться; но что же я буду делать, когда судьба не дозволяет? Будь я немного здоровее, я бы приехала. Я ужасно сожалею теперь, что проехала не на Париж. Но я была не одна, а бросить Mrs Holloway было невозможно, когда она приехала со мною в Эльберфельд и *только для меня*. Напишите, посоветуйте, родимый. Это ужасно, если я вас не увижу до отъезда! В Индии идет страшная сумятица. Война с миссионерами не на живот, а на смерть. *Или они или мы*. 220 студентов du

[206] Купер-Оукли Альфред (1853–1899) – магистр гуманитарных наук, окончил Кембриджский университет, присоединился к Теософскому обществу в 1884 году, в 1885–1887 годах референт Г.Олькотта.

Купер-Оукли Изабель (1854–1914) – член Теософского общества, писательница.

Collége chrétien[207], все индусы, отказались слушать курсы и оставили Коллегию после этого пакостного заговора миссионеров и напечатанных ими *якобы моих* писем и записочек к Куломбам и перешли гуртом к нам.

Que c'est un faux, c'est tout à fait évident[208]. Писать такие глупости, какие там написаны, может только особа совершенно незнакомая с Индией – как эта Coulomb, напр[имер]: я пишу о приготовляемых мною фокусах для бенефиса "махараджи *Лахорского*", когда такого создания и нет в Индии, как *Лахорский* махараджа или раджа!! и т.д. и т.д. Подлог уже открыт в двух или трех письмах, но скандал ужасный. Можете себе представить, как *они боятся* и ненавидят меня, когда за неделю до появления в печати этих подложных писем в Калькутте в день выборов муниципалитета появились на всех углах улиц – *буквально тысячами* – наклеенные афиши со словами: "Падение m-me Блаватской"!! Ну, штука, и должно быть я, в самом деле, опасный для них человек. Это все шотландские кальвинисты-миссионеры, самая подлая, низкая секта, настоящие иезуиты *minus*[209] ума и хитрости последних. Но я еще не упала и докажу им это, даст Бог. Это "падение" будет еще торжеством, коли не помру.

Отвечайте, милый человек. Скажите, кончили ли *Изиду* французскую II часть? Пришлите, коли она вам не нужна. Новикова очень желает познакомиться с вами[210]. Ах, кабы вы приехали! Ваша до гроба Е.Блаватская»[211].

«Дорогой В[севолод] С[ергеевич]. Ради Бога не обвиняйте меня в равнодушии! Против меня мерзейший заго-

---

[207] *христианского колледжа (фр.).*

[208] Это же явная ложь, это же совершенно очевидно (*фр.*).

[209] *без* (*англ.*).

[210] Е.П.Блаватская послала О.А.Новиковой свою визитную карточку, рекомендуя ей Вс. Соловьева с указанием его парижского адреса: «H.P.Blavatsky, Corresponding Sec[retar]y of the Theosophical Society, New-York & Bombay <Е.П.Блаватская, секретарь-корреспондент Теософского общества, Нью-Йорк, Бомбей, *англ.*>, – просит своего друга Всеволода Сергеича Соловьева – принять, узнать и обожать *ее* друга Ольгу Алексеевну Новикову, "O.K.". 48, Rue Pergolese. Champs Elysées – Paris» (Письма Е.П.Блаватской к О.А.Новиковой (1884–1891) // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/rukopisi.html).

[211] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 99–100.

вор, и если мы не захватим вовремя, то вся моя десятилетняя работа пропала. Потом расскажу или Олкотт. Олкотт едет в Адьяр из Марселя 20-го. Он оставляет Лондон в среду, завтра вечером[212], и будет в Париже 14-го[213] утром. Он остановится в гостинице, а вы узнаете от de Morsier где. Ради Бога приезжайте, если можете. Я взяла вместе с преданными теософами, которые едут со мною в Адьяр, маленький дом здесь, где я останусь на две, самое большее на три недели, потом еду в Египет, где остановлюсь на несколько дней. В письме невозможно всего сказать. Напишите хоть несколько слов. Когда бы вы знали, в каком я ужасном положении, то вы бы не смотрели, пишу я вам или нет. Господи, кабы вас увидеть! Пожалуйста, пишите. Олкотт объяснит вам все.

Вам преданная навек Е.Блаватская»[214].

Соловьев сообщил, что вряд ли сможет приехать в ближайшее время в Лондон, «ужасался» поездке «дорогой Елены Петровны» на Цейлон и настаивал на непременном издании «Разоблаченной Изиды» «для французов»:

«22 Окт[ября] [18]84 г.
Париж.

Дорогая Елена Петровна; в пятницу[215], едва держась на ногах, я провел весь день с Олькоттом. В субботу он с Р.Гебгардом[216], вернувшись от Адемар, у меня обедали, а после обеда я *слег* и лежу до сих пор. Запустил простуду и вышло совсем скверно. Не знаю, когда доктор позволит выйти из комнаты. В таком положении думать о *скорой* поездке в Лондон – невозможно.

Когда вы поехали из Эльберфельда не на Париж – я уже знал, что не увижу вас у себя. Конечно, вам при состоянии вашего здоровья невозможно разъезжать. Но еще невозмож-

---

[212] 15 октября.
[213] Неточность, необходимо: 16-го.
[214] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 100–101.
[215] 17 октября.
[216] Гебхард Рудольф (1857–1935) – сын Г.Гебхарда.

нее ехать на Цейлон – я без ужаса не могу подумать об этом вашем путешествии. Уж если решено – уезжайте в Египет и живите в Каире зиму.

Вряд ли я буду иметь возможность приехать к вам до вашего отъезда из Лондона; но на всякий случай пришлите мне подробнейшие указания – ведь я – *немой* для Англии.

1, на какую Лондонскую станцию брать билет из Парижа, 2, где остановиться, 3, как найти вас.

Вторая часть *Изиды*? Мне кажется, что и первую часть надо вам прислать в Париж, так как эту книгу нужно непременно издать здесь для французов. Mme де Морсье очень пригодится для ошибок, и она готова работать. Мне кажется, что если дюшессу[217] оставляют почетной президентшей, то, если она хоть мало-мальски порядочная женщина и себя уважает, должна же сделать что-нибудь для общества: пусть издаст вашу *Изиду*. Пошлите к ней Оклея[218] – он скажет, что парижское общество крайне нуждается в издании этой книги и надеется, что почетная президентша исполнит эту свою *прямую обязанность*.

Если она такой Плюшкин[219], что не может, при своем богатстве, сделать такого пустяка, – то на что же она годна?!

Если она формально не возьмется издать *Изиду*, то я чувствую, что не удержусь и произведу некую "флюшку"[220]. Я терпеть не могу таких гадостей, как эта дюшесса.

Может быть, следует, чтоб Mme де Морсье ей написала, от имени общества, о необходимости издать *Изиду*? Обдумайте это и дайте знать.

Пока до свидания.

Ваш всем сердцем
Вс. Соловьев»[221].

---

[217] герцогиню (*фр.* duchesse); речь идет о М.Кейтнесс.

[218] А.Купер-Оукли.

[219] Плюшкин – персонаж поэмы Н.В.Гоголя «Мертвые души», фамилия которого стала нарицательной для обозначения болезненной скупости.

[220] Флюшка – «скандал – на интимном языке Е.П.Б[лаватской]» (*Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 41).

[221] ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87. Л. 25–26об.

Необходимо вспомнить, что в своем клеветническом опусе господин литератор ни словом не упоминает о собственной высокой оценке «Разоблаченной Изиды» и желании видеть ее изданной на французском языке. Наоборот, об этом труде он говорит только в уничижительном тоне[222].

Перед самым отъездом в Индию Блаватская написала Соловьеву:

> «Поздно, дорогой В[севолод] С[ергеевич], – телеграмма за телеграммой, зовут *домой*. Там такая кутерьма, что света божьего не видать. Один из наших теософов в Адьяре – Гартман – приколотил до полусмерти миссионера за пасквиль на Общество и меня. Теперь битва начинается не на живот, а на смерть. Положу свои старые косточки за правое дело, не поминайте лихом, дорогой друг. Не бойтесь, "хозяин" заступится. Я еду с M-r и M-rs Cooper Oakley – друзья M-me de Morsier. Они и дом продали – едут со мною или вместе победить врага, или умереть. "На тя Парабрама уповахом, да не постыдимся вовеки". Вот так *devotion*[223]! Ведь всю карьеру погубили... Я останусь всего недели на две наиболее в Египте, а затем домой. Мы отправляемся из Ливерпуля 1-го ноября в стимере[224] Clan Mac Carthy и остановимся в Александрии. Буду писать вам оттуда и все расскажу. Прощайте надолго. Навеки преданная Е.Блаватская»[225].

Елена Петровна вынуждена была вернуться в Адьяр, чтобы «положить свои старые косточки» за теософию. Она писала сестре:

> «…Все изменилось. Подул ветер враждебный: какое лечение? какое здоровье?.. Скорей назад, в убийственный для меня климат, – все равно! Хотя бы ценою смерти я должна изобличить козни и клеветы, потому что они *не мне одной вредны*, а подрывают доверие к делу, к Об[шест]ву, *в которое я*

---

222 *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 75, 307.

223 *преданность* (*фр.*).

224 пароходе (*англ.* steamer).

225 *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 101–102.

вложила свою душу, – чего ж мне заботиться *о жизни*?.. Нам пишут, что не осталось в Мадрасе, Бомбее и Калькут[т]е свободного угла на стенах улиц, где не были бы вывешены тысячи афиш: "Падение Mme Blavatsky! Ее интриги и обманы открыты!" и пр. и пр. Зато не одна тысяча людей восстала в мою защиту. Не только письма – телеграммы в несколько тысяч рупий – присланы в Лондонский "*Times*".

Там же в Индии война идет не только газетная. Более двухсот студентов-туземцев вычеркнули свои имена из этой "Христианской Коллегии", журнал которой напечатал эти удивительные *мои* письма. Впрочем, кроме двух-трех индийских правительственных газет, там все за меня вступились… Даже и здесь нашлись добрые друзья: О.А.Новикова сейчас привезла ко мне Макензи Уолласа[226], что в России жил, написал такое прекрасное сочинение о России[227] и хорошо говорит по-русски. Этот Wallace назначен старшим секретарем к Вице-королю Лорду Дёфферину[228]. Он дал мне рекомендательное письмо к Нубар-Паше[229] в Каире, прося его помочь мне навести справки о Coulombs. Необходимо вывести на чистую воду этих негодяев…»[230]

Махатма К.Х. в письме к А.П.Синнетту от 1–2 октября 1884 года отметил суть происходивших событий:

«Воздух полон бациллами предательства, на Общество ливнем обрушивается незаслуженный позор, в ход идут ложь и клевета, лишь бы его потопить. Церковная Англия и официальная Англо-Индия тайно соединили руки, чтобы *утвердиться* в своих худших подозрениях и по возможно-

---

[226] Уоллес Дональд Маккензи (1841–1919) – британский писатель и журналист, личный секретарь вице-королей Индии лордов Дафферина и Лансдауна.

[227] «Россия» (1877, в 2 т.).

[228] Фредерик Темпл Гамильтон-Темпл-Блэквуд (1-й граф Дафферин, 1826–1902) – британский государственный деятель, вице-король Индии с 1884 по 1888 год.

[229] Нубар-паша (1825–1899) – египетский государственный деятель, премьер-министр Египта (1878–1879, 1884–1888, 1894–1895).

[230] *Желиховская В.П.* Радда-Бай – основательница Теософического Общества // Адьярский архив.

сти под первым же благовидным предлогом сокрушить все движение. Они не побрезгуют никакими, даже самыми постыдными методами, как делают это и теперь, лишь бы дискредитировать *нас* как покровителей Общества и вас как его поборников. Ибо эта оппозиция представляет укоренившиеся веками интересы, и ее с энтузиазмом поддерживают дугпа – как в Бутане, так и Ватикане!

В число "главных мишеней", куда целятся заговорщики, входите и вы. Они приложат в десять раз больше усилий, чем прежде, чтобы потопить вас в океане насмешек по поводу вашего *легковерия* и особенно – вашей веры в меня, а также чтобы разбить ваши аргументы в защиту эзотерического учения. Они могут попытаться поколебать ваше доверие еще сильнее, чем это им уже удалось, – с помощью сфабрикованных писем, якобы исходящих из лаборатории Е.П.Б[лаватской] или из других источников, или же с помощью поддельных документов, якобы вскрывающих и признающих обман и извещающих о его планируемом повторении. Так было всегда. Те, кто следил за человечеством на протяжении многих веков этого цикла, каждый день наблюдали эту смертельную борьбу между Истиной и Заблуждением во всех подробностях, которые повторяются снова и снова. Некоторые из вас, теософов, сейчас только ранены – пули задели вашу "честь" или ваши кошельки, но те, кто несли светильник в былых поколениях, платили за свое знание жизнью.

Потому, храните мужество, вы все, желающие быть воинами единой Божественной Истины, держитесь смело и уверенно, берегите вашу нравственную силу, не растрачивайте ее попусту, но храните ее для таких великих событий, как нынешние. В апреле я предупредил вас всех через Олькотта о том, что в Адьяре готовится взрыв, и сказал ему, чтобы он не удивлялся, когда бомба разорвется. Со временем все уладится – главное, чтобы вы, великие и выдающиеся главы этого движения, хранили верность, зоркость и единение»[231].

[231] The Mahatma Letters to A.P.Sinnett from the Mahatmas M. & K.H. London, 1923. P. 322–323.

Предупреждение от Махатмы К.Х. было послано Г.Олькотту 5 апреля 1884 года и гласило:

> «Не удивляйтесь ничему, что вы можете услышать из Адьяра, и не впадайте от этого в отчаяние. Возможно, – хотя мы и пытаемся предотвратить это в рамках дозволенного кармой, – вас ожидают дома крупные неприятности, через которые вам нужно пройти. Несколько лет назад вы приютили под своей крышей предателя и врага, а миссионеры только того и ждут, чтобы воспользоваться любой ее [Эммы Куломб] услугой, к которой они могут ее подтолкнуть. Готовится самый настоящий заговор. Она доведена до бешенства появлением мистера Лейна-Фокса[232] и полномочиями, которые вы дали Контрольному Совету. После отъезда Е.П.Б[лаватской] из Индии мы произвели в Адьяре несколько феноменов, чтобы защитить Упасику[233] от заговорщиков»[234].

[232] Лэйн Фокс-Питт Сент-Джордж Уильям (1856–1932) – английский инженер-электрик, изобретатель, член Теософского общества, член ОПИ.

[233] Духовное имя Е.П.Блаватской

[234] Letters From the Masters of the Wisdom. 1870–1900. First Series. Fours Edition. Adyar, Madras, India, 1948. P. 47–48. Здесь и далее перевод с английского А.И.Дьяченко.

VI

9 октября 1884 года в лондонской газете «Times» было напечатано опровержение Е.П.Блаватской против клеветы Куломбов, перепечатанное в журнале «Ребус»:

> «Милостивый государь! В Мадрасе распространились неосновательные и возмутительные слухи о заговоре, в который я будто бы пошла с гг.[235] Куломб[ами] для обмана публики таинственными явлениями. Относительно этих обвинений я скажу, что приписываемые мне письма написаны не мною. Некоторые мысли, изложенные в них, действительно были высказаны мною, но они настолько затемнены разными вставками, что смысл их совершенно извращен.
>
> Подделыватели писем до того грубо невежественны, что приписывают мне, например, отзывы о Лагорском магарадже, тогда как в Индии каждому школьнику известно, что такой особы не существует.
>
> Что касается обвинений в том, что я будто бы обманывала ради денежных средств Теософического общества, то я никогда никаким образом не выманивала и не вымогала денег как для себя, так и для "Общества", и смело предлагаю всякому попытаться доказать противное, если я не права. Деньги я получаю только за мои литературные произведения и еще доходы с наследственного имения, которое я получила раньше, чем посвятила свою деятельность Теософическому обществу. Теперь я беднее, чем была в то время, когда основала "Общество". Ваша покорная слуга Е.Блаватская. 7 Октября 1884 г.»[236].

В письме к Олькотту в июле 1885 года Елена Петровна также заверила, что она «не писала "Куломбовских писем"»:

> «Клянусь Учителем, которому я верно служу и за честь выполнения приказов которого я теперь страдаю, пусть

[235] господами.

[236] Ребус, 1884, №41, 14 октября.

он проклянет меня в следующем рождении, ах, в десятке рождений, если я когда-нибудь сделала что-либо по собственному почину, если я когда-нибудь написала хотя бы строчку этих дьявольских писем. Мне наплевать на экспертов; мне наплевать на миссионеров, суд, жюри и на самого дьявола во плоти. То, что я говорю вам сейчас, я повторю перед всеми судьями Азии, Европы и Америки. *Я не писала "Куломбовских писем"*. И если единственный человек на земле, которому я слепо доверяю, – **Учитель** – придет и скажет, что я сделала это, тогда я положу их под Его дверью, потому что никто и ничто в этом мире не могли отнять у меня воспоминания об этом поступке – этом идиотском, безумном поступке, кроме Него. Так что вам лучше заткнуться и спросить *у Него*. Но сама идея! Если бы я была такой дурой, я бы никогда не уехала в Европу; я бы вывернула наизнанку небо и землю, чтобы не позволить Совету по управлению выгнать их[237]; я бы вернулась домой при первом намеке на опасность... Я страдаю за свои неправедные деяния века назад. Я знаю, *за что* страдаю, и низко склоняю свою голову в унижении и смирении. Но я склоняюсь только перед кармой и моим Учителем. Я никогда не склонюсь перед падре или страхом перед ними. Вы можете опубликовать это письмо теперь либо когда я умру, чтобы они знали. <…> Если вы или любой из вас истинно верит в то, что я виновата в сознательном исполнении этих трюков, или что я использовала Куломбов в качестве союзников или кого-нибудь другого, и что я – не целиком и полностью жертва самого отвратительного заговора, заговора, который *готовился пять лет*, тогда телеграфируйте мне туда, где я нахожусь: *"Никогда не показывайся в Обществе"*, – и я не буду. Пусть я погибну, но Общество будет жить и процветать»[238].

---

[237] Куломбов.

[238] *Безант А.* Е.П.Блаватская и Учителя Мудрости // Махатмы. Легенды и реальность. М. 2001. С. 110–111.

Безант Анни (1847–1933) – английская социалистка, борец за права женщин, член (с 1889 года) и президент (с 1907 года) Теософского общества, писательница.

Узнав о нападках на Е.П.Блаватскую, чтобы поддержать ее, Вс. Соловьев послал в ОПИ показание о своей встрече с Махатмой как доказательство реальности существования Учителей:

«Получив от моей соотечественницы, госпожи Елены Блаватской, письмо, в котором она сообщала о плохом состоянии своего здоровья и просила приехать к ней в Эльберфельд, я решился на это путешествие. Но поскольку состояние моего собственного здоровья принуждало меня соблюдать определенные предосторожности, я предпочел сделать остановку в Брюсселе, где до этого не бывал, чтобы передохнуть из-за невыносимой жары.

Из Парижа я выехал 24 августа [1884 года]. На следующее утро в "Гранд-отеле", где я остановился, мне встретилась мадемуазель А. (дочь старого русского посла и фрейлина русской императрицы)[239]. Узнав, что я направляюсь в Эльберфельд на встречу с госпожой Блаватской, которую она знала и очень уважала, она решилась поехать со мной. Мы провели весь день вместе, рассчитывая выехать назавтра девятичасовым поездом.

В восемь часов, будучи полностью готовым к отъезду, я зашел к мадемуазель А. и нашел ее в большом затруднении. Все ее ключи, которые она обычно носит с собой в небольшой сумочке и бывшие с ней, когда она ложилась спать, ночью исчезли, хотя дверь ее комнаты была заперта на ключ. Таким образом, поскольку все ее чемоданы оказались заперты, было совершенно невозможно упаковать вещи, которыми она пользовалась. Мы оказались вынужденными отложить наш отъезд, чтобы сесть на поезд, отправляющийся в час пополудни, и вызвали слесаря, чтобы он открыл большой чемодан. Когда чемодан был открыт, все ключи, которые мы искали, нашлись в глубине чемодана вместе с ключом от этого же чемодана на одной связке. Поскольку вся первая половина дня оказалась в нашем распоряжении, мы решили прогуляться, как вдруг я почувствовал странную слабость и непреодолимую потребность поспать. Я извинился перед маде-

[239] Речь идет о Ю.Д.Глинке.

муазель А., удалился в свою комнату и поспешил лечь в постель. Тем не менее, я не смог заснуть и лежал с закрытыми глазами, как вдруг, будучи в состоянии бодрствования, увидел перед глазами целую череду незнакомых пейзажей, запечатлевшихся в моей памяти с мельчайшими деталями. Когда видение рассеялось, я почувствовал, что состояние слабости прошло, и отправился к мадемуазель А., которой, конечно же, рассказал все, что со мной произошло, и описал пейзажи во всех подробностях.

Мы сели на поезд, отправлявшийся в час пополудни, и после получаса пути мадемуазель А. сказала мне, глядя в окно: "Посмотрите, вот один из ваших пейзажей!" Я сразу же его узнал, и до вечера увидел открытыми глазами все, что видел утром закрытыми. Я радовался, что рассказал во всех подробностях о своем видении мадемуазель А., так она оказалась свидетелем того, как видение сбылось. Надо заметить, что дорога между Брюсселем и Эльберфельдом для меня совершенно незнакома, поскольку это была моя первая поездка в Бельгию и эту часть Германии.

Приехав в Эльберфельд вечером, мы остановились в отеле и поспешили отправиться с визитом к госпоже Блаватской, проживающей в доме господина Гебхарда. Тем же вечером члены Теософского общества из окружения госпожи Блаватской показали нам два великолепных портрета, писаных маслом, Махатм М. и Кут Хуми. Портрет М. особенно произвел на нас необычайное впечатление, и не удивительно, что, вернувшись в наш отель, мы продолжали о нем говорить и видеть перед глазами. Пусть мадемуазель А. расскажет сама, что видела и чувствовала в ту ночь. Я же расскажу то, что произошло со мной:

Устав с дороги, я спокойно спал, когда вдруг я был разбужен ощущением довольно теплого и резкого дуновения. Открываю глаза и в слабом свете, проникающем в комнату через три окна, я вижу перед собой высокую фигуру мужчины в белых развевающихся одеждах. Одновременно я услышал или почувствовал голос, который мне сказал – не могу уточнить на каком языке, хотя я прекрасно его понимал, – зажечь свечу. Должен сказать,

что вместо того чтобы испугаться, я был совершенно спокоен, только чувствовал, как сердце забилось с двойной силой. Зажигая свечу, я увидел, что часы показывали два часа ночи. Видение не исчезало. Передо мной находился, несомненно, живой человек. И в то же мгновение я узнал в нем оригинал портрета, который мы видели вечером. Он сел на стул передо мной и заговорил. Говорил он долго, касаясь интересующих меня вопросов, но большая часть беседы не может быть здесь пересказана, поскольку касалась вопросов совершенно личных.

Тем не менее, могу сказать, что среди прочего он сообщил, что для того, чтобы увидеть его в астральном теле, мне пришлось пройти через многие приготовления, и что последний урок был мне преподан этим утром, когда закрытыми глазами я видел пейзажи, которые должен был увидеть в тот же день в реальности. Затем он мне сказал, что я обладаю большой магнетической силой, которая находится на этапе становления. Я спросил его, что мне делать с этой силой. Но он исчез, не ответив мне.

Я был один, дверь моей комнаты была заперта на ключ. Я посчитал, что это была галлюцинация, и я даже сказал самому себе со страхом, что начинаю терять голову. Едва я это подумал, как на том же самом месте я увидел прекрасного мужчину в белых одеждах. Он качал головой и говорил мне улыбаясь: “Будьте уверены, что я не галлюцинация и что разум вас не покидает. Блаватская вам завтра докажет в присутствии всех остальных, что мой визит был реальным”. Затем он исчез. Я заметил, что мои часы показывали около трех часов. Я погасил свечу и тут же уснул крепким сном.

Утром, придя с мадемуазель А. к Блаватской, первое, что она нам сказала с загадочной улыбкой, было: “Ну, как вы провели ночь?” “Очень хорошо”, – ответил я и добавил: “Вы ничего не хотите мне сказать?” “Нет, – ответила она. – Я только знаю, что Учитель был у вас с одним из своих учеников”.

Вечером того же дня г[осподин] Олькотт нашел в своем кармане записку, написанную почерком, который все теософы опознали как почерк М., составленную следую-

щим образом: “Конечно, я был… Но кто может открыть глаза тому, кто не желает видеть? – М.”.

Это был ответ на мое недоверие, поскольку весь день я старался убедить себя, что это была всего-навсего галлюцинация, что очень сердило госпожу Блаватскую.

Должен сказать, что как только я вернулся в Париж, где я нахожусь поныне, мои галлюцинации и странности, которые меня окружали, полностью рассеялись.

Всеволод Соловьев,
1 октября [18]84 г.
Париж»[240].[241]

Г.Олькотт вспомнил рассказ Соловьева о «чудесном ночном визите Адепта»:

«Одним из тех, кто посетил Е.П.Блаватскую [в Эльберфельде], был талантливый русский писатель Соловьев. Уже после ее смерти, создавшей ему полную безопасность, он выпустил книгу о нашей дорогой Е.П.Б[лаватской], насквозь пропитанную ложью. Это говорит о том, что он такой же бессердечный и бесчестный тип, как и Куломбы, пусть даже талантливее их в пятьдесят раз. Но тогда, первого сентября [1884 года], Соловьев рассказал нам о чудесном ночном визите Адепта, которого он удостоил-

[240] С учетом вышеизложенного заявления следует отметить, что Махатма М., говорят, не владеет бегло ни одним из западных языков. Господин Соловьев говорит на русском и французском языках. Мы не можем рисковать, высказывая предположения, на каком языке могла бы состояться беседа, и господин Соловьев не может припомнить никаких отдельных слов или выражений, которые использовались бы обеими сторонами.

Один из членов Комитета видел письмо, найденное в кармане полковника Олькотта, написанное почерком М. Кроме того, следует отметить, что встреча господина Соловьева и мадемуазель А. в отеле в Брюсселе была, видимо, случайной, поскольку господин Соловьев не знал, что мадемуазель А., с которой он не был близко знаком, вообще была в Брюсселе.

Леди, упоминаемая здесь как мадемуазель А., рассказала о своем опыте одному из нас, но по причинам, которые мы понимаем и уважаем, она не хочет изложить его на бумаге. – *Примечание одного из членов ОПИ.*

[241] Appendix XXXVIII // First Report of the Committee of the Society for Psychical Research Appointed to Investigate the Evidence for Marvellous Phenomena Offered by certain Members of The Theosophical Society. London, 1884. P. 123–126. Перевод с французского М.Р.Смирновой.

ся, и о поразительных феноменах, сопровождавших Его появление. Причем Соловьев расценил их не как возможный обман чувств, но как пережитый им опыт, столь цельный и реалистичный, что он не оставлял места никаким сомнениям»[242].

О своем показании в ОПИ господин литератор сообщил в письме к В.П.Желиховской от 30 октября:

«Посылаю при сем копию[243] с рассказа о моих приключениях в Эльберфельде, посланного мною в Отчет Лондонского Психического общества. Из сего рассказа (хотя и некрасноречивого, ибо как следует я могу писать только по-русски) вы узнаете все, что вас интересует, и убедитесь в моей храбрости пред общественным мнением. Но, впрочем, эта храбрость имеет свои границы, и я решительно не желаю, чтобы мои приключения попали в русские газеты, об этом я писал и Прибыткову. Всему придет свой черед и все, так или иначе, объяснится – ибо нет ничего тайного, что не стало бы явным».

Здесь же было сказано несколько слов о Блаватской:

«Завтра Елена Петровна выезжает из Ливерпуля в Египет, а оттуда в Индию. Как она еще жива, как может ехать, ехать в такую даль и в такое время года, – это для меня чудо, или, верите, одно из доказательств существования махатм».

---

[242] *Олькотт Г.* Листы старого дневника. Т. III. Глава XIII // http://www.lomonosov.org/article/listi_starogo_dnevnika_tom3_glavi_12_14.htm

[243] Эта копия на французском языке сохранилась (ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 79); на ее первом листе запись на русском языке: «Копия с рукописи, сообщенной по просьбе профессора Кембриджского Университета Майерса в Лондонское Общество для психологичес[ких] исследований. Покорнейше прошу не распространять рассказа об этих феноменах, так как причина их еще надлежит исследованию. Подписано: Всеволод Соловьев»; запись на ее последнем листе: «Феномены, подтвержденные подписью Соловьева. Paris, le 10 Sertembie <Париж. 10 сентября, *фр.*> 1884». Эта копия находится в конверте с подписью В.П.Желиховской: «Документы по поводу дела Елены с Соловьевым. Да будет ему стыдно».

Свидетельствовал Соловьев и о своих неординарных способностях:

> «…С конца Сентября со мной временами снова стали твориться разные непостижимости, а что из меня теперь исходит какой-то “fluide”[244] – на это есть изумленные свидетели. Между прочим один со[м]намбул засыпает от одного моего присутствия. Вообще много интересного, и поэтому я начинаю учиться и читаю до опухоли глаз»[245].

В это же время В.П.Желиховская написала Вс. Соловьеву письмо, из которого видно, что к своей сестре Вера Петровна относилась отнюдь не по-родственному (хотя и утверждала, что любит ее) и не понимала сути ее деятельности:

> «Вы помните наш разговор le parc de Monceau[246]? Я вам и тогда не могла на многие *i* поставить точек, – но достаточно их количество выяснила, чтобы вы знали, что между мной и Еленой общего мало. Я ее люблю и жалею горячо. Надеюсь, что и она меня любит так же, но… по-своему. Помимо этого чувства, неоднократно склонявшего меня к снисхождению и даже к закрыванию глаз на многое, что меня возмущало внутренно, – между нами все – рознь.
>
> Я ехала к ней на ее средства, поставив непременным условием, чтобы между нами и речи не было о ее делах и обществе; впоследствии это оказалось невозможным: меня затянул общий водоворот и, к крайнему сожалению, я согласилась быть в обществе настолько, насколько могла по совести и религиозным убеждениям в нем состоять, и даже описала то, что видела и слышала… Если в мои описания вкрались неточности, то без намерения и не по моей вине. Да дело не в том. Елена рассердилась на меня, бросила мне писать и, как вижу, обвиняет меня в жестокости и неблагодарности. Очень жаль! Говорю искренно: сердечно жаль наших испорченных, быть может, навсегда отношений; но даже ради них я не могу *пожертвовать совестью*.

---

244 «флюид» (*фр.*).

245 ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87. Л. 27–27об., 28об.

246 Парк Монсо (*фр.*).

Не виню ее: ей то, что она просит меня сделать, кажется пустяком, мне – *преступлением*! Мы разно смотрим на вещи, может быть потому, что я Христианка, а она… не знаю что! Она давно меня об этом просит. Я не могу исполнить ее желания и не хочу! Не хочу, потому что мало того, что считаю его для себя нечестным, но и для нее *гибельным*. Так же смотрел на это дело и покойный дядя, Рост[ислав] Фадеев[247], умнейший человек и величайший Христианин, какого я когда-либо знала. Он, на смертном одре своем, умолял меня не поддаваться ее просьбам, – объяснить ей, что она самой себе прежде всего навредит. Я так и делала много раз, – но безуспешно. Великая ошибка Н[адежды] А[ндреевны] в том, что она *не знает границ* своей жалости к Елене. Оттого же и говорит, что она *одна* к ней хороша и ее любит. Дай Господи, чтобы эта любовь не отозвалась на обеих гибелью»[248].

Подобные чувства В.П.Желиховской сделают ее причастной к клеветническим нападкам Вс. Соловьева на Е.П.Блаватскую в 1886 году в Париже. Но в это время исторический писатель защищает (!!!) Елену Петровну от критики сестры, признается (в который

[247] Фадеев Ростислав Андреевич (1824–1883) – генерал-майор, военный историк, публицист, дядя Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

[248] Из письма В.П.Желиховской Вс. С.Соловьеву, 27 октября 1884 г., Одесса // РГИА, ф. 1120, оп. 1, д. 83. Л. 15об.–16; выписка из письма сделана Вс. Соловьевым (см. также: *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 353–354).

Следующая запись В.П.Желиховской говорит о ее полном незнании обстоятельств жизненного пути Е.П.Блаватской: «У графини де Баро* (в Париже [в] 188[4] г.) был митинг Теософов и все записывали речь Могини (брамина) о карме. Мы с Соловьевым сидели рядом, и он шутя предложил мне вопрос: не хочу ли я переписываться, и сам написал: “Отчего вы не теософка”. Я отвечала: “Не считаю нужным”. “Не интересуетесь?..” “Как учением – очень”. “А как верованием?” “Нет!” “Сестра ваша говорит, что только в Теософии счастье и спасение”. “Как для кого!” “Вы этого не находите?” “Нет”. “Почему? Поведайте”. “Извольте. Моя жизнь была весьма тяжела. У меня шестеро детей; за каждого из них я больше страдаю, чем за себя. У Елены не было детей, – следовательно, не было и десятой части моего горя, уж не говоря о том, что жизнь ее была удачнее моей. Между тем я не несчастна и никогда не считала себя несчастнее других – напротив!..” “Чем вы это объясните?” “Я Христьянка”» (*Желиховская В.П.* Радда-Бай – основательница Теософического Общества // Адьярский архив).

* Барро Каролина (1828–1888) – французская писательница, педагог, благотворительница, член Теософского общества.

раз!!!) в любви к «замечательнейшей женщине» и описывает «знаки внимания» Учителей к нему:

«Дорогая Вера Петровна, я не могу бояться за наши с вами отношения, какие бы сплетни им ни грозили, – но какую все это нагоняет меланхолию! Мне все очень ясно, и вот уж можно сказать, что Е[лена] П[етровна] всю душу свою положила в “общество”. В “общество” и дело. Боятся вашего влияния на меня во вред обществу, а я теперь для общества крайне нужен. Следовательно – нас необходимо поссорить. Но можно ли было взяться за такие детские наивные приемы и придумать такую неталантливую басню?! Впрочем, знаете ли, в жизни очень часто нелепости гораздо больше удаются, чем самые тонкие хитросплетения! Я видал тому немало примеров. Может быть, на это и был расчет. Во всяком случае, я не негодую, объясняю и очень сожалею. А вреда нам с вами не вышло. Ну и довольно.

Теперь к другому. Напрасны ваши упреки – моя душа открыта перед вами, и я доверяюсь вам совсем. Начну с меньшего. Вам желательно знать, что́ *интимного* мне говорил Мориа. Да кто́ говорил? Мориа ли? Я сильно в этом сомневаюсь. В рукописи моей (надеюсь, вы в этом не сомневаетесь) я все описал, как было. Я рассказал это профессору Майерсу и должен был согласиться послать мое сообщение “Лондонскому Обществу для психических исследований”. Но самое интересное в моем рассказе – это виденные мною с закрытыми глазами пейзажи, которые я потом увидел в действительности. И я очень рад, что была этому свидетельницей хоть бы и Mlle дё Глэнкà[249]. Я находился в то время, благодаря моим Парижским обязанностям, в состоянии заряженной электрической баттареи[250], я пережил очень сильное потрясение, и когда все обошлось благополучно (сравнительно), то уехал на несколько дней, чувствуя и зная наверное, что если не окунусь во что-нибудь новое, то лопну или сойду с ума – так во мне все трепетало. Эта поездка меня действительно встряхнула и привела в норму – я теперь вижу это. Как бы то ни было – я

[249] Ю.Д.Глинка.

[250] батареи (*фр.* batterie).

был в те дни "драгоценным субъектом" для всяких опытов. Мориа не сказал мне ровно ничего нового – он повторял слова Е[лены] П[етровны]. Конечно, это может быть только доказательством ее мудрости и знания. Но есть два пункта. 1, я внутри себя не верю, да и только, что это был "он", – так и заявил я Е[лене] П[етровне]. 2, я теперь знаю удивительные здешние опыты гипнотизма. Берут *подходящего* субъекта, устремляют его внимание на одну точку, он приходит в гипнотическое состояние и тогда ему приказывают (не надо, чтобы это приказание было сделано *громко*): тогда-то в таком-то часу сделай то-то, *видь* то-то, чувствуй то-то и т.д. Он выходит из гипнотического состояния, он принадлежит себе; но в известный момент превращается в *ничто* и исполняет приказание – делает, чувствует, слышит, видит, да, *видит*. Сама Е[лена] П[етровна] подробно описала такой случай в статье своей о "голубых горах", в последней главе, которую я исправлял в Эльб[ерфельде] для "Русского Вестника". Заметьте, что я битый час стоял перед изумительным портретом Мориа, глядя, не отрываясь, именно в его глаза, то есть в *одну точку*.

Теперь судите – имею ли я некоторое основание сомневаться в том, что ночью передо мною был действительно Мориа.

Но вот – *факт*. Там же я получил, к великой зависти теософов, собственноручную записку Кут-Хуми, и даже на русском языке. Что она очутилась в тетради, которую я держал в руке, меня нисколько не удивило, – я это заранее предчувствовал и почти знал. Но поразило меня то, что в этой записочке говорилось *ясно* и *определенно* именно о том, о чем мы говорили за **минуту** (!!!), в ней был ответ на **мои** слова, – а в течение этой минуты я стоял один, никто не подходил ко мне, и если предположить, что кто-нибудь заранее положил в тетрадь записочку, то этот кто-нибудь, значит, овладел моей мыслью и заставил меня сказать те слова, прямой ответ на которые находился в записочке. Этот изумительный феномен я отчетливо наблюдал несколько раз над собою и над другими. Какова сила?! А рядом с этой силой, какое иногда бессилие!

Я ни с кем не вел двойной игры и доказательством тому могут служить такие фразы в получаемых мною письмах: “Вы пишете, что вам нет дела до “общества”; а я в него положила жизнь, здоровье, душу, честь, будущность”; “Если уж вы, искренний друг мой, прямо подозреваете меня в том, что, когда не удается по-настоящему, я подделываю феномен, то что́ скажут враги”[251]… Но она знает, что я действительно люблю ее quand même[252] и что я друг ей. А когда кончится ее существование, которое (я должен так думать) поддерживается теперь только искусственно какою-то магической силой, – я буду всегда оплакивать эту несчастнейшую и замечательнейшую женщину. Будем же понимать, т.е. – прощать, не на словах, а на деле»[253].

«И вот – он ее *оплакивает*!.. – написала В.П.Желиховская в 1893 году, комментируя это письмо Соловьева, имея в виду его клеветническую книгу «Современная жрица Изиды». – Он оплакивает ее, прилагая к ней все бранные и унизительные эпитеты, которые может изобрести человеческая злоба и лживость, рассчитывающая на легковерие людское и на полную безнаказанность!»[254]

В следующем письме к Вере Петровне Вс. Соловьев опять описывает необычайное событие, случившееся с ним, – явление ему Е.П.Блаватской в бесплотном виде.

«Ведь я же писал вам, что в гипнотическом состоянии человек *видит* все, что ему прикажут, так, именно *так, как оно есть в действительности.* Это для него действительность самая настоящая. Следовательно, ваш вопрос – был ли то махатма или нет – **мне** *непонятен.* Я почем знаю? и как могу знать? Но, во всяком случае, был ли то махатма сам своей астральной особой, или навязанная мне *гипнотически* галлюцинация, – *для меня* явление было *действительностью.* Недели три тому назад мы обедали в знакомой

---

[251] См. письмо Е.П.Блаватской Вс. С.Соловьеву от 23 сентября 1884 года.

[252] до сих пор (*фр.*).

[253] Из письма Вс. С.Соловьева В.П.Желиховской, 9/21 ноября 1884 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87. Л. 36–37об.

[254] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 52.

вам зеленой столовой с Вишневской[255]. Ел я с аппетитом, пил, как и всегда, очень немного, – одним словом, был в своем виде. Окончив обед, пошел я наверх в свою комнату за сигарой. Отворил дверь, зажег спичку, засветил свечу – а передо мной стоит Елена Петровна в своем черном балахоне. Поклонилась, улыбнулась – "вот и я!" – и исчезла. Что же это, наконец, такое??!! Опять вопрос ваш: галлюцинация или нет? – да я же почем знаю! Что от этого можно с ума сойти – это верно; но я постараюсь этого не сделать. А спросите ее – и она, во всяком случае, ответит, что это была она, и Кут-Хуми подтвердит записочкой, и Мохини поклянется, что махатмы никогда не лгут и что подделать их писание – невозможно»[256].

«Что же это, наконец, такое?» – вопрошает в недоумении и сомнении Вс. Соловьев после таких поразительных «встреч» с Махатмой и Упасикой. Недаром Блаватская назвала его «подозрителем» и «Фомой неверным»[257]. С такими качествами стать ее учеником было невозможно. Махатма К.Х. написал о вреде подозрительности и необходимости полного доверия к Учителю:

«Воистину, "подозрение опрокидывает то, что доверие строит"! И если, с одной стороны, у вас имеются некоторые причины упрекать нас, цитируя Бэкона[258], и говорить, что "ничто так не наполняет человека подозрением, как малое знание", то, с другой стороны, вам следовало бы помнить, что наше *Знание* и *Наука* не могут постигаться чисто бэконовскими методами. Нам не разрешается ни при каких обстоятельствах предлагать нашу науку в качестве лекарства от подозрительности, дабы излечивать ею наполненных подозрениями людей. Они должны дойти до нее сами, своими усилиями, и тот, кто не найдет наших истин в глубинах собственной души, внутри самого себя,

[255] Парижская знакомая Вс. Соловьева.

[256] Из письма Вс. С.Соловьева В.П.Желиховской, 10/22 декабря 1884 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87. Л. 43об.

[257] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 76, 186.

[258] Бэкон Фрэнсис (1561–1626) – английский философ, историк, политик, основоположник эмпиризма и английского материализма.

имеет мало шансов на успех в оккультизме. Если что-то тут и может помочь, то это никак не подозрение, ибо оно есть

"...тот тяжкий доспех,
который со всем его весом *скорее мешает, чем защищает*"[259]»[260].

«О! до каких же пор тайны ученичества будут одолевать и уводить с пути истины мудрых и проницательных наравне с глупыми и легковерными! Из множества пилигримов, кто вынужден без компаса и карты пускаться в плавание по безбрежному Океану Оккультизма, как мало тех, кто достигает желанного берега. Поверьте мне, мой преданный друг, *ничто*, кроме полного доверия нам, веры в наши добрые побуждения, если не в нашу мудрость, в наше предвидение, если не в наше всезнание (которого не следует искать на этой земле), не может помочь человеку переплыть из его страны грез и фантазий в нашу страну правды, в царство суровой реальности и факта. Без этого доверия сей океан и в самом деле окажется безбрежным, и его волны уже не будут для смельчака приливом надежды, но каждая из них обратится в сомнение и подозрение, и станут они горьки и несносны тому, кто пустился в плавание по этому мрачному, бушующему морю Неизвестности, забыв оставить на берегу свое предвзятое мышление! <…>

Как бы хорошо не подходил ученик физически и психологически для такого *избрания*, если он не будет обладать духовным, равно как и физическим альтруизмом, такой чела в конце концов неизбежно погибнет как чела, независимо от того, был ли он избран или нет. Своеволие, тщеславие и самомнение, таящиеся в *более высоких* принципах, гораздо более опасны, чем те же недостатки, присущие только низшей физической природе человека. Они суть те утесы, о которые ученичество – еще в своей испы-

[259] Слова из трагедии «Вернер, или Наследство» английского поэта Дж. Байрона (1788–1822).

[260] The Mahatma Letters to A.P.Sinnett from the Mahatmas M. & K.H. London, 1923. P. 355.

тательной стадии – непременно разобьется вдребезги, если кандидат в ученики не захватит с собой белого щита полного доверия и веры в тех, кого он готов искать по горам и долам, дабы они провели его безопасной тропой к свету Знания»[261].

[261] *Там же.* P. 358–359.

VII

По дороге в Индию Е.П.Блаватская послала 30 ноября родным письмо из Суэца.

«Сижу в отеле у моря и жду погоды: т.е. жду нашего парохода, который теперь ползет по каналу. Мы приехали сюда прямо железной дорогой из Каира, где провели десять дней. Знаменательные дни!.. Что они знаменательны, сами увидите из длиннейших телеграмм в лондонских газетах, которые прилагаю. Начинаю убеждаться, что я и впрямь знаменитость, когда на телеграммы обо мне тратятся такие деньги!.. Корреспондент "Daily Telegraph" сам приезжал меня "*интервьюировать*" и просил позволения передать своим патронам мои открытия насчет милых antécédent[262], господ Coulombs, и моих "движений". В телеграмме, как видите, их назвали "шантажистами и злостными банкротами в бегах" от нескольких ordres d'arrêts[263]. Увидите также, что я в Александрии и Каире была "*горячо* принята вице-королем и высшей аристократией"… Оно так и было. Ты и представить не можешь, как со мною носились!.. Хитрово, как узнал, что я приехала, сейчас нас к себе пригласил, и пошли обеды, завтраки, пикники загородные – дым коромыслом! Наши русские, Хитрово, Абаза, Щеглов, камер-юнкер, и бывшая Бекетова, рожденная княжна Вера Гагарина, а теперь графиня Della Salla[264], такие милейшие все, сердечные люди, что я не знаю, как их и благодарить за услуги их и доброту. Да и все иностранцы удивили меня не любезностью, – к любезностям я привыкла, – а сердечностью и простотой отношения. Поехала я на другой день с Mrs Cooper-Oakley к Нубарам с письмом Mackenzie Wallace; послала свою карточку, и вдруг Нубар-Паша сам к нам навстречу чуть не на улицу выходит. Повел к себе во дворец, привел жену и дочь – Mme Тигран-Паш[у], и все они нас обласкали, словно старых друзей.

---

[262] предшественников (*фр.*).

[263] приказов о задержании (*фр.*).

[264] Бекетова Вера Ивановна (урожденная Гагарина) – жена Александра Ивановича Бекетова (1822–?).

Разумеется, все это письма милой моей Ольги Алексеевны наделали!.. Mme Нубар-Паша армянка. Очень образованная и начитанная женщина, говорит по-французски, как парижанка, настоящая grande dame. Мы у них завтракали и два раза обедали. У них я познакомилась с родной русской душой, графиней Делла-Саль. Ее муж, адъютант Хедива[265], больше похож на русского славного парня, чем на италиянца. Она знала меня по слухам и как "Радду-Бай", а когда узнала, что я племянница генерала Ростислава Фадеева, то бросилась мне на шею и расцеловала. Дядя здесь у них бывал как свой[266], и она так его любила, что даже плакала, расспрашивая о смерти его. Она меня подхватила и ну возить по аристократии, всем объявляя, что я "знаменитость" – "удивительная женщина", писательница, ученая и Бог весть что́! Повезла меня к Vice-Reine[267], как здесь зовут жену Хедива, уверяя, что это необходимо. Там, в Хедивском гареме, я нашла кучу гостей, почти все англичанок, жен des notabilités[268], ныне царствующих в Египте. Моя старая (но не добрая) знакомая по Индии, лэди Берринг, всегда враждовавшая с Т[еософическим] Об[ществ]ом, вытаращила на меня глаза, найдя меня на диване рядом с их вице-королевой, а графиня сейчас же осведомилась, теософка ли она? и объявила, что сама поступила в Об[щест]во и "ужасно гордится своим дипломом"!.. Un coup de théatre[269].

Потом она повезла меня к племяннице Измаила Паши, бывшего Хедива[270], жене его сына, принцессе Хуссейн. Обе они, принцесса и Хедивша, образованы по-европейски, по говору парижанки et des émancipées[271]. Вице-Рэна красавица! Прелестнейшее лицо, только жаль, что очень толста…

---

[265] Хедив – титул вице-султана Египта, существовавший в период зависимости Египта от Турции (1867–1914). Хедивом Египта в 1879–1892 годы был Тауфик-паша (1852–1892).

[266] Р.А.Фадеев в 1875–1876 годах был советником хедива Исмаила по военным вопросам и занимался реорганизацией египетской армии.

[267] вице-королеве (*фр.*).

[268] влиятельных людей (*фр.*).

[269] Неожиданный поворот (*фр.*).

[270] Исмаил-паша (1830–1895) – правитель Египта в 1863–1879 годах.

[271] и эмансипированы (*фр.*).

Делла-Саль устроила для меня обед с полсотней аристократии местной, французской, английской и нашим дипломатическим корпусом. Наши русские в особенном восторге от того, что я обратила в такого ярого теософа английского священника – reverend Leadbeater[272]. Будто он один?.. У нас членами и архиепископы состоят!.. Ну-с еду теперь в Мадрас воевать с миссионерами лже-христианами. Что Бог даст? Но надеюсь, что Он не выдаст – свинья не съест!..

Прощайте родные мои, любимые. Может и навсегда – да и то не беда! Счастия на земле не сыщешь. Здесь одна только темная прихожая. Лишь отворив дверь *в настоящее жильё* – в гостиную жизни, узрим мы свет. В раю ли, в нирване ли, в Сварге[273] – все равно! Дело не в названии. А принцип божественный один и один Свет, как бы его разные мраки земные не понимали… Будем ждать терпеливо день нашего настоящего, лучшего рождения… Твоя *до него*, до нирваны и вечно»[274].

В начале 1885 года Елена Петровна обратилась к Вс. Соловьеву как другу, которому «дорога ее честь и репутация». Она сообщила ему подробные известия из Индии о заговоре Куломбов и попросила защитить ее имя в России от клеветы, но он этого не сделал.

«Адьяр-Мадрас, 3 января 1885 г.

Дорогой, милый В[севолод] С[ергеевич], измучилась я, перемучилась, а всё живу, как старая кошка, у которой девять жизней! Ну, заговор, милый вы мой человек, – по всем правилам иезуитского искусства. Ну, скажите теперь,

---

[272] преподобного Ледбитера (*англ.*).

Ледбитер Чарлз Уэбстер (1854–1934) – писатель, член Теософского общества с 1883 года, из которого в 1906 году был исключен за аморальное поведение, но в 1908 году, после того как президентом общества была избрана А.Безант, в нем восстановлен. Махатма М. назвал Ледбитера «вреднейшим», а Е.И.Рерих – «черным гением» Теософского общества.

[273] Сварга – один из семи небесных миров в мифологии индуизма, являющийся небесами и раем бога Индры.

[274] *Желиховская В.П.* Радда-Бай – основательница Теософического Общества // Адьярский архив.

что меня “хозяин” не бережет явно и ощутительно! Да другую бы на моем месте сам Бог и 100 чертей не спасли бы, будь я невинна как младенец в купели, а я чуть появилась – торжествую! Вообразите только, печатают письма под моим именем, штук сорок записок и писем, глупейших и бессмысленных по содержанию вообще, но многие в моем стиле и все относящиеся к феноменам, которые действительно случились. Все они (письма) якобы поучают, как лучше надуть такого-то или другого сановника; все это по имени и титулам – и с привычными ухмыленьями над якобы “дураками”. Все это печатается миссионерами, которые, как теперь доказано, *купили их* у этих *изгнанных* из общества за воровство и ябеду подлецов за 3000 рупий, с комментариями и объяснениями. Еще до появления их в печати рассылаются по Индии до 50000 печатных объявлений: “Падение m-me Блаватской. Разоблачение *ее фокусов* и бесстыдного надувательства. Падение махатмы Кутхуми. Великий адепт есть кукла из пузырей и кисеи”!!! – огромными буквами и расклеивают на всех углах Калькут[т]ы, Бомбея, Мадраса и проч. В продолжение 4 месяцев газеты, которые даже не ожидают и не дают мне времени ответить из Парижа, – писала ли я когда такие письма, – прямо объявляют меня *виновной* и рассуждают en conséquence[275], ругаясь площадными словами. Затем Американские и Лондонские журналы занимают роль греческого хора[276] и – пошла писать! Сотни теософов компрометированы и служат посмешищем. Ни один не колеблется и все стоят за меня горой. Они доказывают, что письма подложные, что Куломбы подлецы и воры и поэтому могли с миссионерами подделать мою руку (что теперь и доказано), им отвечают, что они дураки, что феноменов не существует, не может никогда существовать на свете, – ergo[277] объяснение их фокусами самое естественное, особенно так как преступница Блаватская известная русская *шпионка* (уж и известная? дурачье!). Газеты погребают меня заранее; рассуждают так, как бы мне *и невозможно* было вернуться ког-

[275] соответственно (*фр.*).
[276] То есть повторяют клевету.
[277] следовательно (*лат.*).

да-либо в Индию; наконец узнав, что, невзирая на это, я все-таки возвращаюсь, они начинают кричать “que c’est le courage du desespoir”[278]. Вот как.

Ну-с, еду я в Каиро[279]. Там узнаю через консулов (Хитрово очень помог и письмо к Нубар-паше), что Куломбы злостные банкроты, удрали тихонько ночью и несколько раз сидели в тюрьме за клевету. Она – известная шарлатанка и *колдунья* – отыскивает за деньги зарытые клады и была поймана с поличным таких кладов, т.е. со старыми монетами, которые зарывала заранее, и проч. и проч. Французский консул дает мне официальное позволение их повесить и вручает доверенность получить с них 22000 фран[ков]. Графиня della Sala, veuve Beketoff, née princesse Vera Gagarine[280], делается теософкой, принцесса Гуссейн-паша, жена брата Кедива[281], – тоже. Масперо[282], le directeur du musée de Boulak, le grand Egyptologiste, *idem*[283]. Уезжаю из Суеза домой после 2-хнедельного пребывания в Каиро. Fin de l’acte *premier*[284]. Занавес падает. II действие. Я плыву в сопровождении Mr et Mrs Cooper Oakley (ami de m-me de Morsier)[285] и Reverend Leadbeater’a (за неделю до нашего отъезда из Лондона священника, *un curé*[286], а теперь *Буддиста*), и плывем мы в обществе 8 гнуснейших миссионеров, с коими из-за меня чуть не драка каждый день. Сии 4 самца и 4 самки – американские гнуснейшие методисты – уже прочли пасквили своих чертовых братий, шотландских кальвинистов, и – хихикают. Я смотрю на них, как смотрит слон на шавку, и – успокаиваюсь собственным беспокой-

---

278 «что это мужество отчаяния» (*фр.*).

279 Каир (*англ.* Cairo).

280 делла Сала, вдова Бекетова, урожденная княгиня Вера Гагарина (*фр.*).

281 хедива (*фр.* khédive).

282 Масперо́ Гастон (1846–1916) – французский египтолог.

283 директор музея Булак, великий египтолог, *также* (*фр.*).

И.Купер-Оукли вспоминала, что Е.П.Блаватская «поразила своими познаниями Гастона Масперо, хорошо известного египтолога, и когда мы проходили по музею [Булак], она рассказывала ему о степенях посвящения фараонов и о том, что это означало для них с эзотерической точки зрения» (Оккультный мир Блаватской. М., 1996. С. 307).

284 Конец первого акта (*фр.*).

285 мистера и мистрис Купер-Оукли (друзей мадам де Морсье) (*фр.*).

286 *священника* (*фр.*).

ством[287]. Они к моему протестантскому попу, а он от них ко мне и за меня. В Цейлоне я совершаю над ними публичное мщение. Призываю первосвященника буддистов и, представив ему англичанина попа-теософа, объявляю во всеуслышание, что он (Leadbeater) желает перейти в Буддизм. Он краснеет, но не очень смущается, ибо серьезно готовился к сему, и вечером на берегу в храме Будды происходит торжественная церемония. Поп-теософ произносит пансиль (les 5 préceptes)[288]; ему режут хвостик волос с головы; он делается буддистом и служкою и – я отомщена! В Цейлоне нас встретил Олкотт, Hartmann и много теософов – нас поехала в Мадрас целая компания. За день до нашего прибытия (с нами был и Геббарт le jeune[289], помните, Rudolphe[290]?) в Мадрасе вышло новое свинство. Под именем [Эммы] Куломб миссионеры написали брошюру[291], в которой к первым прибавили несколько новых клевет, напр[имер], что в 1872 году (когда я была в Одессе) в Каиро я давала *сеансы*, производила явления фокусами, *брала за это деньги* и была поймана и обесчещена!! К счастию, я просила Хитрово в Каиро достать у Вице-Консула, который знал меня в 1871 году в Египте, приходил ежедневно и считался моим другом, – род свидетельства или аттестата в приличном поведении. Предчувствуя, что m-me Coulomb, которую я знала тогда в Египте, наврет на меня, я сделала консулу все вопросы, могущие возникнуть с ее стороны в таком деле, и получила засвидетельствованный печатью консульства ответ на все пункты: знал-де меня консул, видел ежедневно и никаких художеств с моей стороны тог-

[287] «7 глав “Загадочных племён” окончила и отослала Каткову. Теперь может “успокоиться собственным беспокойством в бубновом доме”, говоря слогом гадальщиц» (Письма Е.П.Блаватской к О.А.Новиковой (1884–1891) // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/rukopisi.html).

[288] 5 обетов (*фр.*).

Пять священных заповедей – базовый кодекс буддийской этики – воздержание от убийства, воровства, прелюбодеяния, лживых слов и алкоголя.

[289] молодой (*фр.*).

[290] Рудольф (*фр.*).

[291] *Coulomb E.* Some Account of My Intercourse with Madame Blavatsky from 1872 to 1884. – Madras: Higginbotham & Co., 1884 (*Куломб Э.* Некоторые сообщения о моем общении с мадам Блаватской с 1872 по 1884 год. – Мадрас: Higginbotham & Co., 1884).

да не замечал, как ничего и не слыхал. Вот приезжаем, и миссионеры устроились на берегу наслаждаться моим позором. Но не успели бросить якорь, как целая толпа нахлынула наших теософов на палубу. Простирались, лобызали ноги и, наконец, утащили нас на берег. Там тьма тьмущая народа – телег 30 с музыкой, флагами, золочеными каретами и гирляндами цветов. Не успела я появиться на набережной, как подняли меня на ура! Я чуть не оглохла от неистовых криков торжества и радости. Нас везли не лошади, а теософы в колеснице, перед которой шли, пятясь, музыканты. Брамины благословляли и все приветствовали и ликовали. После часового шествия, во время которого исчезли все миссионеры, словно в ад провалились, – нас повезли в ратушу, где мы нашли 5000 публики, довершившей мою глухоту. Господи, если бы вы только там были – вот бы возгордились соотечественницей. Вообразите, что 307 чел[овек] студентов из *той самой* коллегии "College Christian", миссионеры-профессора которой затеяли весь этот заговор, – подписались под адресом[292], который они мне публично поднесли и громко прочитали при громовых аплодисментах публики (*индусской*, конечно). В этом адресе, коей и посылаю вам в знак памяти и прошу m-me de Morsier перевесть, – они говорят то, что увидите, и ругают своих же принципалов[293]. Главное то, что ни один из них не теософ, а просто индусы. Затем я должна была встать и произнесть *спич*. Вообразите мое положение! За мной говорил Олкотт, Mrs Oakley и Leadbeater. Затем нас увезли домой, где я провела первую ночь в лихорадке и бреду. Но теперь было не до болезни. 25-го (мы приехали 23 декабря) начинался *anniversaire*[294] и несколько сот человек уже съехалось. Я требовала, чтобы меня пустили в суд с жалобой на миссионеров и Куломбов, – меня не пускают! Наконец, депутация от наших делегатов просит, – так как это ссора

[292] Адрес – заявление известного числа лиц или целого объединения или корпорации.

[293] начальников (*англ.* principal).

[294] *юбилей* (*фр.*).

В конце декабря – начале января в Адьяре проходит ежегодная теософская конференция.

индусская, *национальная* скорее, нежели интернациональная, и я, Е.П.Блаватская, только прозрачный предлог, выбранный для сокрушения Общества, – ничего не начинать без согласия Комитета Главного Совета. Говорят, что враги только того и ищут и желают, чтобы заманить меня в суд, так как все трое судей англ[ичане], в пользу миссионеров; что вся диффамация[295] основана на феноменах и махатмах, в которые и в силу которых ни закон, ни публика вообще не верят; что меня, словом, стараются заманить в суд, поймать на словах, рассердив, и приговорить к тюрьме, – т.е. убить Общество, *убив меня* нравственно. Это выходит еще почище Смирновской клеветы! Ну я и отдала себя в их (комитета) распоряжение и руки. Они сидели три дня и три ночи над письмами и документами, призвали более 300 свидетелей, между ними шесть Европейцев, а остальные les natifs[296]. Вынесли мне полный оправдательный приговор, и много писем было доказано подделкой под мою руку. Один раджа-теософ предлагает мне письменно 10000 руп[ий], другой 30000, третий две деревни на судебные издержки, если я подам на них жалобу, а комитет не допускает: "Вы-де *собственность* Общества. Заговор не против вас, а против теософии вообще. Сидите смирно, будем вас защищать мы". Даже публика, наконец, поняла, что это фокус миссионеров. Несколько писем появилось в газетах, советуя мне быть осторожной и не попадаться на удочку. Господи, что за положение! Вот *Психическое* Лондон[ское] Общество (ваш друг Myers) прислало члена[297] делать дознание. Он находит тоже, что это огромный заговор (!). Я сижу пока и жду погоды у моря. Торжество anniversaire[298] годовщины было огромное. Когда брошюры будут готовы, все пришлю. Пока посылаю группы[299] делегатов и группу домашних – все челы Махатмы.

---

[295] Диффамация (*фр.* diffamation) – публичное распространение сведений (действительных или мнимых), позорящих кого-либо.

[296] местные жители (*фр.*).

[297] Р.Ходжсон.

[298] юбилейной (*фр.*).

[299] То есть фотографии.

Когда-то, дорогой друг, вы писали и говорили, что вам дорога моя честь и репутация. Заступитесь же хоть в *Ребусе* ради всего святого. Ведь в России поверят, и это будет срам. Вы один друг и заступник, ради Бога, ангел вы мой, заступитесь. Напишите в *Ребус* правду, чтобы не верили газетным толкам.

Да, еще штука. Мучили вы меня все скорее послать Каткову мои "Голубые Горы". Ну, послала из Эльберфельда застрахованным пакетом в конце сентября или начале октября, и до сих пор ни гугу от него. Не знаю даже, получил ли он даже рукопись, не только намерен ли печатать. Пишет письма, подгоняет послать 2-ю часть *Дебрей*, а про *Голубые Горы* ни слова. Напишите, узнайте, Бога ради, в редакции, будет ли напечатано или же пропадет[300]? Беда отовсюду.

Будьте здоровы и счастливы, если возможно. Отвечайте скорее, не то подумаю, что и вы сделались врагом. Поклон m-me de Morsier и всем другим. Ваша по гроб века

Е.Блаватская.

Эх, увидать бы вас еще раз в жизни!»[301]

Текст восторженного адреса, который был поднесен студентами-индусами Е.П.Блаватской, гласил:

«Дорогая и высокоуважаемая Елена Петровна!

Принося Вам наш сердечный привет по возвращении вашем с Запада, где вы столь успешно поддерживали наше общее дело, ратуя за великие идеи восточных философий, мы сознаем, что слабо выражаем чувства бесконечной признательности, которую вся Индия должна к вам питать.

Вы посвятили драгоценную жизнь вашу вполне бескорыстному распространению истин ее ок[к]ультических учений. Вы своими сочинениями бросили яркий свет на сокровенные доныне мистерии наших древних религий и

[300] Повесть Е.П.Блаватской «Загадочные племена. Три месяца на "Голубых горах" Мадраса"» была напечатана в журнале «Русский вестник» (1884, №12; 1885, №1–4).

[301] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 102–107.

философий. Вашим наущением обожаемый нами сотрудник ваш, президент Об[шест]ва, был подвигнут предпринять великое дело любви: обновления на алтарях Ариаварты[302] вымиравшего в нас пламени духовных верований и чувств. Ваши громадные труды по изысканиям сравнительной филологии споспешествовали усилиям вашим установить единство человечества на общих верованиях нравственных.

Самое животворное дыхание жизни, оживляющей это колоссальное учреждение, вместилище несчетных благ – Теософическое Братство, вдохнули в него вы, высокочтимая Елена Петровна!

Ныне же стараниями вашими доказав Европе, что древо истинных познаний цветет на Востоке, вы еще в тысячи раз более увеличили значение ваших благодеяний. Вы доставили восточной метафизике почтительных слушателей и добрый прием в Германии – рассаднике философий. Вы внесли светильник восточной мудрости в высшие слои культурной Англии и доказали цвету гордого лондонского общества, что существуют в другой гемисфере[303] знания и философия, пред которыми западная наука может преклониться. Даже легкомысленная Франция в лице нескольких выдающихся ученых своих не отказалась принять из рук ваших чашу премудрости древнего Востока.

И вот пока вы в одной стороне земного шара всей душой были преданы великому делу распространения вечных истин, ваши враги на другом конце его изощрялись в постыдных стараниях сокрыть и задушить их, очернив вас. Мы говорим о недавних скандальных делах в Мадрасе, в которых изгнанные вами слуги послужили орудиями бесстыдной клеветы. Глубоко презирая такие недостойные посягательства, мы умоляем вас верить, что наши непоколебимые любовь, преданность и полное доверие к вам неизменны. Заслуженные благородством вашей души, возвышенностью ваших стремлений, великими трудами вашими на пользу человечества вообще и Индии в особен-

[302] Арьяварта (*санскр.* «обитель ариев») – название Северной Индии в классической санскритской литературе.

[303] Гемисфера – полушарие.

ности – они слишком глубоко внедрены в сердцах наших, чтоб их могли поколебать злобные наветы врагов Теософического движения.

Мы, почтительные и преданные ваши слуги, молим высокочтимых нами Учителей, сердца коих переполнены любовью к человечеству: да продолжат они помогать Вам открывать и сеять истинную мудрость и благоволение братское между всеми людьми.

Студенты Мадрасских Училищ»[304].

Елена Петровна о преступных делишках «изгнанных слуг» также рассказала в письме к Г.Олькотту из Каира от 25 ноября 1884 года:

«Я смогу помочь разобраться с аферой Куломбов через российского консула и графиню [della Sala]. Неоправданное бахвальство мадам К[уломб] о том, что она давала уроки в гареме хедива сейчас вышло наружу. Матушка принцессы Хуссейн наняла ее 14 лет назад, чтобы та давала принцессе уроки французского языка, а через 8 дней выгнала ее из гарема за то, что та показывала юной принцессе и женщинам *открытки непристойного содержания*, ну да ладно. Сама принцесса Х[уссейн] и рассказала мне, как ее матушка *выгнала* прочь "мисс Эмму Каттинг[305], бесчестную даму, потому что та просто сошла с ума". Подробности же она описала своей подруге графине, а та пересказала их мне. Это же подтвердили Эдуард Куломб[306] и его жена, которые приезжали сюда каждый день. Они подали нам обоим в присутствии консула, вице-консула, секретаря и ряда других лиц письменное заявление о том, что мадам Куломб дурачила людей своей мнимой способностью обнаруживать сокровища. Мадам Куломб купила старые монеты, каким-то образом "состарила" их, сложила в узелок и прикрепила к подвязке. На месте раскопок она и подбросила этот узелок. А когда в раскопках *обнаружили* клад

[304] *Желиховская В.П.* Радда-Бай – основательница Теософического Общества // Адьярский архив.

[305] Имя Эммы Куломб в девичестве.

[306] Родственник Алексиса Куломба.

именно с такими монетами, как она *предсказывала*, это, конечно же, произвело *фурор*! Но ее вывели на чистую воду. А разве не по ее указке Куломб присвоил 25000 франков и стал мошенником и банкротом. Был приобретен гроссбух, похожий на старый, и за десять дней он подделал счета за несколько лет. Доверенное лицо, адвокат Розе, выяснил это по номеру той книги у книготорговца, который и продал им этот гроссбух за неделю до расследования и суда (у меня есть его данные). От полиции они книгу припрятали. И только Эдуард Куломб, "оберегая честь семьи", выпроводил их с угрозами среди ночи. А так как Розе – уполномоченный российской дипломатической миссии, то Хитрово послал за ним, чтобы выяснить все подробности. "Она мастер подделывать подписи", – говорила о ней ее сестра в Каире. Здесь они оба пользуются дурной репутацией. Мои показания подписаны свидетелями. Их местопребывания никто здесь не знал. Я сообщила следователям их адрес, указав на падре Паттерсона в Мадрасе. Уж теперь-то Куломбов забросают письмами кредиторы. А если они не расплатятся, то их долговые расписки переправят адвокатам в Мадрас. Возможно, это заставит их удрать из Индии, если не случится что-нибудь еще. У меня достаточно доказательств для того, чтобы их повесить. Нам *следует* извлечь из этого максимум пользы»[307].

Ситуация в Теософском обществе Индии была намного трагичнее, чем сообщила Елена Петровна Соловьеву. Она не могла ему всего рассказать. Еще перед отъездом из Англии в интервью, напечатанном в лондонской газете «Pall Mall Gazette» 23 октября 1884 года, она заявила:

«Я возвращаюсь в Индию, чтобы подать в суд на этих клеветников, этих мошенников[308], сфабриковавших мои письма»[309].

---

[307] Адьярский архив. Перевод с английского Н.А.Шнайдер.

Автор благодарит Джона Кнебела (Jon Knebel, США) за предоставление ряда писем Е.П.Блаватской из Адьярского архива.

[308] Речь идет о Куломбах.

[309] *Blavatsky H.P.* Collected Writings. 15 vols. Wheaton, Madras, London, 1989. Vol.

Даже один из англо-индийских правителей М.Грант Дафф[310] был уверен, что Блаватская «начнет процесс» против поносителей и суд вынесет решение в ее пользу. Он писал О.А.Новиковой 24 ноября 1884 года:

> «Если она [Е.П.Блаватская] намерена возвратиться в Мадрас, я предполагаю, что это для того, чтобы начать процесс против тех, кто или поносил ее самым оскорбительным образом, или взводил такие обвинения на ее, которые, если допустить, что они справедливы, должны исключить ее из общества всех порядочных людей.
>
> К счастию, обвинения эти такого определенного свойства, что если она такова, как Вы ее изображаете, ей не будет ни малейшего затруднения доказать, что они только неосновательные и злые вымыслы.
>
> Я, несомненно, буду очень рад услышать постановление нашего суда о том, что нет и тени пятна на ее личности в связи с какими бы то ни было поступками, приписываемыми ее друзьям в Мадрасе»[311].

Но решимость Е.П.Блаватской не нашла поддержки: теософы Адьяра во главе с президентом общества не пожелали ее защитить и организовать судебный процесс против Куломбов. Олькотт подробно описал свои трусливые действия:

> «Со дня своего приезда в Индию она [Е.П.Блаватская] все время уговаривала меня отвести ее к судье, юрисконсульту или адвокату, неважно к кому, лишь бы она могла подать письменное заявление и начать действовать, но я категорически отказывался. Я сказал ей, что через несколько дней откроется съезд Теософского общества, и наша главная задача состоит в том, чтобы представить это дело на рассмотрение его делегатов, сформировать из наших

VI. P. 312). Перевод с английского А.И.Дьяченко.

[310] Грант Дафф Маунтстюарт (1829–1906) – английский государственный деятель, писатель, генеральный секретарь по делам Индии (1868–1874), заместитель государственного секретаря по делам колоний (1880–1881) и губернатор Мадраса (1881–1886).

[311] *Стед У.* Депутат от России. СПб., 1909. С. 84.

лучших адвокатов специальный комитет и предоставить ему возможность решать, какие меры ей следует предпринять. Затем я добавил, что мы с ней как личности настолько слились с нашим Обществом, что не должны делать ни единого шага, не посоветовавшись с нашими коллегами. Она мучилась, бушевала и настаивала, но я был тверд и непреклонен. Когда же она пригрозила мне, что сама пойдет "стирать с себя это пятно позора", я сказал, что в таком случае мне придется уйти в отставку, предоставив возможность съезду выбирать между нами: я слишком много знал о юридической практике, чтобы допустить такую глупость. И она уступила»[312].

Избранный съездом комитет в составе 14 человек пришел к предательскому заключению:

«Решено: те письма, которые были опубликованы в "Christian College Magasine" под заголовком "Крах Кут Хуми" являются только поводом навредить делу теософии. А поскольку письма эти выглядят однозначно абсурдными для каждого, кто знаком с нашей философией и нашими фактами, и поскольку те, кто с этими фактами не знаком, едва ли изменят свое мнение, даже если суд вынесет вердикт в пользу мадам Блаватской, – единодушное мнение нашего комитета, следовательно, состоит в том, чтобы мадам Блаватская не преследовала в судебном порядке своих очернителей и не подавала в суд»[313].

Олькотт, по всей видимости, был доволен подобным постановлением. «В профессионализме и компетентности этого коми-

[312] *Олькотт Г.* Листы старого дневника. Т. III. Глава XIV // http://www.lomonosov.org/article/listy_starogo_dnevnika_tom3_glavy_12_14.htm

[313] Report of the Result of an Investigation into the Charges against Madame Blavatsky Brought by the Missionaries of the Scottish Free Church of Madras, and Examined by a Committee Appointed for That Purpose by the General Council of the Theosophical Society. Madras, 1885. P. 3–4 (Отчет о результатах расследования обвинений, выдвинутых против мадам Блаватской миссионерами Шотландской свободной церкви в Мадрасе, рассмотренных Комитетом, назначенным для этой цели Генеральным советом Теософского общества. Мадрас, 1885. С. 3–4). Перевод с английского А.И.Дьяченко.

тета не могло быть никаких сомнений…»[314] – так написал он в своих воспоминаниях.

Елена Петровна была потрясена этими событиями и в середине января 1885 года тяжело заболела. Спустя несколько месяцев она дала оценку ситуации, сложившейся в Теософском обществе в Адьяре, и рассказала о своем выборе.

> «Мое сердце разбито не из-за того, что сделали мои *истинные*, явные враги – их я презираю, но из-за эгоизма и малодушия в рядах моих защитников, их явленной готовности соглашаться и даже *принуждать меня* ко всякого рода жертвам, когда я готова – Учителя тому свидетели – отдать свою жизнь до последней капли, отказавшись от всякой надежды даже на крохи не скажу счастья, но хотя бы покоя и благополучия в этой жизни-пытке, – отдать ради Дела, которому я служу, и на благо каждого *истинного* теософа. Эта измена – сама ее атмосфера, сотканная из ласковых и полных сочувствия слов, за которыми сокрыто крайнее себялюбие, взращенное на слабости или честолюбии, – нечто ужасное. Я не буду называть имен. С некоторыми – с большинством из них – я останусь в добрых отношениях до моего смертного часа. И даже не позволю им заподозрить, что с самого начала читала их, как открытую книгу. Но я никогда не забуду (да и не смогла бы даже при желании) ту памятную ночь в дни кризиса моей болезни, когда Учитель, прежде чем получить от меня определенное обещание, раскрыл мне некоторые факты, о которых, по Его мнению, мне следовало знать раньше, чем я пообещаю Ему сделать определенную работу, о которой *Он меня попросил* (а отнюдь не *приказал*, на что имел право). В ту ночь, когда миссис Оукли, Гартман и все остальные, *кроме Бавaджи* (Д.Н[атха])[315], каждую минуту ожидали, что я испущу дух, – я узнала всё. Мне было показано, *кто был*

[314] *Олькотт Г.* Листы старого дневника. Т. III. Глава XIV // http://www.lomonosov.org/article/listy_starogo_dnevnika_tom3_glavy_12_14.htm

[315] Баваджи (Бабаджи, Кришнасвами, Дарбхагири Натх) – член Теософского общества с 1882 года; не выдержав пути ученичества, он в 1886 году выступил против Е.П.Блаватской с клеветническими обвинениями, затем вернулся в Индию и через несколько лет умер в полной безвестности.

тверд, кто заблуждался (невольно), а кто был просто предателем; также в общих чертах мне была показана картина того, что мне следует ожидать. Да, скажу я вам, чего только я не *узнала* в ту ночь – причем такого, что оставило в моей душе поистине неизгладимый след; и черная измена, и притворное дружелюбие ради корыстной цели, и *убежденность в моей виновности*, и даже *решимость лгать в защиту меня*, ведь я была удобной ступенькой, чтобы подняться вверх, и т.п.! Всю человеческую природу во всей ее мерзости я лицезрела в тот краткий час, когда ощущала одну руку Учителя *лежащей на моем сердце и не дающей ему остановиться* и когда наблюдала, как другая Его рука развертывала передо мною *"очаровательное" будущее*. И при всем этом, когда Он явил мне *всё, абсолютно всё*, и спросил: "Готова ли ты?", – я ответила: "Да", и таким образом расписалась принять свою страшную судьбу – *ради тех немногих, кто заслуживал Его благодарности*. <…> Смерть выглядела такой отрадной в тот час, покой – таким желанным и нужным, а жизнь, как та, что надвигалась на меня неотвратимо, и которую я тогда осознала, – такой жалкой; но как могла я сказать *"нет"* Ему, кто хотел, чтобы я продолжала жить!»[316]

Вс. Соловьев в марте сообщил В.П.Желиховской долетевшие к нему новости:

«Здесь недавно был молодой Гебгарт, вернувшийся из Индии. Он рассказывал, что Ел[ене] Петр[овне] совсем плохо. Затем мы получили *циркуляр* Олькотта, объявляющий о совершившимся с нею чуде. Но, во всяком случае, на мой взгляд, дни ее сочтены. Ужасно рано! И года небольшие, а главное – ум ясен и талант литературный в полном развитии. Но уж что ж об этом!»[317]

---

[316] Из письма Е.П.Баватской П.Синнетт, 23 июля 1885 г., Торре-дель-Греко // The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 104–105.

Синнетт Пейшенс (1844–1908) – жена А.П.Синнетта.

[317] Из письма Вс. С.Соловьева В.П.Желиховской, 7/19 марта 1885 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 88. Л. 11об.–12.

В это же время и «Московские ведомости» обнародовали информацию о Блаватской:

> «От президента “Теософического Общества” г[осподина] Олькотта от 10 февраля сего года из Мадраса нам прислано следующее сообщение о состоянии здоровья г[оспо]жи Е.П.Блавацкой, рассказ которой *На Голубых горах* начат печатанием в последних книжках *Русского вестника*. Вот дословный перевод этого извещения и приложенного к нему медицинского свидетельства:
>
> “Для успокоения многочисленных друзей г[оспо]жи Блавацкой, справлявшихся о состоянии ее здоровья, мы препровождаем при сем медицинское свидетельство. Члены и друзья нашего Общества надеются, что она скоро будет в состоянии опять приняться за свои литературные труды, несмотря на то, что она снова подверглась одному из тех жестоких припадков, которые ее так часто мучили за последнее время. Новый припадок, от которого она только что освободилась, был так сериозен[318], что я уже потерял надежду видеть ее по возвращении из Рангуна[319]. Но потом произошла неожиданная перемена к лучшему, и к изумлению всех она стала поправляться. Хотя она все еще лежит в постели, но силы ее мало-помалу уже восстановляются. Во время нашего знакомства я имел случай дважды наблюдать подобные удивительные кризисы; но теперь ее физическая система была так расстроена, что мы потеряли было уже всякую надежду на ее выздоровление. *Олькотт*”.
>
> В приложенном при письме медицинском свидетельстве говорится:
>
> “Я видела в первый раз г[оспо]жу Блавацкую в воскресенье 24 января 1885 г. Она страдала тогда острою по-

[318] серьезен (*устар.*).

[319] Телеграмма от 23 февраля, помещенная в мартовской книжке издаваемого в Мадрасе журнала *Theosophist*, извещает, что полковник Олькотт в это время хлопотал об основании там отделения своего Общества. – *Примечание редакции газеты «Московские ведомости»*.

Рангун – столица Британской Бирмы (1885–1948).

дагрой[320] и пороком сердца с сильною альбуминурией[321]. Изнеможение ее было так сильно, что она не могла подняться в постели, не подвергаясь обмороку, а сильная боль в суставах не давала ей спать. В продолжение недели состояние г[оспо]жи Блавацкой было критическое, и было основание опасаться, что дело может кончиться смертью от уремии[322]. Теперь здоровье г[оспо]жи Блавацкой значительно поправилось. Не осталось почти и следов альбуминурии, общее состояние улучшилось, а подагра утихла. Г[оспо]жа Блавацкая каждый день может сидеть немного времени в покойном кресле; умственные способности ее находятся в нормальной состоянии, но в настоящем положении она должна воздерживаться от всякого утомления и возбуждения, и тогда, при должном уходе, вероятно скоро поправится. *Mary Scharlieb*[323]"»[324].

31 марта 1885 года Е.П.Блаватскую, еще не оправившуюся от болезни, теософы «фактически вышвырнули» из штаб-квартиры Теософского общества, перенеся ее в инвалидной коляске на корабль, идущий в Европу[325]. Основными причинами ее отъезда стали не предполагаемый арест англо-индийскими властями и не плохое здоровье, а «эгоизм и малодушие», проявленные ведущими теософами в Адьяре, когда требовалось выступить в защиту основателя Теософского общества против клеветы Куломбов. Об этом Елена Петровна написала в статье «Почему я не возвращаюсь в Индию» (1890):

«Увы, верность и мужество руководителей Адьяра и тех нескольких европейцев, кто доверял Учителям, оказались не того калибра, который бы соответствовал раз-

[320] Подагра – болезнь обмена веществ, при которой соли мочевой кислоты откладываются в суставах.

[321] Альбуминурия – выделение белка с мочой, признак нарушения нормальной деятельности почек.

[322] Уремия – заболевание, связанное с отравлением организма продуктами белкового обмена из-за нарушения работы почек.

[323] Шарлиб Мэри (1845–1930) – британский врач, хирург, гинеколог, преподаватель акушерства и гинекологии в медицинском колледже Мадраса (1883–1887).

[324] Московские ведомости, 1885, №85, 29 марта.

[325] См. письмо Е.П.Баватской У.К.Джаджу от 1 мая 1885 года.

разившемуся испытанию. Вопреки всем моим протестам, меня поспешно увезли из штаб-квартиры. Больная, какой я была, буквально умирающая, как говорили врачи, я тем не менее протестовала и готова была сражаться за теософию в Индии до последнего вздоха, если бы нашла поддержку верных друзей. Но одни испугались возможных юридических осложнений, другие – правительства, тогда как мои лучшие друзья поверили угрожающим предсказаниям врачей о том, что я непременно умру, если останусь в Индии. Поэтому меня отослали в Европу – восстанавливать силы, с обещанием скорейшего возвращения в мою любимую Ариаварту. <…>

…Я написала Олькотту, умоляя его разрешить мне вернуться и пообещав, что я буду жить в Пондишери[326], если потребуется, то есть если мое присутствие в Адьяре будет нежелательным. На это я получила смехотворный ответ: что, дескать, не успею я вернуться, как меня тут же сошлют на Андаманские острова[327] как русскую шпионку – что, конечно же, оказалось полнейшей глупостью, как потом выяснил и сам полковник[328]. Готовность, с которой они ухватились за такой никчемный предлог лишь бы только удержать меня подальше от Адьяра, есть вопиющее свидетельство неблагодарности тех, кому я отдала свою жизнь и здоровье. Более того, президент, будучи склоненным к этому, как я поняла, Исполнительным советом (под совершенно абсурдным предлогом, будто в случае моей смерти мои наследники могут якобы заявить права на свою долю в адьярской собственности), послал мне на подпись юридическую бумагу, в которой я формально отказывалась от всяких прав на штаб-квартиру и даже от моего права жить

---

[326] Французская территория на восточном побережье полуострова Индостан.

[327] Андаманские острова, располагаясь в Индийском океане между Индией и Бирмой, в XIX веке были знамениты своей каторгой.

[328] «Мы бы вполне поняли отъезд ее [Е.П.Блаватской] по гигиеническим причинам: во избежание наступавших жаров или ради удаления с места действия возмутительных интриг. Но получив от Олькота совсем полоумное письмо, где говорилось, что ей “необходимо оставить Индию ради безопасности от суда, тюрьмы”, едва ли не казни, мы пришли в ужас и недоумение полное. Впоследствии, из писем сестры, оказалось, что *“у страха глаза велики!”*» (*Желиховская В.П.* Радда-Бай – основательница Теософического Общества // Адьярский архив).

там без особого на то разрешения Совета. И это при том, что я отдала несколько тысяч рупий моих личных денег и всю свою долю прибыли от журнала "Теософ" – на покупку дома и его обстановки. Тем не менее, я подписала этот отказ без единого слова протеста. Я видела, что меня там не ждут, и осталась в Европе, несмотря на свое страстное желание вернуться в Индию. Да и как я могла поступить иначе, видя, что весь мой труд отплачен неблагодарностью, а мое самое искреннее желание вернуться было встречено пустыми отговорками и необоснованными ответами, внушенными им моими врагами?»[329]

Е.П.Блаватская вынуждена была 21 марта 1885 года подать в отставку с поста секретаря-корреспондента Теософского общества[330]. Она с возмущением сообщила А.П.Синнетту 19 августа того же года:

«Пока мои враги рвут меня на части, люди в Адьяре играют в "прятки": они притворяются мертвыми – о! ничтожные, жалкие трусы!! <…> Говорю вам, я страдаю больше от теософских *предателей*, нежели от Куломбов, Паттерсона или даже ОПИ. Если бы все наши общества держались вместе как один человек, если бы вместо необузданных личных амбиций и страстей в их рядах царило единство – весь мир, даже сами Небеса и Ад не смогли бы одолеть нас»[331].

Спустя три года Елена Петровна поведала о состоянии адьярского «братства» и его президента:

«Также не собираюсь я и в Индию. Теперь, когда те, кого я вознесла и поставила на пьедестал, выжали меня, как старый лимон, а потом выбросили самым бесцеремон-

[329] *Blavatsky H.P.* Why I Do Not Return to India // Collected Writings. 15 vols. Wheaton, Madras, London, 1980. Vol. XII. P. 162–164. Перевод с английского А.И.Дьяченко.

[330] См. также: *Крэнстон С.* Е.П.Блаватская: Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. Рига-М., 1999. С. 335.

[331] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 114.

ным образом; теперь, когда Т[еософское] О[бщество] превратилось в чисто *экзотерический* каркас, я больше не хочу и не могу ничего делать для него или для кого-либо еще. Я не могу даже помочь Олькотту, поскольку всё, что он делает, идет вразрез с политикой, принятой Учителями, и не может найти моего одобрения: Т[еософское] О[бщество] – всё, от П[резидента]-О[снователя] до рядовых членов, – превратилось в общество сектантов, разделенных на множество групп. Теперь оно – прибыльное предприятие, а не организация учеников, устремленных к свету и философским истинам. *Я больше не нужна там, в Индии.*

Что касается самого О[лькотта], Учитель не отвернулся от него. Но поскольку Г.С.О[лькотт] сам каждый день удалялся от Него все дальше и дальше, то Учителю не пристало бегать за ним или за кем-то еще в Обществе. Нет, Г.С.О[лькотт] совершил много ошибок, но он никогда не был *лжецом.* Но около него есть те (или были совсем недавно), *кто являются таковыми.* <…>

Теперь я знаю, что с тех пор, как я покинула Адьяр, мой Учитель (тот, кого называют Махатма Мориа) *не написал никому ни строчки* ни в Адьяре, ни в Мадрасе, ни даже в целой Индии – за исключением нескольких слов, однажды присланных Г.С.О[лькотту]. В этом Учитель заверил меня самолично, равно как и графиню[332]. Как такое возможно? Мой дорогой друг и брат, очевидно, "*что-то прогнило* в Датском королевстве"[333]»[334].

Об этом же писала и Е.И.Рерих:

«…Пока он [Г.Олькотт] признавал авторитет Е.П.Бл[аватской], он находился под лучом Великих Учителей. Последние же годы своей жизни он значительно отошел от Е.П.Бл[аватской] и, конечно, соответственно утратил прямое водительство Вел[иких] Уч[ителей]. Вы

[332] К.Вахтмейстер.

[333] Слова из трагедии У.Шекспира «Гамлет».

[334] Из письма Е.П.Блаватской Н.Д.Кхандалавале, 12 июля 1888 г., Лондон // Адьярский архив (см. также: https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html). Перевод с английского А.И.Дьяченко.

знаете о непреложном законе Иерархии. Именно, лишь через Е.П.Бл[аватскую] можно было приблизиться к Бел[ому] Бр[атству]. Но многие из окружавших ее в своем самомнении и самообольщении пытались достичь Высот, пренебрегая ее началом, и в зависти своей даже осуждали и клеветали на нее, все им давшую и все им открывшую. Конечно, все они ничего не достигли и остановились в своем развитии, как только пренебрегли железным законом Иерархии. (Так ни один из окружающих ее не был принят Махатмами в ученики. Для пользы дела Махатмы переписывались с некоторыми из них, но *ни один* не был принят в то, что мы называем ученичеством. Хотя многие в самообольщении питали в себе это убеждение). Именно Е.П.Бл[аватская] была тем Иерархическим Звеном, обойти и пренебречь которым означало осудить себя на полную неудачу»[335].

[335] *Рерих Е.И.* Письма. В 9 т. Т. II (1934). – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Международный Центр Рерихов; Благотворительный Фонд им. Е.И.Рерих; Мастер-Банк, 2013. С. 481–482.

VIII

Е.П.Блаватская 31 марта отплыла из Мадраса и 23 апреля 1885 года прибыла в Неаполь, где и поселилась неподалеку, в городке Торре-дель-Греко, в отеле «Везувий». Перепуганный Олькотт надеялся, что ее, засланную в европейский «медвежий угол», все позабудут:

> «Чтобы спасти жизнь Е.П.Б[лаватской], ей требовалось неукоснительно соблюдать одно необходимое условие: она должна была сохранять полное спокойствие, уединившись в каком-то тихом местечке, недоступном ни для ее друзей, ни для врагов, и в особенности воздерживаться от переписки или чтения газет».

Елена Петровна, в ответ на «беспокойство» президента, написала ему:

> «Умерьте ваши страхи, потому что, за исключением Соловьева и мисс ..., я не знаю ни одного европейского теософа, с которым я могла бы переписываться и кому бы могла дать свой адрес»[336].

В.П.Желиховская вспоминала:

> «Горько сказать: хваленые друзья, за которых она [Е.П.Блаватская] всегда стояла горой, до такой степени мало позаботились о ней, что не только не снабдили ее достаточными деньгами, но даже не дали самых необходимых вещей. Забыли даже ее белье с нею отправить! Так что она первое время, поселившись в Неаполе, до такой степени нуждалась, что холодала бы и голодала, если б не выручили ее свои: Н.А.Фадеева поспешила помочь ей, да потом "*Русский вестник*" выслал следуемый ей гонорар. <…> Она жила первые месяца два в совершенном одиночестве и в отвратительной, грязной, тесной обстановке

[336] *Олькотт Г.* Листы старого дневника. Т. III. Глава XXI // http://www.lomonosov.org/article/listy_starogo_dnevnika_tom3_glavi_21_22.htm

италиянской треторьи[337] третьего разряда с невозбранно дувшими сквозняками, пропитанными зловонными испарениями, – с одной стороны, всевозможных отбросков нечистоплотной итальянской жизни, с другой, удушливыми газами и дымом особенно беспокойного в тот год Везувия. На беду лето выдалось необычайно серое и холодное, а у нее, как уже сказано, необходимейшие вещи были забыты в Адиаре, а купить другие первое время не на что было. Знай многочисленные друзья ее в каком она положении, нет сомнения, что ее ни дня не оставили бы одну и в такой нужде, но никто ничего не знал ни в Индии, – где непричастные к ее оправке (весьма похожей на изгнание) члены ее Об[шест]ва немедленно подняли из-за нее бунт против Олькота, требуя *ее* возвращения, *ее* главенства в Т[еософическом] О[бществе], – ни в Европе, с которой она временно прекратила сношения. Кроме лишения во всем необходимом, – и это при безнадежном состоянии ее разбитого в конец здоровья: при острых ревматизмах, не перемежавшейся лихорадке, хронических болях в желудке, печени и почках! – она не имела ни секунды покоя, потому что не было при ней даже горничной! Мисс Флин[н] делала, что могла и умела, и бестолковый индус (впоследствии тоже оказавшийся предателем и негодяем)[338] вначале снисходил до подметания комнат и ходьбы за кушанием, но оба не знали ни слова ни на каком языке, кроме английского, и за всякой мелочью, за всякой дрязгой жизни приходилось обращаться к Е[лене] П[етровне], ее отрывать от дела по двадцати раз на дню»[339].

Несмотря ни на что, и в пути, и по приезде в Италию, Е.П.Блаватская продолжила работу над «Тайной Доктриной».

В письме от 29 апреля к Вс. Соловьеву Елена Петровна рассказала о последних новостях и позвала его в гости:

---

[337] Траттория (*um.* trattoria) – ресторанчик, трактир.

[338] Баваджи.

[339] *Желиховская В.П.* Радда-Бай – основательница Теософического Общества // Адьярский архив.

«Torre del Greco. Naples. Hôtel del Vesuvio.

Дорогой В[севолод] С[ергеевич]. – Здесь! Привезли полумертвую, а осталась бы в Индии, то была бы совсем мертвая. Видите ли, не мытьем, так катаньем. Кляузы Куломбов и миссионеров проклятых не удались, ни один теософ не пошелохнулся, приняли меня по возвращении в Мадрас чуть ли не с пушечною пальбою, так давай другое. Русские-де идут через Афганистан в Индию[340]; *ergo* Блаватская русская – *стало быть шпионка*. Это ничего, что ровно нет никаких доказательств к этому; миссионеры распустили клевету, а правительству, испугавшемуся огромного влияния Блаватской среди индусов, – оно и в руку: стали официально уверять, что я непременно "шпионка". Конечно, доказать не могли бы ничего, а пока, по подозрению, можно было бы и в тюрьму засадить, арестовать и кто его знает, что сделать со мною! Я это все теперь только узнала в подробности, мне и не говорили, а упаковали прямо с постели на французский пароход и, послав со мною доктора Гартмана, Баваджи (чела махатмы Кут-Хуми, которому он приказал следовать за мною всюду до моей смерти) и англичанку miss Flynn[341], которая не захотела оставить меня, – привезли в Неаполь. Здесь в уединении и покое у подошвы Везувия я должна или выздороветь – либо умереть. Должно быть последнее. Я наняла квартиру на *три* или даже *шесть* месяцев (?!!). Не давайте моего адреса никому, кроме mad[am] de Morsier. Вот приехали бы; вид чудный, воздух здоровейший, а жизнь дешевле пареной репы. Плачу за 4 меблированные комнаты с кухней 90 франков в отеле. За 400 франков в месяц нас четверо живет хорошо для теософов, не хуже парижского. Приехали бы, право. В письме всего не сказать, а мне надо *многое, многое сказать вам прежде, нежели окочурюсь*. Болезнь сердца, как у меня, не прощает; да и другие болезни не забывают. Швах со-

[340] Речь идет о конфликте между Россией и Англией из-за сфер влияния в Центральной Азии, спровоцированный боем на Кушке 18 (30) марта 1885 года, в результате которого русская армия заняла афганскую территорию к югу от реки Амударьи и Мервского оазиса, у селения Пенджде.

[341] мисс Флинн (*англ.*).

всем, дорогой друг, приезжайте! Здесь можете писать лучше, чем в Париже, да я вам внушу славные сюжеты. Ну, да хранят вас махатмы, которые спасли меня снова от смерти. Выздоровлю, поеду в Индию – живая; умру – так Баваджи повезет обратно тело мое. Об этом уже распорядились. Да хранят вас силы небесные.

Ваша навеки H.P.Blavatsky»[342].

О приглашении приехать в Италию Соловьев сообщил В.П.Желиховской в письме от 3 мая 1885 года:

«Елена Петровна в Неаполе и зовет туда, под самый Везувий. Но это вряд ли: трудно очень»[343].

И в этот же день «радостный» соотечественник отвечал Блаватской:

3 Мая [1885 г.]. Воскресенье.

Дорогая Елена Петровна, не знаю, как и выразить вам, до какой степени я рад, что вы в Европе, – все же кажется, что ближе, что свидание возможнее. Впрочем, ваш выезд из Индии не показался мне новостью: при первых же известиях о движении нашем в Азии Адель стала уверять меня, что вам непременно от англичан будут неприятности и что вы уедете.

Помните – я говорил вам, что сильно близится время, когда русский человек и индус сойдутся? Вам казалось, что это еще не скоро. А вот видите – и помимо человеческих желаний и планов неизбежные исторические судьбы делают свое дело.

Зачем вы в Torre del Greco? Уж если непременно в южной Италии, то лучше в Сорренто или хоть бы даже на Капри. А то поселились на самом кратере, который вот-вот разразится.

Хорошо мне знакомы места, где вы там обитаете, – они для меня полны даже некоторым фатальным значением[344].

---

[342] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 178–179.

[343] Из письма Вс. С.Соловьева В.П.Желиховской, 21 апреля / 3 мая 1885 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 88. Л. 18об.

[344] См. письмо Вс. С.Соловьева П.В.Соловьевой от 21 декабря 1884 г. / 2 янва-

Сильно хочется свидеться с вами; но это бесконечно трудно и вряд ли исполнимо. У меня развилась болезнь печени и надо ехать полечиться, верно, в Карлсбад – здесь никто не помог. До 1 Июня мы обязательно здесь, а потом ведь в Неаполе такая жара, которую моя больная печень не вынесет. Затем ехать с ребенком малым[345] *так в сторону* – убийственно, да к тому же здешняя хорошая его нянька отказывается покинуть Париж – и мы не знаем, где и как найдем и как куда-нибудь доплетемся. Наконец, некая здешняя особа, которую на сей раз не назову, надула меня с *трех*, так сказать, сторон, поставила в тяжкое положение, заставив потерять здесь *два* месяца[346]: это касается некоторых неизбежных и необходимых для обратного пути формальностей (самых существенных, и в церковном, и в гражданском отношении). Недели через полторы я освобождаюсь от работы – и тогда, так или иначе, надо будет на что-нибудь решиться.

Не могу достать здесь "Рус[ского] Вестника", но меня уже давно извещали из Москвы, что "Голубые Горы" ваши должны начаться. Верно, уж напечатаны. Теперь ведь самое время писать об Индии. Выздоравливайте!!! Черкните словечко. Буду писать вам освободясь от работы и часто. Вам искренно преданный Вс. С[оловьев]»[347].

Этот ответ дошел с опозданием, и Елена Петровна запросила Э.Морсье о «преданном Всеволоде Сергеевиче»:

«Дорогой и добрый друг, спасибо за газеты, спасибо за все. Я опять заболела и не могла вам раньше ответить. Умоляю вас черкнуть мне два слова и сказать, что такое с Соловьевым и почему *он мне не отвечает*? Я ему послала отсюда два письма, – а от него ни слова! Или он болен? Или он увлечен другими, верит всем распространяемым гадостям и отвернулся от меня, подобно м[исте]ру Май-

---

ря 1885 г.

[345] Осенью 1884 года у Вс. Соловьева в Париже родился сын Борис. Соловьев Борис Всеволодович (1884–1957) – морской офицер, капитан I ранга.

[346] Речь идет о Ю.Д.Глинке.

[347] ГАРФ, ф. 5972, ф. 5972, оп. 1, д. 88. Л. 19–20об.

ерсу из Лондонского психического общества? Протестантские миссионеры истратили 45000 рупий, пишет мне Олкотт, для подкупа ложных свидетелей, которые так лгали и путали во время исследования Годжсона[348], посланного Лондонским обществом, что он, Годжсон, потерял голову. Он кончил тем, что поверил, будто ни один феномен с моим участием или без меня не был не подделан, и что мы все, начиная с меня и полковника и кончая Дамодаром[349], – обманщики и шарлатаны! Аминь. Но Соловьев, друг ли он еще, или я должна потерять также и его? Ради Бога, отвечайте. Сердечно ваша Е.П.Блаватская»[350].

Получив сообщение от Э.Морсье, Соловьев вновь послал Блаватской письмо, в котором подтвердил, что «сомневаться в его к ней искреннем расположении она не имеет никакого права»:

«Понедельник, 18 Мая [18]85.
Paris, 48, rue Pergolése.

Дорогая Елена Петровна, что же это значит? Я вам писал *два раза* и сам опускал письма на почту. От вас получил *одно* письмо, в котором вы известили меня о своем приезде в Torre del Greco. Сегодня Mme de Morsier сообщила мне, что вы моих писем не получили. Я немедленно же послал вам телеграмму. Это письмо отправлю заказным. Куда исчезают наши письма – непостижимо! Но, во всяком случае, сомневаться в моем к вам искреннем расположении вы не имеете никакого права. Я не меняюсь – это не в моем нраве! – Я тоже очень болен, дорогая Елена Петровна; у меня сильная болезнь печени и никто мне не помог здесь. Иногда по целым дням мне просто трудно шевельнуться. Бед и неприятностей – не оберешься со всех сторон. Послал просьбу о продлении отпуска до начала осени[351] – не

[348] Ч.Ходжсон.

[349] Дамодар К.Маваланкар (1857–?) – член Теософского общества с 1879 года, автор ряда статей в журнале «The Theosophist», в феврале 1885 года покинул общество и отправился в Гималаи.

[350] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 180–181.

[351] «Оставаясь за границей, я отказался, по болезни, от своего места и жалованья. В бумаге, полученной мною, значится: “Госуд[арю] Имп[ератору] благоугод-

знаю, что ответят, а надо летом полечиться в Карлсбаде. 31 Мая должен выехать из Парижа в Женеву. Верьте, что делаю *все* от меня зависящее, чтобы, если только сил хватит и окажется неделя времени, поехать к вам. Но в моем положении это до такой степени трудно, я так всячески связан, что очень боюсь, что это останется мечтою. Что же мне делать? Я не имею права жить своей жизнью... – У меня была мечта эту весну провести в Италии – тогда бы я, так сказать, случайно встретился с вами. Но я сделал ужасную глупость. Госпожа[352], с которой я встретился в Брюсселе, когда ехал в Эльберфельд, обошла меня и надула так, что даже поверить трудно. Я потерял из-за нее здесь два месяца, оказался в самом глупом положении и т.д. *Самое меньшее* из всего, что́ она со мной сделала, заключается в том, что она взяла у меня на *несколько дней* деньги, а затем исчезла из Парижа, – и вот два месяца как я о ней не имею ни слуху, ни духу. Пишет она откуда-то Mme de Morsier, а ни мне, ни обо мне ни слова. Кто же она в действительности, чтоб поступать так?! Вообще мне в здешних людях пришлось сильно разочароваться. Все сношения, сначала приятные, неизменно оканчивались всякой эксплуатацией и грубым посягательством на мой карман. А так как я спохватился поздно, то меня ощипали, как индейку. – Сегодня было собрание с Могини у Mme де Морсье. Могини объяснялся с Ришэ[353]; но они не понимают и не могут понять друг друга. Завтра собрание у меня. Mme де M[орсье]

но было причислить вас к Кодификационному Отделу Госуд[арственного] Совета без содержания, с оставлением вас в придворном звании и с продолжением заграничного отпуска до 1 Июня"» (Из письма Вс. С.Соловьева В.П.Желиховской, 9/21 ноября 1884 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87. Л. 39об.).

[352] Mlle Glinka. – *Приписка В.П.Желиховской.*

[353] Рише Шарль Робер (Richet, 1850–1935) – французский физиолог и бактериолог, лауреат Нобелевской премии 1913 года, внес немалый вклад в разработку проблем научной психологии; проводил исследования телепатии, ясновидения, феноменов раздвоения, перенесения чувствительности наружу (экстериоризации) и т.п., пытаясь этим явлениям дать естественнонаучную интерпретацию; президент Общества психических исследований в Лондоне (1905); в 1921 году опубликовал первую сводку парапсихологических фактов; автор книги «Трактаты метапсихики», в которой приводятся многочисленные свидетельства реальности факта материализации духа в каких-то неведомых особенных формах материи, и романа-утопии «Отрывки из будущей истории».

это устроила, меня не спросясь предварительно, – и вдруг обращается ко мне ваша дюшесса и просит позволения явиться. Я должен был ей поклониться с любезной улыбкой. Но как это мне приятно – можете судить! – Да это все пустяки, все здешнее – un mauvais quart d'heure à passer, rien que ça[354]! Может быть пустяком и проделка ваших врагов относительно исследования феноменов. Но силе надо противупоставлять[355] силу! Я должен видеться с вами; но у меня одна голова, две руки, две ноги, совсем больное тело, да еще и карма связывает по всем направлениям. Что же с этим поделаешь?!! Пишите, пожалуйста, хоть что-нибудь! Поправляйтесь – это наши вам сердечные желания, т.е. мои и Адели.

Ваш Вс. Соловьев.

Не зная людей, вас окружающих, чувствую к одному из них невыносимую антипатию, такую, какая меня до сих пор никогда не обманывала[356]»[357].

Наконец пришло письмо от Елены Петровны:

«Torre del Greco.
23 Мая. Суббота.

Дорогой мой В[севолод] С[ергеевич], – не везет нам, видно, обоим! Опять я в постели с сильными припадками ревматизма и подагры. Здесь такой холод днем, а настоящий мороз по ночам и вечерам, что хоть впору России.

Что-то неладно в мире *на чердаке*. Вот вам и южная Италия. Нет, отец родной, не приезжайте, потому что я сама *при первой возможности* уезжаю туда, где хоть и климат холодный, да зато комнаты теплые найдутся, без сквозных зефиров, и будет что есть, кроме вечных макаронов. А первая возможность явится только, когда Катков деньги вышлет за "Загадочные племена", конченные в апрель-

[354] паршиво проведенные четверть часа и больше ничего (*фр.*).
[355] противо- (*устар.*).
[356] Речь идет о Ф.Гартмане.
[357] ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 88. Л. 25–26об.

ской книжке “Русского Вестника”. Оно хоть и немного, всего 274 стр[аницы], но не то *семью*, не то *шестью* с двумя третями или тремя четвертями руб[лей] за страницу (черт сам не разберет их счеты!), но и за то спасибо; все же будет франков тысяч 6 в кармане. И тогда я намерена сейчас же ехать, – коли не окочурюсь ранее, – в Германию на воды. Только куда, сама не знаю. Напишите вы мне, ради Аллаха, что какие воды помогают от этой подлой *белковины*, что ли, что отравила мою кровь и довела сердце до такой слабости, что его не слышно и с стетоскопом? Разузнайте-ка у докторов да начеркните. А затем, сколько в рубле франков? Также, могу ли я просить у Каткова вместо 6 р[ублей] 71 коп[пейки] за печатную страницу (100 р[ублей] за лист) 10 рублей (160 р[ублей] за лист)? Ведь при нынешнем презренном состоянии рубля нашего это черт знает что такое! Мне в Америке в Нью-Йорке[358] предлагают 25 долларов за один столбец “Писем из Индии”. Что же я, в самом деле, буду терять время с Катковым. Скажите откровенно: могу ли я просить 10 руб[лей] за страницу или нет? А теперь у меня и медного гроша нет в кармане. Отослали меня, рабу Божию, “сам-четыре” – с 700 рупий в кармане[359], не у меня, а у Баваджи, которые ему дало для нашего прокормления Общество, да и живи на эти деньги! Он сдуру, бедный мальчик, заплатил здесь за 3 месяца вперед. Я больная лежала, а он впервые в Европе, еще хуже Могини для дел житейских. Слава Богу, что Гартман уехал, и нас теперь трое только: преданная мне Мэри Флинн, которая из светской Бомбейской барышни превратилась добровольно в мою няньку и служанку, да мой маленький Деб (Дарбагири Наф), которого мы зовем *Баваджи*. Этот – за меня в огонь и в воду полезет. Бросил родину, и касту, и общество для меня и поклялся торжественно перед всей любящей меня Индией не покидать меня до смерти. Но он невинный индус, не разговаривавший до меня ни с одною женщиной, кроме своей матери во время младенчества, аскет и аза в

[358] Так в тексте.

[359] То есть на четверых было 700 рупий. «Сам» – крестьянская оценка урожайности картофеля, во сколько раз собрал больше, чем посеял, такой и «сам», например, «сам шесть»: ведро посадил – шесть ведер выкопал.

глаза не знает ни Европы, ни ее обычаев, ни даже того, что мне требуется. А Мэри золотое сердце, да дура набитая, избалованная дома, не умеющая даже кофе сварить на конфорке; с нею даже и говорить нельзя ни о чем, как о нарядах, а только можно любить ее за ее преданность. Вот мое положение.

Если это к Hartmann'у не лежит ваше сердце, то в этом вы правы. Этот ужасный человек сделал мне больше зла своим заступничеством и часто *фальшью*, нежели Куломбы своей открытой ложью. Он то защищал меня в газетах, то писал такие "экивоки", что даже враждебные мне газеты только рты отворяли, замечая: "Вот так друг!" Он один день защищал меня в письмах к Юму[360] и другим теософам, то намекал на такие гадости, что его корреспонденты все пошли против меня. Это он сделал Ходжсона, посланного Психическим Лондонским обществом делать в Индии следствия о феноменах, – врагом вместо друга, чем он прежде был. Он циник, лгун, хитер и мстителен, и его ревность к "хозяину" и зависть ко всякому, на кого "хозяин" обращает малейшее внимание, просто отвратительны! Из преданного нам Judge'а, посланного Олкоттом из Парижа в Адьяр, он сделал нам врага. Он восстановил против меня одно время всех европейцев в Адьяре, Лэн Фокса, мистера и мистрис Оклэй, Брауна[361], не мог только восстановить одних индусов, которые его ненавидят и давно поняли. Теперь мне же пришлось спасать Общество от него, согласясь под предлогом, что он доктор, взять его с собою. Общество и первый Олкотт так его боялись, что не смели даже выгнать. И все это он делал, чтоб завладеть одному мною, высосать из меня, пока я еще жива, все, что я знаю, – не допускать Субба-Рао писать со мною "La doctrine secréte"[362], а самому ее писать под моим руководством. Но он очень ошибся. Я его привезла и объявила, что писать те-

[360] Хьюм Аллан Октавиан (Hume, 1829–1912) – британский государственный и политический деятель в Индии, орнитолог, член Теософского общества (1881–1882).

[361] Браун Уильям Турней – член Теософского общества (1883–1885).

[362] «Тайную Доктрину» (*фр.*).

перь *The secret doctrine*[363] совсем не буду, а буду писать для русских журналов, я отказалась сказать ему хоть одно слово об оккультизме. Видя, что я поклялась молчать и учить его не буду, он уехал наконец. Должно быть, станет теперь врать на меня Германскому Обществу. Да мне теперь все равно. Пусть врет. Это он подговорил Баваджи заплатить за три месяца вперед, зная, что у меня денег нет, и я поневоле останусь здесь[364].

Но я пишу Каткову и потребую свои кровные деньги за "Загадочные Племена", и тогда уеду в Висбаден[365], Мариенбаден[366] или какой-нибудь другой *Баден*, которые мне очень нужны; а затем поселюсь в Мюнхене или около Вены, мне все равно где, лишь бы найти теплую комнату да быть поближе к России, к [Надежде Андреевне][367], так чтобы, умирая, видеть ее возле меня. Посоветуйте, что делать!

Из двух ваших писем я получила одно простое да другое заказное *сегодня только* и спешу отвечать. Тут даже и почта с ума сошла. Приносят мне однажды, на днях, письмо страховое: расписалась и уже собиралась распечатать, как вдруг вижу – не ко мне, а какому-то Благовещенскому в Нагасаки в Японии, а совсем не в Неаполь!! и кажется с деньгами еще, а почтальон ушел; три дня затем я отдала его назад в Неаполе на почте самому директору, который страшно смутился. Хорошо бы напечатать это в России. А ваше письмо, может, пошло в Японию...

Вечная вам любовь и дружба верной вам до гроба

Е.Блаватской.

Хочу философский журнал издавать где-нибудь здесь. Только не успею. Конец мой близок, дорогой мой друг. Отвечайте скорей!»[368]

---

[363] «*Тайную Доктрину*» (*англ.*).

[364] О Ф.Гартмане см. письма Е.П.Баватской к У.К.Джаджу и П.Синнетт от 1 мая и 9 октября 1885 года.

[365] Висбаден – один из старейших курортов Германии и Европы.

[366] Мариенбад – в XIX веке один из самых фешенебельных курортов Австро-Венгрии и Европы.

[367] В книге Вс. Соловьева написано: Х.

[368] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 181–185.

В эти же дни Елена Петровна, удивленная присылкой денег от «неизвестного друга», написала Э.Морсье:

> «...Ах, друг мой! Времена изменились, и бедное Мадрас[с]кое Общество без гроша, – значит и я тоже; таким образом, эти деньги пришли как раз вовремя, уверяю вас. Если бы я могла писать мои русские статьи, – я скоро бы добыла денег, но, к несчастию, я принуждена лежать в постели три четверти времени. Меня ненадолго уж теперь хватит! Я принимаю эти деньги от неизвестного *друга* без ложного стыда, но я хочу знать его имя. "Хозяин" отказался сказать мне, кто это, заметив только, что это *истинный друг* и что я могу принять. Но не можете ли вы мне сказать? Или это герцогиня[369]? Только нет: зачем бы ей было скрываться – и к тому же это мужчина, а не женщина. Во всяком случае, "хозяин" его знает, потому что прибавил о нем, что у него большие способности к воспринятою оккультных истин, *хотя*... Но я, кажется, не должна передавать этого. Боже мой, как я здесь скучаю! и как бы я хотела *уйти* – если бы "хозяин" позволил... Что же делает Соловьев? Или он до сих пор болен? Я очень его люблю, моего друга Соловьева, но он говорит вздор о наших махатмах, это Фома неверный. Сердечно ваша Е.П.Блаватская»[370].

Продолжал писать Вс. Соловьев и В.П.Желиховской, которого она считала в это время «большим своим другом»[371]. Тогда же в Париже возникла небольшая история, связанная с попыткой публикации повести Веры Петровны «Кунак Рагим» в журнале «Nouvelle Revue» и разъяснившаяся спустя 7 лет. Соловьев сообщил ей 22 мая 1885 года:

---

[369] М.Кейтнесс.

[370] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 186. Непонятно, зачем Соловьев опубликовал это письмо, потому что заподозрить его в присылке денег, по словам В.П.Желиховской, «было совершенно невозможно: одновременные письма его к нам от 3-го, 18 и 19-го мая 1885 г. равно повествуют о его собственном крайнем в то время оскудении» (*Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 99).

[371] Из письма В.П.Желиховской Е.С.Некрасовой, 27 марта 1885 г., Одесса (*Желиховская В.П.* Письма (1878–1896) // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html).

Некрасова Екатерина Степановна (1847–1905) – журналистка, историк литературы.

«Я решился на вещь для меня почти немыслимую: отправляюсь собственноножно к Mme Adam[372] с вашей рукописью. Только так как эту даму можно застать в известный день и час, – мне назначен четверг на будущей неделе. Не уйду от нее (ведь главное – прийти), пока она мне не даст слово, что прочтет сама вашу рукопись»[373].

Но в реальности все было по-другому. Господин литератор обманул Веру Петровну, которая на полях его письма сделала в 1892 году возмущенную запись:

«Все ложь! Он никогда не отдавал рукописи, – продержал ее у себя и возвратил с заявлением, что Mme Adam ее забраковала в самых обидных для меня выражениях. Самое замечательное, что г[осподин] Соловьев нашел возможным, все это сочинив, передать мне будто бы забракованного "Rahim"[374], в то время как Адель и сын их (осенью [18]86 г.[375]) жили у меня, потому что его и ее родные их не хотели знать, а в отель Ад[ель] не принимали, потому что у нее не было документов. Они ели мой хлеб и жили под моим кровом, пока не вышел развод его с старшей сестрой Адели и он мог с ней обвенчаться, – он увел Адель, когда ей едва было 16 л[ет], – а в то же время он лишал меня заработка и успеха в моих литературных делах, – в моем хлебе насущном!»[376]

В следующем письме Вс. Соловьева к В.П.Желиховской последовало продолжение этой истории:

«Был я у Mme Adam с вашей рукописью, Вы оказались правы – она (на словах, по крайней мере) рассыпалась передо мною. Упросила сотрудничать, расхвалила мой маленький, данный ей мною рассказ, напечатает его не в оче-

[372] мадам Адам (*фр.*).

[373] ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 88. Л. 21–21об.

[374] «Дорогая Вера Петровна, *"Рахим"* ваш со мною и я доставлю его вам при первом свидании» (Из письма Вс. С.Соловьева В.П.Желиховской, конец октября 1885 г., Петербург // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 89. Л. 16).

[375] Ошибка, необходимо: 1885 г.

[376] ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 88. Л. 21–22.

редь – так как у нее масса материала – при мне переставила №№ рукописей, говоря: “Vous voyez – je triche même pour vous!”[377] – und za weiter[378]… Я, конечно, разбранил вас. Она дала мне слово, что сама прочтет вашу рукопись и не позже как через неделю (т.е. пока я в Париже) даст мне письменный ответ. Рассказ из кавказской жизни ее интересует. Как видите – предзнаменование хорошее. Весь вопрос только в вашем французском слоге, которым я, простите, недоволен. На мой взгляд, человек, думающий по-русски, *не может* написать художественную вещь на ином языке. Тургенев так тоже думал и *никогда* сам не переводил и не писал своих вещей по-французски. Но – я могу ошибаться – и авось Mme Adam решит иначе. Да и наконец, если рассказ ей понравится, она может кому-нибудь поручить исправления. Одним словом, я надеюсь и рассчитываю»[379].

И на этом письме присутствуют комментарии Веры Петровны:

«О Mme Adam – что все оказалось гадкой ложью: он не произносил ей моего имени и никогда не передавал *“Рагима”*. Она мне это доказала записями в регистрационных книгах. Она страстно вознегодовала на его нахальство, когда я ей рассказала и прочла его письма. – Теперь просит ей прислать *Рагима*, но – увы! – рукопись затеряна! – 8 лет спустя, в нынешнем ([18]92) году, она сама просила у меня статью о Е[лене] П[етровне]. В доказательство прилагаю ее последнее письмо, присланное с кор[р]ект[урой] статьи моей о Елене в *N[ouvelle] R[evue]*[380]. К несчастию затерялось письмо, где Солов[ьев] передает мне нелестные заключения Mme Adam обо мне. Она (теперь, в [18]92 году) с ужасом мне говорила: “Il n’a seulement pas prononcé votre nom devant moi! Il m’a souverainement déplu et je ne l’ai vu que

[377] «Вы видите, я вас не обманываю!» (*фр.*).

[378] и многое другое (*нем.*).

[379] Из письма Вс. С.Соловьева В.П.Желиховской, 19/31 мая 1885 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 88. Л. 23–23об.

[380] *Jelihovsky V.P.* Essai biographique sur Madame H.P.Blavatsky // La Nouvelle Revue, 1892, т. LXXVIII, №9, 10.

deux fois. Je suis bien peinée, M-me, que pendant tant d'année vous avez eu lieu de me prendre pour une malapprise! Je peux ne pas accepter un manuscrit, mais jamais je ne me permettrai de critique[r] l'auteur"[381]. Черновая моей статьи о Е[лене] у меня: можно видеть, что поправок нет!»

Соловьев в этом же письме сообщил несколько слов о парижских теософах, нелюбезно о них отзываясь:

«Здесь был опять Могини. Теперь Синетт и Крукс. Все это приятные для меня знакомства. Но, Боже, до какой степени нелепо здешнее теософическое общество!! Много интересного сообщу вам при свидании»[382].

[381] «Только он не произносил ваше имя в моем присутствии! Он мне крайне не понравился, и я виделась с ним всего два раза. Мне очень неприятно, что в течение стольких лет вы принимали меня за невежу! Я могу не принять рукопись, но я никогда не позволю себе критиковать автора» (*фр.*). Перевод с французского М.Р.Смирновой.

[382] Из письма Вс. С.Соловьева В.П.Желиховской, 19/31 мая 1885 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 88. Л. 23, 24–24об.

IX

В июне 1885 года Вс. Соловьев написал Е.П.Блаватской, беспокоясь о ее здоровье, возмущаясь «гнусной брошюрой» «гадины» Эммы Куломб[383], радуясь, что симпатии теософов к Елене Петровне «только возросли», и приглашая совместно отдохнуть. Но в своей клеветнической книге он наврал, что «не имел понятия о брошюре “Куломбши”»[384].

«Пятница, 12 Июня [18]85.
Paris, 4, rue Balzac.

Дорогая Елена Петровна, все это время говорил о вас со всеми докторами, каких знаю. Конечно, не исследовав больного, ни один из них не может решительно высказаться; но, насколько я могу объяснить вашу болезнь (а я имею претензию понимать ее), все в один голос говорят, что *всякие* минеральные воды могут только навредить вам – воды всегда ослабляют, а при наклонности к разжижению крови (ваши опухоли и т.п.) они – яд. Вам необходим теплый (но отнюдь не жаркий) воздух, чистый *горный* воздух, сосновый лес и отсутствие моря, которое может быть очень вредно своим раздражающим влиянием в страданиях сердца.

Что касается меня – я избрал именно горы и сосны. Завтра мы уезжаем в Женеву, и оттуда я найду самое лучшее местечко в горах Швейцарии, где и проведем лето. Хорошо бы было, если б вы последовали моему примеру и если б мы соединились где-нибудь в горах. Адель поручает передать вам, что она умеет хорошо приготовлять кофе и что она рада была бы ухаживать за вами, потому что вас любит. Пишите мне в Женеву poste restante[385], а я извещу вас о дальнейшем.

Эти две недели прошли здесь недаром. Приезжали Синетт и Крукс. Я познакомился с ними, но дело не в этом, а

[383] Брошюра Э.Куломб «Некоторые сообщения о моем общении с мадам Блаватской с 1872 по 1884 год» была переиздана в Лондоне в 1885 году.

[384] *Соловьев Вс.* С. Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 188.

[385] до востребования (*фр.*).

в том, что все устроено и приготовлено, чтобы, по крайней мере, здесь (т.е. в здешней печати) осрамить эту гадину Кулон[386] и всех ослов (хотя бы они и принадлежали к какому-либо ученому обществу), которые могли хоть на минуту придать значение ее гнусной брошюре. Эта брошюра здесь возбудила всеобщее негодование, и мне даже ни перед кем не пришлось защищать вас, так как после этой гадкой интриги симпатии к вам только возросли.

Mme Adam пригласила меня сотрудничать в *Nouvelle Revue*, и первый мой для нее написанный рассказ (une petite nouvelle tout á fait occulte[387]) появится через месяц[388]. Mme Adam уверена, что это понравится, – если так, то я буду продолжать в том же духе.

Ах, если б нам с вами увидеться!

Искренно вам преданный и любящий

Вс. Соловьев»[389].

Но где же в этом письме слова о том, что «теософическое общество» ему «окончательно надоело» и что он не верит никаким «феноменам и махатмам»? По утверждению Соловьева он так и писал в это время[390]. Очередная ложь господина литератора.

В ответ Е.П.Блаватская во второй половине июня прислала следующее письмо:

«Дорогой В[севолод] С[ергеевич]. – Пишите, *где* поселитесь. Я решила ехать в Германию на зиму; по крайней мере, коли холодно, то комнаты теплые, – а здесь я постоянно простужаюсь, – и проездом могу остановиться там, где вы будете. Со мною Кришна Суами[391], а он милый. Что это вы нападаете и в письмах к [сестре][392] на Общество? Ради Бога, *хоть ради личной дружбы* не покидайте его; бедный Олкотт делает то, что ему велит совесть, и он

---

386 Куломб.

387 небольшой, вполне оккультный рассказ (*фр.*).

388 В журнале «La Nouvelle Revue» были опубликованы рассказы Вс. Соловьева «Кименис» (1885, т. 36, сентябрь-октябрь) и «Магнит» (1886, т. 38, январь-февраль).

389 ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 88. Л. 27–28об.

390 *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 187.

391 Баваджи.

392 В книге Вс. Соловьева написано: *** (г[оспо]же Y.).

и собою рад сейчас же пожертвовать ради блага Общества. Увидимся, расскажу все. Но что это вы пишете так неясно? Что вы решили сделать с подлой Куломбшей? Она вот, как я уехала, подбила миссионеров – сделать в ее пользу подписку за "*услуги*, оказанные человечеству и обществу вообще, разоблачив Мад[ам] Блаватскую". Первый подписался эпископ Мадрас[с]кий, и ей собрали миссионеры 5000 рупий, т.е. 10000 франков! Она едет в *Европу* "*за т-те Блаватской вслед*", пишет миссионер Паттерсон, редактор *обличающего* меня журнала. Милости просим. Но не правда ли, l'innocence triomphe et le vice est puni[393]? Чудо, что за милый свет – душка! *Цо то бендзе*[394]! – в будущем-то. Что такое наделал Синнетт – [Надежда Андреевна][395] пишет – в Париже? Я ничего не понимаю! И почему вы не напишете мне обстоятельно? Эх, какой вы! Ее брошюра? – хороша и так правдива. Я *ей должна до сих пор* деньги? А у меня ее письмо из Цейлона 8 лет спустя, как я была в Египте, в котором она умоляет меня дать *ей взаймы денег под вексель*. Я *фокусничала* в Каиро? А весь город знает и помнит, что меня и в городе не было, когда *нанятые* нами медиумы, ее же приятельницы, были пойманы с этими фокусами, и я их тотчас же прогнала и сама же потеряла 600 франков. Ах, она подлая женщина! Да пусть кто хочет спросит в Каире, – там ее все знают и нет ей другой клички, как *sorciére* et le *voleuse*[396]. И миссионеры ее протежируют теперь! Господи, что за гадость и что за конспирация. Довольно об этой мерзости.

Пишу II часть "Дебрей"[397]. Вы мне не отвечали на мой вопрос о Каткове. Простудилась – и всю ночь била лихорадка. До свидания, дорогой В[севолод] С[ергеевич].

Вам навеки преданная Е.Блаватская»[398].

---

393 как невинность торжествует и порок наказан (*фр.*).

394 *Что оно будет* (*пол.*).

395 В книге Вс. Соловьева написано: *** (г[оспо]жа Х.)

396 *колдунья* и *воровка* (*фр.*).

397 Семь глав второй части книги Е.П.Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана. Письма на Родину» были опубликованы в «Русском вестнике» (1885, №11; 1886, №2, 3, 8).

398 *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 187–188.

В следующем письме Соловьев сообщил Блаватской, что, уехав из Парижа, остановился с семьей в Швейцарии. Написал он несколько слов и о теософских делах:

«30 Июня. [18]85.
Suisse. Canton de Vaud.
St Georges (par Rolle)[399].

Дорогая Елена Петровна, вот уже вторая неделя как мы находимся здесь, т.е. в горной прелестной деревушке, в виду Женевского озера, Альп и Монблана. Такого воздуха и таких хвойных лесов – найти трудно. При этом полная деревенская простота и дешевизна. Людей – никого, впрочем, обещаются сюда потеософствовать Тюрманик и Mme де Морсье. От Женевы на пароходе полтора часа, а затем четыре в отличном экипаже и по чудному шоссе, но шагом, ибо все в гору.

Здесь до того хорошо и просто, что мы намерены остаться подольше, тем более что, говорят, конец Июля и Август в сих горах великолепны.

Вы все спрашиваете относительно цены в "Рус[ском] Вестнике". Отвечу примером: однажды я предложил моему издателю новый свой роман и спросил ровно *вдвое*, чем прежде. Он вытаращил на меня глаза и стал утверждать, что я помешался. Я ему сказал, что даю три дня на обсуждение его выгод и что скорее сожгу роман, чем уступлю. Через три дня он согласился на мое требование, ибо расчел, что и за эти большие деньги купить роман ему выгодно. В другом журнале, где беллетристика на втором плане, мне не захотели сделать и малой прибавки за рассказ – так как могли без него обойтись. Следовательно, все дело в личном взгляде и расчетах издателя. Требования же ваши, конечно, благоразумны и скромны.

Даю вам честное слово, что в моих редких письмах к Вере Петровне я не только ни разу не нападал на Теос[офическое] общ[ество], но даже никогда не заикаюсь о нем *ни одним словом*. Кому это надо взводить на меня

[399] Швейцария. Кантон Во. Сен-Жорж (через Ролле) (*фр.*).

напраслину?! О том, что́ такое “наделал” Синетт в Париже, – я ровно ничего не знаю. Я видел его несколько раз, он показался мне очень милым человеком, немного сконфуженным историей Куломбши, но намеренным держаться по-джэнтльменски. Быть может, он что и “наделал”, но, во всяком случае, это от меня *скрыто*. Если Н[адежда] А[ндреевна] что-нибудь знает – отчего же она не написала вам подробно. Будьте здоровы, примите наши лучшие пожелания и низкие поклоны. Не забывайте меня.

Искренно преданный вам

Вс. Соловьев»[400].

И в письме к В.П.Желиховской Соловьев сообщил о переезде на новое место и вставил несколько слов о Елене Петровне:

«Что касается нас, то вот уже две недели как мы случайно попали в горную деревню, о которой почти никто не знает и которая не обозначена ни в каком путеводителе по Швейцарии. Это простая деревня, где кроме местных пейзан[401] ни души живой. Помещаемся мы в настоящем деревенском доме, по соседству (в одном общем коридоре) с коровой. Но все крайне чисто и хорошо, а главное, дешево. Из окон – чудная долина, за ней видно *все* Женевское озеро, Савойские горы и Альпы с Монбланом. Это с одной стороны, а с трех остальных – горы, покрытые хвойными лесами. Если здесь, в этом поразительном воздухе, мы не поправимся и если я не сделаюсь хоть сколько-нибудь сносным – то, значит, капут. Сколько времени останемся здесь и куда отсюда поедем – не знаю. К 1му октября нашего стиля я должен быть в Петербурге.

Изредка получаю письма от Елены Петровны – и в каждом письме ее – то вопрос, то такого рода факты: зачем я, в письмах к вам, нападаю на теософ[ическое] общество? – Когда же я нападал на теос[офическое] общ[ество]? и откуда она получает эти сведения. Но это все равно, и только наводит на меня на мысль сказать

[400] ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 88. Л. 29–30об.

[401] крестьян (*фр.* paysan).

вам, что в моих письмах к ней я никогда не упоминаю даже имени вашего или кого-либо из ваших, ибо нахожу, что так лучше»[402].

В конце июля Е.П.Блаватская собралась ехать из Италии в Германию и обещала заехать в гости к Соловьеву:

«Дорогой В[севолод] С[ергеевич]. – Простите, не могла писать – правая рука так распухла, что и пальцы окоченели. Плохо мне. Еду завтра поселяться на зиму в Вюрцбург, несколько часов от Мюнхена, значит в Баварии. Там прозимую, а пока посмотрю, не помогут ли воды *Пандур* в Киссингене[403] от подагры. Еду я туда с Баваджи и miss Flynn, другом моим, но большой дурой.

Господи, как надоела жизнь!.. Хоть пишите, коли не можете приехать сами. Кажется от Мюнхена до вашего места недалеко; а Вюрцбург всего несколько часов от Баварской столицы[404]. Обещает [сестра][405] приехать. Не знаю, так ли оно будет. А все же ближе от О[стенде][406] Мюнхен, чем Неаполь. Здесь от холода, стужи и дождей мы перешли на жару, почище еще индийской. Душевный вам поклон и вечную, непроходящую любовь и дружбу. Я еду через Рим и Верону. Прощайте или до свиданья – как судьба повелит. До гроба Е.Блаватская»[407].

По пути Елена Петровна посылала «другу» телеграммы[408]:

«En route pour Wurzburg près Munich pour hiver. Blavatsky»[409].

---

[402] Из письма Вс. С.Соловьева В.П.Желиховской, 23 июня / 5 июля 1885 г., Швейцария // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 88. Л. 31об.–32об.

[403] Пандур – название источника с минеральной водой в Бад-Киссингене, курортном городе в Германии.

[404] Мюнхен.

[405] В книге Вс. Соловьева написано: *** (г[оспо]жа Х.).

[406] Курортный город в Бельгии.

[407] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 189.

[408] *Там же.* С. 189–190.

[409] «Мы едем в Вюрцбург на зиму» (*фр.*).

«Restons Hôtel Anglo Américain Rome huit jours écrires ici. Blavatsky»[410].

«Va bangue! Partons demain Genève, télégraphiez ou la recontre. Blavatsky»[411].

И жизнь четы Соловьевых в швейцарской деревушке была взбудоражена приездом Блаватской 1 августа. Обо всем этом господин литератор написал В.П.Желиховской 27 августа из Вюрцбурга:

«Вот факты: жили мы в С. Серге[412], и работал я с Mme де Морсье. Вдруг письмо от Радды-Бай: "Еду из Неаполя на житье в Вюрцбург". Я пишу: "Хорошо было бы повидаться по дороге". Молчание и в один прекрасный день население горной деревни поражено появлением коляски, в которой удивительная дама, удивительная девица (идиотка Фли[н]), а главное – маленький черный индус. Все вверх дном. Радда-Бай со свитой поселяется в С. Серге. Идиотка Фли[н] сплавлена в Лондон. Через неделю (в горах становится очень свежо) мы спускаемся к Леману[413] в Нион. Затем проводим несколько дней в Лозанне-Ушѝ, далее – едем вместе в Люцерн. Но тут Е[лена] П[етровна] находит, что дорого, и едет прямо в Германию, взяв с нас слово, что мы приедем в Вюрцбург. Мы остаемся, объезжаем и осматриваем озера, двигаемся дальше, делаем стоянку в Гейдельберге, а затем, верные своему слову, мы здесь. Е[лена] П[етровна] устроилась в прелестной квартире, будто нарочно для нее созданной; ждет Над[ежду] Андр[еевну], которая приезжает на днях. Мы живем в гостинице. Сначала хотели уезжать, да

[410] «Остановились в гостинице "Anglo Américain" в Риме на восемь дней. Пишите сюда» (*фр.*).

[411] «Была не была! Едем завтра в Женеву, телеграфируйте, где встреча» (*фр.*).

[412] Энциклопедия Брокгауза и Ефрона сообщала о деревушке Сен-Серге: «Климатическая станция в Швейцарии, на сев[еро]-вост[очном] склоне горы Dole-Berges, на высоте 1046 м над ур[овнем] моря. Сезон с 15 мая по 15 октября. Виды на Женевское озеро и Альпы. Доступна сев[еро]-зап[адным] и сев[еро]-вост[очным] ветрам. Рекомендуется малокровным, выздоравливающим и некоторым нервным больным, хлоротичным».

[413] Название озера.

остались, ибо – куда же ехать?! Жизнь здесь очень дешева (как в горах Юра[414], – а этим много сказано)»[415].

На следующий день, 28 августа, Соловьев послал еще одно письмо Вере Петровне, упомянув о ее сестре:

«Е[лена] П[етровна] ждет со дня на день Над[ежду] Анд[реевну][416]; сидит, не сходя с места, не открывая окон, в табачном дыму и все дни пишет. Умирает – и здорова, как никто»[417].

В Вюрцбурге Вс. Соловьев написал письмо-протест в Общество психических заявлений против публикации клеветнических Отчетов общих собраний этого общества, которые состоялись в мае и июне 1885 года[418], выступая бескомпромиссным защитником Блаватской. Об этом Елена Петровна сообщила А.П.Синнетту в письмах от 19 и 27 августа. А Соловьев спустя семь лет нагло соврал, что именно в Вюрцбурге он «серьезно приступил к своему

---

414 Горы в Швейцарии и Франции.

415 ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 88. Л. 33–34.

416 Н.А.Фадеева приехала в Вюрцбург 1 сентября.

417 ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 88. Л. 36.

418 Отчет общего собрания Общества психических исследований от 29 мая 1885 г.: Отчет Ходжсона о мадам Блаватской (собрание I) // Journal of the Society for Psychical Research (Лондон), 1885, июнь. С. 418–424; Отчет общего собрания Общества психических исследований от 26 июня 1885 г.: Отчет Ходжсона о мадам Блаватской (собрание II) // Journal of the Society for Psychical Research (Лондон), 1885, июль. С. 451–460.

Ч.Джонстон вспоминал: «В конце июня 1885 года он [Р.Ходжсон] прочел часть своего доклада о феноменах на собрании Общества психических исследований.

В результате этого собрания резко изменилось общественное мнение о теософском движении: это мнение и без того никогда не было симпатизирующим, а теперь стало открыто враждебным. К госпоже Блаватской стали относиться как к мошеннице, а к ее сторонникам – как к глупцам. Публика приняла доводы мистера Ходжсона без всяких вопросов и размышлений...

Среди других на том роковом собрании присутствовал и я. После того как мистер Ходжсон прочитал свой доклад, члены комитета обратились к аудитории, чтобы обсудить его. Одним из них был мистер Ф.У.Г.Ма[й]ерс. Когда он спросил, какое впечатление на меня произвело это собрание, я ответил, насколько помню, что оно настолько скандально нечестно, что не будь я членом Теософского общества, я бы немедленно вступил в него под впечатлением от этого шоу, устроенного мистером Ходжсоном...» (Оккультный мир Блаватской. М., 1996. С. 322–323).

расследованию», дабы убедиться в обманах и надувательствах Блаватской[419]. Как мы видим, ничего подобного в реальности не было.

«Их июльский *Отчет* выставляет их всех – начиная с Майерса и Сиджвика[420] и кончая их последним поклонником – ослами. В нем они демонстрируют всю свою нелогичность и доходящую до смешного предвзятость. Можете ли вы после этого упрекать Соловьева и других русских теософов за их заявление, будто главная причина неприязни членов ОПИ ко мне кроется в том, что я русская? Я знаю, что это не так; но их, русских, вроде Соловьева и одесских теософов, трудно убедить видеть причину подобной вопиющей несправедливости в каком-то ином свете. У них нет выбора между двумя полюсами этой дилеммы. Каждый здравомыслящий человек, не лишенный ума, прочитав *Отчет* и сравнив то, что написано там на стр. 452 и стр. 453[421], должен заключить, что те, кто его составлял и редактировал, либо движимы слепой, неуемной личной ненавистью и предубеждением, либо полные **ослы**. <…>

Соловьев до того возмущен, что подал заявление о своем выходе из ОПИ. Он написал длинное письмо Майерсу, и теперь последний отвечает ему: упрашивает и умоляет не быть *столь суровым* к ним и не уходить, а еще спрашивает, считает ли он по-прежнему, что все, виденное им в Эльберфельде, не было галлюцинацией или обманом; и в заключение просит его приехать и встретиться с ним в Нанси, где он докажет ему мою *виновность*! Соловьев же на это говорит, что поскольку их *Отчет* ставит его, как и многих других, перед выбором признать себя либо лунатиком, либо сообщником, – он рассматривает его как *пощечину*, прямое оскорбление, и отвечает Майерсу, *требуя*, чтобы его письмо непременно было опубликовано, а его заявление о выходе [из ОПИ] обнародовано. Он собира-

[419] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 202.

[420] Сиджвик Генри (1838–1900) – английский философ, экономист, писатель, профессор философии Кембриджского университета, президент Общества психических исследований (1882–1884, 1888–1892).

[421] В отчете приводятся слова Г.Сиджвика и Р.Ходжсона, сказанные в присутствии Ф.Майерса, что письма, предоставленные Эммой Куломб, «несомненно написаны» Е.П.Блаватской и были получены мошенническим путем.

ется побыть здесь со мной, в Вюрцбурге, в течение месяца или около того с женой и с ребенком. Есть также и другие (в Париже и в Петербурге), кто намерен отказаться от членства в ОПИ»[422].

«Он [Вс. Соловьев] написал Майерсу длинное письмо и подал в Общество психических исследований заявление об отставке, как поступил бы любой человек, которому они предоставляют на выбор признать себя либо страдающим галлюцинациями дураком, либо моим сообщником. Есть еще двое русских, которые, я слышала, выйдут из этого научного общества. Теперь Майерс пишет длинное письмо Соловьеву, умоляя его *не отказываться от должности* и спрашивая, утверждает ли тот по-прежнему, что видел Учителя в Эльберфельде, как и г[оспо]жа Глинка и все остальные. Соловьев отвечает, что *видел*, и настаивает на своей отставке и опубликовании своего письма-протеста.

И вот что я вам скажу, м-р Синнетт. Можете говорить, что угодно, но ваши кембриджские тузы поступают не так, как подобает честным людям. Когда я увижу Вас, объясню гораздо больше, да и у Соловьева есть много что Вам рассказать. Я не могу еще раз повторить 24 страницы письма к вам[423]. Надеюсь, что вы получите его и тогда будете в курсе дела. Спасибо за "Карму"[424]; мнение о ней высказано в том же письме. Гостиница Рюгмера находится поблизости, там очень дешево и вкусная еда. Соловьевы там. Они останутся со мной еще на месяц. Однако видимся мы очень мало, так как у нас обоих много работы»[425].

Об одном из посещений Вс. Соловьева Е.П.Блаватская рассказала А.П.Синнетту в письме от 2 сентября:

---

[422] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 108, 113.

[423] См. письмо Е.П.Блаватской А.П.Синнетту от 19 августа 1885 года.

[424] Речь идет о романе А.П.Синнетта: Karma: A Novel. London, 1885.

[425] *Блаватская Е.П.* Письма А.П.Синнетту. М., 1997. С. 235.

«29-го числа, если это была последняя суббота, я сидела с Соловьевым за своим *samovar*[426], и он поинтересовался у меня, когда я в последний раз получала весточку от миссис Гебхард или кого-нибудь еще из этой семьи. Я сказала ему, что получила письмо от мистера Гебхарда в ноябре прошлого года в Каире, и тогда у нас с Соловьевым состоялся *не слишком приятный* для меня разговор, из которого я поняла, что наши дорогие друзья из Эльберфельда от меня *отказались*; на это я просто ответила, что если от меня отказались, то в том была моя собственная вина, усугубленная опять же кармой»[427].

В письме к родным Елена Петровна коснулась упомянутых собраний ОПИ:

«Не хотят мои преданные Теософы оставить меня в покое! Зовут в Лондон… Хотят, чтобы я встала во главе Европейского Т[еософического] Об[щества], издавала бы здесь свой *Theosophist*; а индусы тоже одолевают письмами! Зовут назад в Индию, грозят бедному Олькоту бунтом без меня… В их глазах он только исполнитель моих вдохновений, а я – Главная жрица и пифия. А читала ты, как в Лондоне на митинге Психического Общества психисты меня обвиняли публично, что я и Теософию создала, и Махатм выдумала, и фокусничала все с одной единственной целью *"политической интриги за Россию"*, которая мне за это *платила*!!??! Даже такие бешеные консерваторы и русофобы, как Синнет и лорд Во[r]thwick, возмутились такой бессмысленной глупостью[428]!.. Обвинение их основано единственно на том, что со времени моего приезда в Индию некоторые англо-индийские журналы перестали так ругать Россию, как прежде. В этом есть доля правды. Почти все редакторы лучших газет, как "Indian Mirror", "Amrita Bazar Patrika", "The Hindu" и пр[очие] – Теософы и мои личные

[426] *самоваром.*

[427] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 118.

[428] А.П.Синнетт в знак протеста вышел из ОПИ (см.: Journal of the Society for Psychical Research (Лондон), 1885, октябрь. С. 86–87).

друзья, знали прекрасно, что каждое сказанное ими против России слово – режет меня по сердцу! Особенно, если оно *по-английски* несправедливо. Ну и воздерживались… А меня за это произвели в *оплачиваемую* официальную шпионку. Господи! Узнаю свою вечную долю: d'avoir la réputation sans en avoir eu le plaisir[429]!.. Уж хотя бы этим какую-нибудь пользу родной России принесла, а то и того нет! Так себе, отрицательные, мелочные результаты…»[430]

Все эти огорчения, связанные с клеветой ОПИ, сказывались на здоровье Е.П.Блаватской. Она писала на родину в сентябре 1885 года:

«Перепугала я их, бедных, говорят, с полчаса была как мертвая. Отпоили они меня digitalis'ом[431]. Я упала в гостиной, а очнулась уж раздетой в постели с доктором в ногах кровати и заливавшейся возле меня слезами Mlle Hoffmann. Добродетельный Гюббе-Шлейден, президент Об[щест]ва в Германии, сам бегал в город за доктором; а мои милые дамы – жены живописцев Тедеско[432] и Шмихена[433] и старая Mlle Hoffmann – всю ночь возле меня просидели…»[434]

В середине сентября Вс. Соловьев уехал в Париж. Елена Петровна вспоминала:

«*Прощались мы с ним как родные*, чуть не с горькими слезами... Ни слова, кроме клятв заступаться за меня в России, во всем помогать, – я не слыхала»[435].

---

[429] иметь известность, не имея от этого удовольствия (*фр.*).

[430] *Желиховская В.П.* Радда-Бай – основательница Теософического Общества // Адьярский архив.

[431] Дигиталис – препарат для лечения хронической сердечной недостаточности.

[432] Тедеско Мишель (1834–1917) – итальянский художник.

Гофман Тедеско Джулия (1843 – после 1918) – немецкая художница, жена М.Тедеско.

[433] Шмихен Герман (1855–1923(1925)) – немецкий художник, теософ.

[434] *Желиховская В.П.* Радда-Бай – основательница Теософического Общества // Адьярский архив.

[435] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 122.

В клеветнической интерпретации господина литератора этого расставания не было – он якобы выдал назидательную речь, предложив Елене Петровне «отойти от теософического общества» и бросить «всех этих махатм и чел»[436].

После отъезда из Германии Вс. Соловьев написал Е.П.Блаватской два дружеских письма. В одном из них он впервые сообщил о «деле Мохини и мисс Леонард[437]», в следующем – о действиях в ее пользу:

«Четверг, в Hôtel Richepanse
в Париже.
[1 октября 1885 г.].

Дорогая Елена Петровна, Бабаджи сидит у нас и через час Адель свезет его на станцию и отправит в Вюрцбург. У меня буквально голова идет кругом – столько всяких неожиданных дел и делишек.

Письмо относительно Машки[438] на французском языке пошлю вам завтра. Что касается до Melle Леонард – *ваше предостережение пришло слишком поздно*; но не тревожьтесь: рекомендовавшись как друг Синетта – эта особа завладела де Морсье, которую я застал носящеюся с нею как с каким-то чудом и святою. Никаких Мефистофельских взглядов я не бросал, а сказал ей, чтоб она не очень-то носилась с сей теософкой, ибо оная желала соблазнить челу, который, однако, оказался на высоте своего звания и призвания. Так что, видите, репутация Могини не страдает нисколько и никаких вам неприятностей быть не может; к тому же де Морсье отнеслась к неудавшемуся соблазнению крайне снисходительно. А потом Бабаджи ей рассказывал всю эту историю, но без меня, и я не знаю ка́к. Представьте! Cette pauvre *enfant*[439] – старая девка лет под сорок с желтыми накрашенными волосами и лицом, представляющим подобие коробки с пудрой, которая так и сыплется. Глядя на нее, конечно, никто не заподозрит бедного Могини.

---

436 *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 224.

437 Мисс Леонард – член Лондонской ложи Теософского общества.

438 М.Кейтнесс.

439 Это несчастное дитя (*фр.*).

Изиду вышлю на днях, когда получу из конторы сундук, в котором она находится.

Здесь холодно. Адель, после Вюрцбурга, изнывает от дороговизны. Борик здоров. Кажется, пока все.

Шлем вам сердечный наш привет.

Будьте здоровы, не мучайтесь даром и не мучайте бедного Бабаджи, который и так может с ума сойти в холодной Германии.

Вам искренно преданный
Вс. Соловьев»[440].

«8 Окт[ября] [18]85.
Париж.

Дорогая Елена Петровна,
что лучше: писать зря или молчать и действовать на пользу своего корреспондента? Я подружился с Mme Adam, много говорил ей о вас, *очень* заинтересовал ее, и она объявила мне, что ее *Revue* открыта не только для теософии, но и для защиты *лично вас*, если понадобится. Я расхвалил ей Mme де Морсье, одновременно нашелся еще один человек, говоривший в том же тоне – и Mme Adam пожелала познакомиться с Mme де Морсье, которая остается в Париже посредницей оффициальной[441] между мною и *Nouvelle Revue*. Вчера состоялось знакомство сих дам, наша Эмилия в полном восторге. Во всяком случае, это очень хорошо.

Сегодня провел утро у Рише и опять-таки много говорил о вас по случаю Майерса и Псих[ического] Общ[ества].

Я положительно могу сказать, что убедил Рише в действительности вашей *личной* силы и феноменов, исходящих *от вас*. Он поставил мне категорически *три* вопроса; на первые два я ответил утвердительно; относительно третьего сказал, что буду в состоянии ответить утвердительно, без всяких смущений, через два или три месяца. Но я не сомневаюсь, что отвечу утвердительно, и тогда, увидите, будет такой *триумф*, от которого похерятся все психисты. Да, так оно и будет, ибо ведь не играли же вы мной,

[440] ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 88. Л. 39–40.
[441] официальной (*фр.* officiel).

как “пешкой”! – “Изида” отправлена и вы ее, конечно, уже получили. Ваш перевод получен мною.

Вы с Надеждой Андреевной приятный мне сюрприз сделали: Вишневская не отвечает на мое письмо, и теперь, без всякой вины с моей стороны, это *враг*, а вы сами говорили, что ее не следует иметь врагом. Что-то еще скажут последствия – увидим. Ад[ель] посылает вам своей сердечный привет.

Я выезжаю послезавтра в Петербург. Адрес мой пока: С.Петербург. Юлию Осиповичу Грюнбергу[442]. Невский Проспект, №6, в редакцию журнала “Нива”. Для передачи мне.

Что-то будет?!

Вам сердечно преданный

Вс. Соловьев.

Франц[узское] письмо относительно Машки не посылаю, ибо, обдумав, *глубоко* убежден, что́ мое свидетельство как русского ровно никакой цены иметь не будет и пользы вам не принесет»[443].

Так «искренно и сердечно преданный» Блаватской Всеволод Соловьев отбыл на родину. И все его дальнейшие рассказы о якобы имевших место уже летом-осенью 1885 года подозрениях в отношении честности Елены Петровны являются, по словам В.П.Желиховской, «позднейшим вымыслом на потеху и новое обморочение публики». Согласимся с Верой Петровной, что в книге «Современная жрица Изиды» есть много таких страниц, которые «хотелось бы перевертывать щипчиками»[444]...

[442] Грюнберг Юлий Осипович (1852–1900) – управляющий конторой журнала «Нива».

[443] ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 88. Л. 37–38об.

[444] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 109.

X

10 октября 1885 года Вс. Соловьев выехал в Петербург, оставив Адель Ламкерт и сына в Париже. В России он пытался получить развод с первой женой, чтобы вступить в брак с ее младшей сестрой, что было невозможно по закону, но ему это удалось. В течение трех месяцев пребывания на родине его отношение к Е.П.Блаватской претерпело изменение – из преданного друга он становится ее яростным врагом. Соловьев не получил от Блаватской того, чего хотел (это окончательно показало общение с ней в августе-сентябре 1885 года), а именно: она отказалась принять его в ученики и передать ему сокровенные знания и не пожелала с помощью Учителей изыскать для него денег на издание нового журнала. Елена Петровна признавалась:

> «Мы с ним [Вс. Соловьевым] вместе путешествовали по Швейцарии. Даже не знаю, за что он так привязался ко мне? Ведь, в сущности, я не могу помочь ему ничем; почти ничего не могу исполнить из того, на что он надеялся… Бедный он человек! Мне так жаль его и их всех!..»[445]

Как пишет В.П.Желиховская, вернувшись в Петербург, Соловьев «еще не только верил в возможность существования Махатм, но и ждал от них благостыни», об этом он даже ей говорил[446]. Но затем господин литератор убедился, что использовать Блаватскую в своих низменных и меркантильных целях не выйдет, и это вызвало у него, по всей видимости, крайнее недовольство и раздражение, которые начали переходить в ненависть. Он потерял всякий контроль над собой. Медиумистическая природа его сознания сыграла в данном случае определяющую роль. Отказ от водительства Высокого духа, какой была Упасика, привел к тому, что он очень быстро попал под полное влияние *некой неодолимой силы*, которая контролировала его до конца жизни и заставляла совершать безнравственные поступки. С ним случилась та же история, что и с

---

[445] *Желиховская В.П.* Радда-Бай – основательница Теософического Общества // Адьярский архив.

[446] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб, 1893. С. 109.

Баваджи и Мурадом Али[447], о которых будет сказано далее. Как писала Е.И.Рерих, медиумизм «есть величайшая опасность и камень преткновения для роста духа. Медиум есть постоялый двор, есть одержание. Истинно, медиум не имеет открытых центров, и высокая психическая энергия отсутствует в нем. <…> Медиумы большей частью слепые орудия темных сил»[448]. Медиумизм Соловьева не был секретом ни для Блаватской, ни тем более для Учителей. Те советы, которые давал Махатма К.Х. Л.К.Холлоуэй, пригодились бы и для него:

> «*Садитесь* ли вы для своих друзей в Америке, в Лондоне или где угодно еще как медиум – хотя теперь вы ненавидите это слово – хорошо, пусть как ясновидящая, изрекающая откровения, вы неизбежно будете испытывать на себе все негативные последствия этого шага, поскольку вы еще в сущности не овладели элементами самоконтроля в психизме. Вы привлекаете к себе окружающие вас и очень сильные влияния – часто негативные – и впитываете их, отчего происходит ваше психическое удушение и отравление ими. Сама атмосфера вокруг вас становится буквально кишащей реанимированными фантомами. Они дают вам лживые знаки, нашептывают обманчивые откровения и посылают вводящие в заблуждение образы. Ваша пылкая и плодовитая фантазия вызывает к жизни призрачных гуру и учеников и вкладывает в их уста слова, отчеканенные мгновением раньше на монетном дворе вашего ума, бессознательно для вас самой. Ложь кажется вам столь же реальной, как истина, и у вас нет надежного метода распознавания, ибо вы все еще склонны вправлять свои сообщения в русло ваших же предубеждений. <…>
>
> Как вам научиться отличать реальное от нереального, истину от лжи? – Только через саморазвитие. Как этого до-

[447] Митфорд Годольфин (1844–1884) – наследник английской семьи Митфордов, принявший ислам и имя Мирза Мурад Али Бег.

[448] *Рерих Е.И.* Письма. В 9 т. Том II (1934). – 2-е изд., испр и доп. – М.: Международный Центр Рерихов, 2013. С. 183, 191.

Е.П.Блаватская писала Вс. Соловьеву в феврале 1886 года: «Вы окружены *таким кольцом*, что вся ваша холодная голова вам не поможет» (*Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 236), имея в виду *кольцо* темных сил.

стичь? Прежде всего, старательно ограждая себя от всяких источников самообмана, главным среди которых будет продолжение, как и прежде, сношений с элементариями[449] – делается ли это ради угождения друзьям (?), или же ради удовлетворения собственного любопытства. Затем следует выбрать фиксированный час или несколько часов каждый день, когда вы будете оставаться в полном одиночестве, пребывая в глубоком размышлении, писании, чтении, очищении своих мотивов, анализе и исправлении собственных ошибок, планировании своей деятельности во внешней жизни. Названные часы следует свято посвящать этой цели; в это время рядом с вами не должно быть никого, даже ваших самых близких друзей или друга. Мало-помалу ваше видение будет проясняться, вы почувствуете, как туман рассеивается, ваши внутренние способности укрепляются, ваше притяжение к нам усиливается, а сомнения сменяются уверенностью. Но остерегайтесь искать прямого водительства и слишком полагаться на него. *Наши* пути – не ваши пути. Мы редко являем какие-либо внешние знаки, по которым нас можно было бы узнать или обнаружить»[450].

Е.И.Рерих утверждала, что Вс. Соловьев «очень добивался быть принятым в ученики, но Вл[адыка] М. не разрешил Е.П.Бл[аватской] приближать его и даже неоднократно предупреждал о его скрытых свойствах. Конечно, мелкое самолюбие не могло простить Е[лене] П[етровне] такого отказа»[451].

«Скрытые свойства» исторического писателя точно подметила Надежда Желиховская, излившая свой сарказм на бумагу в конце 1892 года:

---

[449] «Элементарии. Строго говоря, это развоплощенные души развращенных людей; эти души, еще живя на земле, отделили от себя свой божественный дух и тем самым утеряли свой шанс на бессмертие...» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 472).

[450] Из письма Махатмы К.Х. Л.К.Холлоуэй, август 1884 г. // Mrs. Holloway and the Mahatmas. Articles by Laura C.Holloway with Letters from H.P.Blavatsky, Master K.H. & Master M. Compiled and Edited by Daniel H.Caldwell. The Blavatsky Study Center, 2012. P. 120–122.

[451] *Рерих Е.И.* Письма. В 9 т. Том VI (1938–1939). – М.: Международный Центр Рерихов, 2006. С. 348.

«Одна из главных черт в характере г[осподина] С[оловьева] – его колоссальное, ни с чем несообразное самолюбие и притом заносчивость, доходящая до комизма. Ни одна из его надежд, возлагаемых на Т[еософическое] о[бщество] и г[оспожу] Б[лаватскую], не осуществилась, а "какие-то господа индусы, какие-то выдуманные Махатмы его забраковали – его, Всеволода С[оловьева], написавшего "Горбатовых"[452]!" Да как тут не озлиться и не дать волю своей фантазии в отместку Блав[атской], которая завоевала себе славу, не написавши "Горбатовых"»[453].

В.П.Желиховская вспоминала:

«В моих дневниках нахожу, что никто так часто и настойчиво не добивался "*секретных* аудиенций" у моей сестры, как он, г[осподин] Соловьев, а он о них и совсем не поминает[454]!.. Мы, близкие Е.П.Блаватской, прекрасно знали не только сущность этих разговоров, но и все их подробности и от нее, и от него самого отчасти, потому что со мной, в минуты увлечений разговорами по душе, он иногда бывал откровенен и правдив. Он осаждал ее просьбами поделиться с ним своими знаниями собственно демонстративных феноменов; ему страх как было желательно возвратиться в Россию прообразом его "князя-мага" в романе "Волхвы"[455]. Еще накануне нашей прогулки, о которой он рассказал столько лишнего, а о существенном умолчал, Елена говорила нам:

– Просто не знаю, что делать с Соловьевым! Не дает покою, умоляя научить его феноменам, – да разве ж возможно этому сразу взять да и выучить?! "Как это вы эту музыку из воздуха вызываете?.." Как же я ему это расскажу?.. Вот, говорю, как видите: махну рукой по воздуху – аккорды оттуда и отзываются... Что ж мне больше ему рассказывать?.. Пусть

[452] Вс. Соловьев был автором эпопеи «Хроника четырех поколений» (1881–1886), состоявшей из пяти книг и посвященной судьбе аристократического рода Горбатовых.

[453] *Желиховская Н.В.* [Ответ на клевету Вс. С.Соловьева] // *Блаватская Е.П.* Статьи в русской прессе. Донецк, 2013. С. 308.

[454] В книге «Современная жрица Изиды».

[455] Речь идет о главном герое романа Вс. Соловьева «Волхвы» (1888) князе Захарьеве-Овинове, обладавшем сверхъестественными способностями.

пройдет чрез все то, что я прошла, живя в Индии, – может и достигнет! А так, только у меня время отымает и сам его напрасно тратит[456].

Вот вследствие таких-то речей сестры моей я и хотела воздержать г[осподина] Соловьева от напрасных стремлений, искренно сознавшись ему, что и сама далеко ***не во все верю*** и считаю, что сестра только вредит себе и делу, позволяя слишком восторженным поклонникам ее знаний провозглашать ее "чародейские" силы.

Другой раз, помню, Е[лена] П[етровна] даже рассердилась и сказала нам, когда Соловьев уехал: "Удивительный человек! Упрекает меня, что я Олькота *научила*, – *а* ***его*** не хочу научить!.. Я ничему Олькота учить и не думала, а сам он только магнетизер прирожденный и духовидец…"»[457]

По словам Веры Петровны, господин литератор жаждал встречи с Махатмами:

«Раз у нее [Е.П.Блаватской] было много посетителей, шел общий оживленный разговор, когда она вдруг обратилась к только что приехавшему, еще не промолвившему ни слова Вс. С.Соловьеву и сказала:

– Вы напрасно об этом думаете: *это так скоро не возможно*!.. Сколько людей добиваются видеть их годами преданнейшей службы делу и с трудом достигают цели всей жизни.

---

[456] «Это говорила нам сестра 20 Мая [1884 г.], когда мы ехали на большой обед для нее и Олькота у герцогини Помар. Накануне вечером у нас было множество народа, профессоров и всяких ученых; Олькот рассказывал по обыкновению жадной аудитории о чудесах в Америке и Индии, а из четвертой комнаты, где жила Е[лена] П[етровна], при каждом мановении руки ее в ту сторону раздавались гармонические аккорды как бы арфы или другого струнного инструмента. Все туда ходили, чтоб удостовериться, нет ли там кого? И все убеждались, что две комнаты по коридору, дверь которого была открыта в гостиную, где мы сидели, и третья на конце его, именно спальная хозяйки нашей, были совершенно пусты и никаких музыкальных инструментов в них не было. Этот вечер вероятно и разохотил г[осподина] Соловьева добиваться узнать тайну собственно этих звуков» (*Желиховская В.П.* Радда-Бай – основательница Теософического Общества // Адьярский архив).

[457] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб, 1893. С. 31–32.

Оказалось, что этот господин всю ночь мечтал удостоиться посещения с высоты Гималаев одного из таинственных покровителей Теософов – Махатмы в его астральном теле. Он даже именно приехал с тем, чтоб спросить (разумеется, наедине) Елену Петровну о том, когда ему можно надеяться на такой "почетный визит"?

Такие детские надежды и самонадеянные отношения к теософическим возможностям и задачам часто смешили нас со стороны вновь поступавших членов»[458].

Вс. Соловьев питал «детские надежды» стать учеником Махатм и Упасики. Но к подобной жизни он не был готов. В одном письме Махатмы К.Х. говорится о жертвенном и героическом пути челы:

«Быть принятым в качестве челы *на испытании* дело нехитрое. *Стать принятым* челой – значит навлечь на себя все бедствия "испытания". Жизнь обычного человека не есть сплошная череда трудных испытаний и нравственных мук; жизнь же челы, который добровольно предлагает себя в ученики, является одной нескончаемой жертвой. Тот, кто хотел бы в будущем стать властелином своей жизни здесь и *по ту сторону могилы*, должен прежде всего подчинить себя контролю, а также выйти победителем из всех искушений и оказаться выше всех невзгод и тягостей плоти и духа. Чела "на испытании" подобен путнику из старой басни о сфинксе, только *единственный* вопрос того сфинкса превращается здесь в нескончаемую вереницу повседневных загадок, которые ставит Сфинкс Жизни, караулящий на обочине пути. Если на каждую его новую головоломную загадку не следует правильного ответа, он останавливает продвижение путника вперед и в конце концов убивает его. Попросите Г.С.Олькотта объяснить вам все, что *он* знает об ученичестве. *Мы не отказываем никому.*

"Сферы полезности" могут быть найдены повсюду. *Первая* цель Общества – это филантропия. Истинный теософ является филантропом, который "живет не для себя, но для

[458] *Желиховская В.П.* Радда-Бай – основательница Теософического Общества // Адьярский архив.

мира". <…> Этот принцип вкупе с философией, то есть правильным пониманием жизни и ее тайн, создадут "необходимый *базис*" и укажут верный путь, куда двигаться»[459].

Свою судьбу Вс. Соловьев предугадал в одном раннем стихотворении: ему, «рабу жизни», отягченному земными страстями, нет места на «пиру богов» – рядом с людьми, подобным Е.П.Блаватской, и не воспринять те высшие знания, которыми они обладают, – не испить «нектар возрожденья»:

«В чудный мир, в обитель грёз далеких
Хоть на миг я б улетел душой,
И опять у позабытой двери
Постучался б трепетной рукой.

Я вошел бы в светлые чертоги,
Где всегда встречал меня привет,
Где витают золотые тени
Невозвратных, безмятежных лет.

Вновь свое покинутое ложе
Я нашел бы на пиру богов,
И впивал бы нектар возрожденья,
Аромат невянущих цветов…

Да боюсь – на зов души усталой,
Отягченной ношею земной,
Не придет никто к заветной двери,
Не введет в блистающий покой…

Да боюсь – на пиршестве волшебном…
Жизни раб, причастный злобе дня…
Я войду – и золотые тени
Разлетятся в страхе от меня...»[460]

[459] Из письма Махатмы К.Х. В.Хюббе-Шлайдену, 1 августа 1884 г. // Letters From the Masters of the Wisdom. Second Series. Adyar, Madras, India, 1925. P. 124–125.

[460] Из письма Вс. С.Соловьева Н.В.Желиховской, 30 августа / 11 сентября 1884 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 87. Л. 15об.–16.

В больном сознании Вс. Соловьева начало вызревать желание отомстить основателю Теософского общества. Для этого он использовал ложь, клевету и подлоги. Первым делом он попытался рассорить В.П.Желиховскую и ее дочерей с Е.П.Блаватской и Н.А.Фадеевой. Вера Петровна, как можно видеть из ее письма к Соловьеву, написанному 27 октября 1884 года, испытывала к сестре совсем не добрые родственные чувства, которые только усилились, благодаря иезуитским действиям исторического писателя. Вот что она писала спустя семь лет после происшедших событий:

> «Когда осенью 1885 г. г[осподин] Соловьев приехал в Петербург, он, в качестве глубоко преданного друга (каким выказывался в продолжение почти двухлетней усиленной переписки со мной и двумя старшими дочерьми моими, уж не говоря о преданности его сестре моей), стал бывать у нас ежедневно[461]. Переписка его – о всевозможных интересных предметах, преимущественно о литературе, о поэзии и лучших их представителях, – очень интересовала дочерей моих; сам же он еще более заинтересовал всех нас своими живыми рассказами, своими оригинальными мистическими воззрениями на все в мире и своей **добродушной искренностью**, иногда доходившей до резкости. Эту последнюю черту он так искусно себе усвоил, что положительно очаровал нас своей *правдивостью*... Но более всего, надо сознаться, нас привлекали к нему его "несчастия", его *незаслуженно-тяжкое* положение в семье, дурные – "несправедливые", как думали мы тогда, – отношения к нему всех близких ему по крови и *романические* подробности его тог-

[461] «Первую зиму [1885 года] мы прожили вблизи Технологического Института для удобства брата* в очень скромной квартирке на втором дворе большого дома. Ее скрашивало то, что на первом дворе этого дома был большой сад и все наши окна выходили на солнечную сторону и на большую группу деревьев. Вот в эту-то квартиру и приезжал к нам почти ежедневно Всеволод Сергеевич Соловьев. Он жил сам в великолепной гостинице "Европейской", занимая в ней обширный и комфортабельный номер. Он иногда приглашал нас всех к себе, устраивал чаепития с разными лакомствами для нас и баловал всевозможным вниманием» (*Брусилова Н.В.* Мои воспоминания и записки с детства // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 19а. Л. 76).

* Желиховский Валериан Владимирович (1866–1888) – сын В.П.Желиховской, студент, скончался 20 мая 1888 года от скоротечной чахотки.

дашнего существования, которое нам было представлено с самой возвышенной, симпатической стороны... Словом, Всеволод Сергеевич без труда занял в семье нашей, – только что переселившейся в Петербург с юга[462] и сильно тосковавшей по недостатку родственных или дружеских связей, – место самого близкого и дорогого приятеля.

Тут *впервые* стали мы слышать от него сомнительные, даже недружелюбные отзывы о сестре моей и ее деле. <…>

…Ни минуты не думала я, чтоб все те стимулы, которыми всячески возбуждали наше общее, мое и всей семьи моей, негодование против нее, недоверие и предубеждение против наших с нею общих близких людей, были бы или выдумки, или же налету пойманные вспышки их гнева, точно так же искусно возбужденного (в Вюрцбурге) *против меня*, – как в Петербурге возбуждался мой гнев против них. А возбуждался он ни для чего иного, как чтоб заставлять меня и моих проговариваться в минуты крайнего возбуждения и давать тем возможность увеличивать то скопление сведений, которое г[осподин] Соловьев так картинно называет своим *"багажом"*[463]...

"Г[оспо]жа Игрек[464] была в то время в размолвке с Еленой Петровной", – обязательно уведомляет он читателей (октябрь, "Русский вестник", стр[аница] 252[465]).

Но не извещает их, *кто* создал эту размолвку? *Кому нужно было* ее возбудить и поддерживать всякими неправдами, доходившими даже до уверений, что и сестра, и другая близкая мне особа[466] утверждали, *что я утаила деньги нашего умершего отца*[467]... В оправдание своего тогдашнего

---

462 Из Одессы.

463 *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 219–220.

464 В.П.Желиховская.

465 Отсылка к журналу «Русский вестник», в котором в течение 1892 года печаталась книга Вс. Соловьева «Современная жрица Изиды».

466 Н.А.Фадеева.

467 Имею доказательство, что г[осподин] Соловьев говорил это, – в собственном его письме*. – *Примечание В.П.Желиховской.*

* «Если я до сих пор не передавал вам всяких сплетен и предупреждений, с которыми обращались ко мне и прямо, и косвенно ваши родные, знакомые и враги (которых у вас, как оказывается, во всяком случае, не меньше, чем у меня), – то это доказывает только, что мое доверие к вам существовало на деле и что, к тому же, я не испытываю болезненного наслаждения портить кровь тем людям, которых

безумия скажу одно: я была так хорошо подготовлена, что даже не сообразила, что ни сестра и никто из близких не могли сказать этого, ибо знали, что отец мой умер, живя вдали от меня с другими детьми своими в Ставрополе за тысячу верст от Тифлиса, где я проживала безвыездно.

И вот тогда-то, когда я дошла до полубезумия, а дети мои до крайней степени ярости *за меня*, – тщательно принималось к сведению и записывалось все, что могло сорваться с языков наших в самом крайнем, преувеличенном раздражением смысле. К такого рода *"багажу"* г[осподина] Соловьева принадлежат и те мои письма, которые он ныне напечатал под прозрачным покровом данного им мне прозвища – буквы "Y". Мало того, что все наши проговоры записывались, но они тут же передавались à qui de droit[468], – так точно как нам было передано с самым хладнокровным расчетом нас раздражить против Е[лены] П[етровны] все, о чем говорилось и не говорилось в Вюрцбурге»[469].

Вера Петровна призналась:

«Вот уж где было истинное "внушение" и дурманное ослепление. Я потом часто вспоминала уверения г[осподина] Соловьева, что будто бы от него исходил некий *"fluide"*, действовавший магнетически... Уж не его ли он пустил в ход со мной, сестрой моей[470] и моими детьми, чтоб возбуждать наше недоверие и гнев несправедливо против близких людей – ему на пользу?»[471]

считаю своими друзьями. Раз только я счел своей обязанностью предупредить вас о том, что ваша тетка и сестра говорили мне о скрытии денег вашего отца; но я увидел произведенное на вас этим впечатление – и с тех пор не передавал ничего» (Из письма Вс. С.Соловьева В.П.Желиховской, 15 июня 1886 г., Петербург // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 89. Л. 21об.–22).

Ган Петр Алексеевич (1798–1873) – отец Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской, офицер конной кавалерии, полковник в отставке (с 1845 года), управляющий Каменец-Подольской земской конюшней (1846–1848), Гродненский губернский почтмейстер (1851–1858).

[468] кому следует (*фр.*).

[469] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб, 1893. С. 118–120, 124–126.

[470] Вот только Е.П.Блаватскую Вс. Соловьеву охмурить не удалось.

[471] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб, 1893.

Дочь В.П.Желиховской Надежда также вспомнила о том времени:

> «…[Вс. Соловьев] искал дружбы с мамой и с нами, чтобы узнавать всю подноготную о Блаватской, войти в доверие нашей семьи, чтобы вернее следить за ней. Он обманывал нас, нес небылицы на свою родную семью, перессорил нас с маминими родными, восстанавливал нас, детей, против родной матери и ее сестры, одним словом, закрутил такую трагедию и комедию, что мы буквально были ошеломлены. Клеветы, сплетни и ссоры между Парижем, Петербургом и Одессой[472] в письмах были чудовищны. В конце концов, он издал свою знаменитую пасквильную, лживую книгу "Современная жрица Изиды", в которой облил грязью Елену Петровну Блаватскую и ее Теософическое общество, а попутно и мать нашу и ее тетку, Надежду Андреевну Фадееву. Мать моя издала ответную брошюру – "Современный жрец истины". В России и за границей создан был скандал вокруг этого дела, и очень скоро после этого умерла наша мать, а ранее, еще до выхода его книги, когда появлялись отдельные его статьи в газетах и журналах, умерла Елена Петровна Блаватская. И когда вспомню, как он вначале говорил лично мне: "Ваша милая тетя Лёля[473] даст мне денег на издание теософического журнала в Париже. На то у нее есть ее индусские чудодеи и махатмы". И когда вспомню, что денег этих у тети не оказалось и она не могла их ему дать, а друзья ее из Индии написали ей, что это неверный человек, – для меня становится все ясным. Но что мы пережили! Господь с ним! Я написала только голые факты. Он говорил нам: "Если она, Блаватская, не сделает того, что я хочу, – я отомщу ей". И отомстил»[474].

С. 65.

[472] В Париже жил Вс. Соловьев, в Петербурге проживала В.П.Желиховская с детьми, в Одессе – Н.А.Фадеева.

[473] Семейное имя Е.П.Блаватской.

[474] *Брусилова Н.В.* Мои воспоминания и записки с детства // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 19а. Л. 68–69; см. также: *Брусилова Н.В.* О клевете Вс. С.Соловьева // *Блаватская Е.П.* Статьи в русской прессе. Донецк, 2013. С. 317.

О своем мщении Вс. Соловьев говорил и в разговоре с литератором А.Е.Зариным[475], редактором журнала «Звезда». Когда в конце 1892 года В.П.Желиховская предложила Зарину опубликовать в его издании письма Соловьева к ней и сестре «в подтверждение совершенно иных взглядов В[севолода] С[ергеевича] на теософов и Блаватскую», чем они были заявлены в книге «Современная жрица Изиды», то он решил сначала повидаться с их автором. В разговоре с ним Соловьев не согласился на обнародование своих писем и признался, что одно время верил Блаватской, а затем разочаровался, «решил мстить» и «отомстил»[476]. Этой местью стали его клеветническая кампания в Париже в 1886 году и публикация безобразной книги «Современная жрица Изиды» через шесть лет.

6 января 1886 года в Петербурге Вс. Соловьев обвенчался с Аделью Ламкерт. Вот что много лет спустя написала Н.В.Брусилова о тех событиях, свидетелем которых была:

> «Наша мать [В.П.Желиховская] была типичной представительницей [18]50 и [18]60-х годов, образованной, умной, с громадным сердцем, душевной отзывчивостью, доверием к людям, но и романическими фантазиями, оставившими большой след во всем, что она писала. Повторяю: она увлеклась симпатией к милому, талантливому, изящному русскому писателю [Вс. Соловьеву], исторические романы которого всегда читала с удовольствием. Она глубоко сочувствовала хорошенькой, молоденькой его второй незаконной жене, родной сестре его первой настоящей жены. И у той, и у другой было по ребенку. Первая со старшим его мальчиком жила в Петербурге, вторая с крошечным сынишкой скрывалась в Париже. Зачем-то ему понадобилась наша бедная мама и начал он ей рассказывать о своем горе, о своем грехе, который ни церковь, ни императорский двор (он был камер-юнкер) ему не простят, стал уверять ее, что мама и ее семья, т.е. мы, заменят ему семью, отказавшуюся от него; много, много чего он рассказывал и чему мать моя верила и жалела его и готова

[475] Зарин Андрей Ефимович (1862–1929) – писатель.

[476] *Зарин А.Е.* Полузабытый. (Из личных воспоминаний о В.С.Соловьеве) // Биржевые ведомости, 1903, №526, 24 октября. Вс. Соловьев скончался 20 октября 1903 года.

была всячески ему идти на помощь. Когда, более чем год спустя, мы были уже в Петербурге, а он приехал из Парижа[477] добиваться развода с первой его женой, пока адвокат его Болотов раздобыл вид на жительство для его второй жены, она не могла показаться в Петербурге с ним, а приехав позднее, остановилась у нас, так как ни ее, ни его родные ее не принимали ни на один день, а в гостиницу попасть без паспорта тоже было невозможно. Ее с ребенком мать наша буквально облагодетельствовала, нисколько не считаясь с ее нелегальным положением, ни с тем, что у нее самой в доме было три молоденьких дочери[478]. Нужно вспомнить, что это были восьмидесятые годы и взгляды, традиции и правила, царившие в обществе того времени, чтобы оценить услугу моей матери им обоим. Он и благодарил ее, и плакал, и целовал ей руки. <…>

Адель приехала из Парижа, оставив крошку Борика у м[ада]м де Морсье, чтобы обвенчаться с Всеволодом Сергеевичем. Это было очень трудно сделать, так как по закону жениться на сестре своей первой жены было нельзя. Но изворотливый адвокат нашел какого-то "подкупного попа", по выражению Всеволода Сергеевича, который и обвенчал их[479]. В то время при "Святейшем Синоде" адреса таких "священнослужителей", вернее, попов-жуликов, были известны.

Кроме того, Адель не могла остановиться нигде, так как родные их, ни его, ни ее, к себе не пускали, а в гостинице нужен был вид на жительство, которого у нее не было. В то время купить за деньги все было возможно, но только в столицу без вида на жительство строгие и честные дворники не пускали. И так В[севолод] С[ергеевич] стонал и ломал руки в отчаянии, как устроить Адель на несколько дней, пока Болотов вручит им нужные бумаги. Мама наша всегда была очень большая защитница женских прав, во-

[477] В октябре 1885 года.

[478] Третья дочь В.П.Желиховской – общественная деятельница Елена Владимировна Желиховская (1874–1949).

[479] «…С помощью моих трудовых денег, опытного поверенного и некоего почтенного отца протоиерея, которому захотелось уйти на покой с капитальцем, полученным за несколько романтических венчаний, – мы были обвенчаны» (*Соловьев Вс. С.* Исповедь // РО ИРЛИ, Р. 1, оп. 25, №532. Л. 2).

обще ее широкие взгляды на жизнь были известны, она никогда никого строго не винила. Кроме того, она всегда стремилась на помощь всем людям, попавшим в беду. И в этот раз она ни на минуту не задумалась над тем, что говорила ей Ольга Александровна Дитерихс[480], ее друг юности; до меня случайно долетели слова последней: "Вера, что ты делаешь, у тебя взрослые дочери, зачем ты пускаешь к себе эту любовницу Соловьева. Ведь ее родная семья ее не хочет принимать…" Но, повторяю, чтобы выручить ее из беды, помочь ближнему, мать моя ни перед чем не останавливалась и в тот раз пригласила Адель к нам, в комнату своих дочерей. Я в своем молодом увлечении очень ее одобряла. Но, конечно, надо помнить, что это были восьмидесятые годы и лицемерные взгляды тех времен, чтобы вполне оценить услугу, оказанную ею Всеволоду Сергеевичу и Адель Иосифовне. От нас они поехали венчаться, у нас и обедали в день свадьбы. Нам было весело, и все бесконечно смеялись над многими забавными подробностями всего этого происшествия. Брат наш, молоденький студент института путей сообщения, ездил на Варшавский вокзал за вещами нашей гостьи, тщательно скрываясь от нашего дворника, чтобы не явился он к нам с домовой книгой преждевременно. Этот эпизод был бесконечной темой для острот Всеволода Сергеевича за нашим обедом в их честь. Но тостов за "единственных", верных друзей и клятв в бесконечной дружбе и преданности нам было еще больше»[481].

В.П.Желиховская также упомянула свадьбу Соловьева:

«Надо здесь заметить, что когда в январе [1886 года] приехала нынешняя супруга г[осподина] Соловьева, то он умолил меня принять ее на несколько дней к себе, так как ей негде было в Петербурге остановиться: никто из родных

[480] Дитерихс Ольга Александровна (1835–1897) – жена Федора Карловича Дитерихса (1831–1899), генерала от артиллерии, директора Пажеского корпуса (1878–1894).

[481] *Брусилова Н.В.* Мои воспоминания и записки с детства // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 19а. Л. 63–65, 68; см. также: *Брусилова Н.В.* О клевете Вс. С.Соловьева // *Блаватская Е.П.* Статьи в русской прессе. Донецк, 2013. С. 316–319.

(не исключая и матери ее), а тем более, никто из знакомых, почему-то, не пожелали ее приютить, а поселиться в отеле она не могла по неимению документов. Симпатизируя им обоим и совершенно доверяя показаниям их, я охотно оказала им эту дружескую услугу. Я благословила их, когда они ехали венчаться[482] из моего дома, и, разумеется, это еще более скрепило, по-видимому, узы нашей приязни; так что по отъезде их после свадьбы переписка между ними и семьей моей продолжалась еще дружественнее...»[483]

[482] Спешу оговориться: я благословила одну невесту. Г[осподин] Соловьев ни за что не согласился, чтоб я его перекрестила образом, что меня крайне огорчило: я думала, что эта странность у него прошла. – *Примечание В.П.Желиховской.*

[483] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб, 1893. С. 136–137.

XI

Выступить на публичном поприще в роли очернителя Вс. Соловьеву придала решимости публикация в конце декабря 1885 года клеветнического отчета Общества психических исследований (отчет Ходжсона)[484], в котором Е.П.Блаватская была объявлена мошенницей и русской шпионкой. Он безоговорочно поверил всему тому, что было написано в этом «документе». Вызревавшее раздражение против Блаватской прорвалось, желание уничтожить ненавистную особу застлало глаза и сочинитель псевдоисторических романов[485] начал действовать. В его больном сознании все перевернулось: ложь выдавалась за правду, фальсификация документов, вранье и нечистоплотные поступки оправдывались некой «высокой» целью и стали нормой жизни.

---

[484] SPR Report on Mme. Blavatsky & the Theosophical Society // Proceedings of the Society for Psychical Research, 1885, V. III, December (Отчет ОПИ о мадам Блаватской и Теософском обществе // Труды Общества психических исследований, 1885, т. III, декабрь).

[485] Историк русской литературы и литературный критик А.М.Скабичевский писал, что произведения Вс. Соловьева представляют собой лубочный и шаблонный исторический роман, который «сделался продуктом не художественного творчества, а шарлатанской спекуляции скороспелого борзописанья, благодаря легковерию толпы, не вникающей глубоко в историческую достоверность и довольствующейся лишь сказочными сюжетами» (*Скабичевский А.М.* История новейшей русской литературы (1848–1890). СПб., 1891. С. 376).

Литературный критик и публицист В.П.Буренин причислил романы Вс. Соловьева к «золотой литературной посредственности, приличной, гладкой, удобочитаемой, даже, пожалуй, интересной для средней публики, даже полезной, так как они знакомят эту публику с историей прошлого, но, в конце концов, все-таки бесцветной и не представляющей никакого материала для критической беседы» (*Буренин В.П.* Критические очерки // Новое время, 1884, №3168, 21 декабря).

Философ и литературный критик В.В.Розанов назвал романы Вс. Соловьева «деревянными, бездушными, захватывавшими только ту “большую” и даже “аграмадную публику”, которую вообще не принято и нельзя считать обществом “литературным”» (*Розанов В.В.* Литературный род Соловьевых // Новое время, 1911, №12602, 14 апреля).

В.П.Соколов, сотрудник журнала «Север», который издавал Вс. Соловьев, написал о его творчестве: «Пушкин сказал, что публика не пятнадцатилетняя девочка и не тринадцатилетний мальчик, но Вс[еволод] С[ергеевич] всю публику пожелал обратить в малолетнее состояние, в чем, надо ему отдать справедливость, весьма преуспел» (*Соколов В.П.* Всеволод Сергеевич Соловьев // РО ИРЛИ, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 774. Л. 5об.–6).

Необходимо сказать, что Общество психических исследований в 1986 году выпустило пресс-коммюнике, котором опровергло выводы отчета Ходжсона, основывающегося на поддельных письмах Е.П.Блаватской, сфабрикованных Куломбами. В этом пресс-коммюнике было заявлено, что Вернон Харрисон, бывший президент Королевского фотографического общества, эксперт по исследованию и выявлению подделок документов и член ОПИ с пятидесятилетнем стажем, заново проверил все обстоятельства дела и пришел к заключению, что «письма, уличающие мадам Блаватскую в мошенничестве, являются фальшивкой, состряпанной бывшими служащими [Куломбами] из мести, тогда как корпус Писем Махатм, хранящихся ныне в Британской библиотеке, написан почерком, явно не отвечающим характерным особенностям почерка мадам Блаватской, даже если бы она и попыталась его изменить»[486].

В отношении отчета Ходжсона В.Харрисон считает, что «по мере тщательного анализа обвинений, выдвинутых в этом отчете, становится все более очевидным, что в то время как д-р Ходжсон был готов ухватиться за любое, даже самое пустяковое и сомнительное свидетельство, направленное против мадам Блаватской, он совершенно проигнорировал все то, что могло бы свидетельствовать в ее пользу. Его отчет нашпигован предвзятыми суждениями, предположениями, выдаваемыми за установленный или возможный факт, ничем не подтвержденными показаниями безымянных свидетелей, избирательным отношением к отбору свидетельских показаний и откровенной ложью. Как следователь д-р Ходжсон не выдерживает никакой критики. Его дело против мадам Е.П.Блаватской абсолютно бездоказательно»[487]. Харрисон делает вывод, что «отчет Ходжсона отнюдь не является, как это повсюду считалось в течение более ста лет, образцом беспристрастного и тщательного научного исследования. В действительности это работа человека, который сделал выводы еще до своего исследования и который впоследствии, предвзято отбирая и искажая факты, не колеблясь принимает ложные аргументы в поддержку своего предположения»[488].

---

[486] Пресс-коммюнике Общества психических исследований. 1986 г. // Вестник Космической эволюции. Тверь, 2012. С. 355.

[487] *Там же.*

[488] *Харрисон В.* Е.П.Блаватская и Общество психических исследований. Про-

О подробностях заговора членов ОПИ Е.П.Блаватская рассказала в письме к А.Н.Аксакову:

«Вюрцбург. 8 Января 1886.
6 Ludwig Strasse.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Пишу вам не ради ответа или возобновляемой переписки, а ради долга, как к русскому, когда-то если не другу, то благоволящему компатриоту[489] и корреспонденту. Давно сердце вещее чуяло во мне, что вы переменились вследствие клеветы, интриг и нападок – которые теперь делаются историческими[490]. Не привыкать стать терять друзей из-за подозрений и клеветы.

Ну-с, дело, начатое[491] с таким (pardon[492]) остервенением против меня благородным Юмом[493], продолжаемое всеми медиумами и спиритами сообща, подхваченное протестантскими миссионерами, злейшими врагами – отродьем Кальвина[494] и Меланктона[495], триумфально заключается психическим Обществом. Отличился их эксперт[496], нечего

верка отчета Ходжсона 1885 года (фрагмент) // Вестник Космической эволюции. Тверь, 2012. С. 361.

Был опубликован ряд книг, в которых доказывалась лживость выводов отчета Ходжсона: *Синнетт А.П.* «Феномены оккультного мира» и Общество психических исследований. Лондон, 1886; *Безант А.* Е.П.Блаватская и Учителя Мудрости. Лондон, 1907; *Гастингс Б.* Оправдание мадам Блаватской. В 2 т. Уортинг, 1937; *Ванья К.Ф.* Мадам Е.П.Блаватская, ее оккультные феномены и Общество психических исследований. Бомбей, 1951; *Уотерман Э.Э.* Некролог: «Отчет Ходжсона» о мадам Блаватской. Повторное рассмотрение опровергает главные обвинения против Е.П.Блаватской. Мадрас, 1963; *Харрисон В.* Е.П.Блаватская и Общество психических исследований. Проверка отчета Ходжсона 1885 года. Пасадена, 1997.

489 соотечественнику (*фр.* compatriote).

490 То есть входят в историю в виде обсуждаемого дальше отчета ОПИ.

491 В 1876 году.

492 пардон, прошу прощения (*фр.*).

493 Юм Дэниэл Дуглас (1833–1886) – шотландский медиум.

См. протест членов Теософского общества от 19 апреля 1876 года по поводу клеветы Д.Д.Юма в отношении Е.П.Блаватской в: РО ИРЛИ, ф. 2.

494 Кальвин Жан (1509–1564) – французский богослов, реформатор церкви, основатель кальвинизма, одного из направлений протестантизма.

495 Меланхтон Филипп (Melanchton, 1497–1560) – немецкий теолог, сподвижник М.Лютера, основоположника немецкого протестантизма.

496 Речь идет о Р.Ходжсоне.

сказать. Вот уж можно сказать, что глотали с медиумами верблюдов, а подавились Теософическим комаром[497]. Вы, конечно, следили и в *Theosophist*'е, и в Report of Psychic Society[498] – стало быть, рассказывать нечего. Вы читали их донесения (т.е. доносы), а, может, теперь уже и убедились, что ваша всепокорнейшая слуга – "the *grandest*, the most *remarkable*, the *cleverest* as the most extraordinary **impostor** of the age and of the *whole world*!"[499]. – Лестно. Есть такие, что думают – "Vaut mieux être le premier – *en vice*, que le second *en vertu*"[500], – только не я. Всё это превосходно; только вот *мотив*, причина-то, заставившая меня, по-ихнему, надувать в продолжение 15 лет и более весь крещённый и некрещённый мир, немножко свихивает. А ведь без мотива беспричинно играть такую всемирную, объемлющую 200 миллионов Индусов и столько же Европейцев да Американцев комедию, водить их за нос, перехитрять ежедневно самых *интеллигентных investigators*[501], – должна же иметься. Без причины и соломинка не полетит в сторону. Думали, думали Англичане, да и додумались. В продолжение целого года, – с тех самых пор как выгнанные нами за воровство ключница с мужем (Coulomb) смастерили под вдохновением *padres*[502] несколько идиотских писем и записок к ней якобы от меня, из старых моих писем[503], – производилось следствие. Послало Психическое Общество чиновника своего[504] на следствие в Индию. Он у нас и жил, и ел, и пил, и спал. Друг был наипервейший. Имел всё время письма эти смастерованные, данные ему Куломбшей и

---

[497] «Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие» (Мф. 23, 24).

[498] отчете Психического Общества (*англ.*).

[499] «*величайшая*, самая *знаменитая*, *искуснейшая*, как и наиболее выдающаяся **мошенница** века и *всего мира*» (*англ.*) – заключение из отчета ОПИ (с. 207).

[500] «Лучше быть первым – *в грехе*, чем вторым *в добродетели*» (*фр.*).

[501] *исследователей* (*англ.*).

[502] *падре* (*англ.*); речь идет о шотландских пресвитерианах Мадраса.

[503] Эти пресловутые «Blavatsky-Coulomb letters» <«письма Блаватской-Куломбов», *англ.*>, печатанные и перепечатанные, для меня до сей поры *terra incognita <нечто совершенно неизвестное, лат.>*, невидимки. Несмотря на все мои просьбы и старания Синетта и других, мне не позволили *видеть ни одного письма*, якобы написанного мною!! – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[504] Речь идет о Р.Ходжсоне.

миссионерами, и никогда даже и не сказал нам, что они у него. Никогда и не показал и не просил моего объяснения. Но я отвлекаюсь, – извините. Ну-с, искали, искали, и, как увидите из их *Report*[505], – кроме гипотез, подозрений, фальшивых заключений, вранья, ничего в нем и нет, как оно и будет доказано нами, Теософами. Одно верно. Доказано всемирным свидетельством, что, какой бы ни был у меня мотив, только *не корысть*. Это и печатается. Денег я не брала, от своих самых ярых последователей ни подарков, ни денег не принимала, а напротив, всякий заработанный мною грош в *Московских Ведомостях* и *[Русском] Вестнике* отдавала Обществу и школам[506]. Даже те, которые нуждались (читайте прилагаемый при сем *наш* Рапорт Членов Совета, стр. 64[507]), как судья Шринавас Рао, получали по 500 рупий и более во время феноменов. Всё это я, говорят теперь. Оттого, вероятно, я теперь и нищая, буквально, п[отому] ч[то] только на прошлой неделе отказалась от предлагаемой мне денежной помощи Лондонскими Теософами, *и не приму* – лучше с голода умру. Ну вот, стало быть, не из корысти. Не из желания также славы, как думали; п[отому] ч[то] я постоянно отрицала собственное "могущество". Всегда говорила: кроме производимых звуков и звонков *ad libitum*[508] в столах, в стенах, в головах, дома, во дворе, в лесу, где угодно и где указывалось, – никакой у меня произвольной силы никогда и не было. Все эти феномены производились *помимо* меня, хотя и сознательно; т.е. я знала, что вот такой или иной фокус произойдет. И говорила я [это] всегда. *Изида* мне была почти вся продиктована. Все цитаты в ней я просто переписывала с того, что видела перед глазами в астральном свете; из книг, часто которых во всем Нью-Йорке и Америке не нашли бы, а толь-

---

[505] *отчета* (*англ.*); речь идет об отчете ОПИ.

[506] Речь идет о буддийских школах, основанных и поддерживаемых Теософским обществом.

[507] Report of the Result of an Investigation into the Charges against Madame Blavatsky Brought by the Missionaries of the Scottish Free Church of Madras, and Examined by a Committee Appointed for That Purpose by the General Council of the Theosophical Society. – Madras, India: Theosophical Society, 1885.

[508] *по собственному усмотрению* (*лат.*).

ко разве в Ватикане или в Бодлеянской библиотеке[509]. И все мои статьи в *Theosophist*'е, философские учения – всё это не мое, а или диктуется мне, или пишется для меня. Стоит мой *Гуру* за мною и диктует. А что его скептики не видят – то вина не моя. Какая же тут жажда *славы*? Ради чего это я надувала свет да мир, десять лет[510], день и ночь, трудилась, отдавала всё на дело, ходила в Индии босая да в одних факирских одеяниях, сидела дома да работала даже в гостях, когда затаскивали; звонила и стучала (феномены), пока дозвонилась от усилий до болезни сердца, которая убивает меня теперь и унесет на днях с быстротою молнии. Ведь должен же быть мотив? Ну вот читайте. Всё это Блаватская делала из патриотизма. *Она была-де Русской Шпионкой с самого начала и усердствовала ради интересов Русской политики*; возбуждала любовь к Русскому Правительству в Индусах и опровергала (выдумываемые) подлости о России и Правительстве[511]. Напрасны все показания Индусов, что "*никогда я не разжигала в них ненависти к Англичанам*, а напротив", – это они всё врут. Громадный заговор, задуманный мною же (те же[512] и она), "всегда клонился-де *к возвеличению России* и умалению Англии". Я-де друг и приятельница Ольги Новиковой – одного поля ягоды, стало быть[513]. Ну вот и *мотив*.

---

[509] Бодлианская библиотека (Bodleian Library) – библиотека Оксфордского университета, одна из старейших в Европе, обладающая крупнейшим книжным собранием Великобритании. Библиотека носит имя сэра Томаса Бодли (1545–1613), известного собирателя старинных манускриптов, состоявшего на дипломатической службе королевы Елизаветы.

[510] В ноябре 1885 года исполнилось 10 лет со дня основания Теософского общества.

[511] Обвинение Е.П.Блаватской в том, что она русская шпионка, было высказано Р.Ходжсоном первоначально в статье «Теософское общество: тайные происки русских или религиозная эволюция?» (The Melbourne Age (Австралия), 1885, 12 сентября), а затем в отчете ОПИ (с. 314). А поднабрался он этой клеветы все у тех же Куломбов. Еще 28 сентября 1884 года Елена Петровна написала: «…Как теперь выяснилось, именно они [Куломбы] в течение всех пяти лет, прожитых с нами, пытались подозревать во мне "русскую шпионку", а в Теософском обществе – "опасное политическое движение"» (*Blavatsky H.P.* Collected Writings. 15 vols. Wheaton, Madras, London, 1989. Vol. VI. P. 283). Перевод с английского Г.Г.Косырева.

[512] индусы.

[513] Е.П.Блаватская писала О.А.Новиковой в январе 1885 года: «Ангел, лучше будем переписываться по-английски. Такие опасные шпионки русские, как нас с

В прошлом году, – когда я умирала (к несчастию своему, ожила, спас Гуру!), пролежала на смертном одре 9 недель[514], – в то самое время меня пришлось переносить на пароход и отправлять в Европу, иначе бы меня и тогда посадили в тюрьму по подозрению, что я русская шпионка; я, видите ли, показала дорогу и действовала сообща с Генералом Комаровым[515], науськивая его на Индию. Удивительный я, просто феноменальный, должно быть, субъект. Мне, право, следовало бы начать хоть теперь влюбляться в себя. *Половину* золотой сабли с брильянтами Комарову следовало бы по справедливости передать *мне*, – во мнении Англичан.

Но тут, право, не до шуток – только натура уж такая подлая, смеяться надо всем, даже над собственным бесчестием. Меня обвиняют в *Report*'е[516] в **подлоге** – всех писем, полученных от Махатм в продолжение десяти лет. Писем – несколько тысяч: по-английски, французски, по-немецки, на языках Санскритском, Бенгальском, Телугу, Тамиль[ском], Тибетском, Маратском[517], etc. etc. etc. Философию их, часть которой находится в *Occult World* и *Esoteric Buddhism*[518], – сочинила-де я. На всех этих языках писала я – или, под мою диктовку, мой слуга *Бабулла*, Индус, не умеющий ни читать, ни писать, а помогали мне индусы, усвоив себе, *подлогом почерка*, почерки двух Махатм. Напрасно говорят им Теософы, что это невозможно. Что

вами делают, должны быть осторожными. Господи, что за дураки эти Англо-Индийцы. Я – шпионка!! Черт побери и их, и их политику, в которой я не смыслю ни слова. Хоть бы уж в покое оставили, – только этого и прошу» (Письма Е.П.Блаватской к О.А.Новиковой (1884–1891) // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/rukopisi.html).

514 В январе-марте 1885 года.

515 Комаров Александр Виссарионович (1823–1904) – генерал, участник Кавказской войны и Туркестанских походов. 18 (30) марта 1885 года произошло боевое столкновение (так называемый «бой на Кушке») между частями под командованием А.В.Комарова и афганскими войсками, в результате которого русская армия заняла афганскую территорию к югу от реки Амударьи и Мервского оазиса, у селения Пенджде. Этот инцидент поставил Россию на грань войны с Великобританией, которая была предотвращена усилиями дипломатов. А.В.Комаров за эту победу был награжден золотой шашкой с бриллиантами.

516 *отчете* [ОПИ] (*англ.*).

517 Современное написание: маратхский.

518 «Оккультный мир», «Эзотерический буддизм» (*англ.*).

не имеют они, Психисты[519], права (даже *если бы и* **я** *писала письма Махатм*) называть меня "forger"[520]. П[отому] ч[то] ведь, если я выдумала Махатм, так и их почерки я выдумала; *ergo*, почерки их мои, а не подложные. Так индусы – *forgers*[521]; des *faussaires*[522]. Прекрасно: где же эти Индусы? Дамодар? Ищите его. Про него можно всё сказать теперь, так как он в Тибете, у Махатмы, и вернуться не желает. Я же, по решению мудрых Психистов, написала какое-то глупое письмо почерком Гартманна. – Нет на это *никаких* ровно доказательств, одни лицеприятственные подозрения и желания англичан покрыть грязью *русскую* женщину. Что ж с этим поделаешь.

Доказательством глупости этого *исторического* expose[523] служит уже то – что ни один Теософ не оставил Общество. В самом Лондоне все стоят за меня горой. Синнетт и Совет пишут обстоятельный Ответ[524]. Но на это нужно время. Самые ярые патриоты-Англичане (Теософы) за меня и начнут войну теперь с *Psychic Society*[525]. А мое положенье хорошо, думаете? Я даже не могу жалобы на них подать в суд. Будь я бела, как снег, – будь их клевéты *forger* и *spy*[526] доказаны 20 раз клеветами, я же останусь виновата, п[отому] ч[то] всё это перемешано и основано на феноменах, а в феномены *суды не верят*, вот вам и a priori[527] доказательство; а затем потому, *что я русская* – mon plus grand crime[528]. Нашли какие-то небывалые сходства в черточках в тире – между моим почерком и Махатм. Два главные эксперта долго не соглашались, говорили: нет сходства. Так *довели их до оного*[529]. Читайте внимательно. "Оборот фраз" один и

---

519 Речь идет о членах ОПИ.

520 «фальсификатором» (*англ.*).

521 *фальсификаторы* (*англ.*).

522 *фальсификаторы* (*фр.*).

523 разоблачения (*фр.*).

524 См.: *Sinnett A.P.* The «Occult World Phenomena» and the Society for Psychical Research. London, 1886 (*Синнетт А.П.* «Феномены оккультного мира» и Общество психических исследований. Лондон, 1886).

525 *Психическим Обществом* (*англ.*).

526 в *фальсификации* и *шпионстве* (*англ.*).

527 изначальное (*лат.*).

528 моя самая большая вина (*фр.*).

529 То есть до «признания» ими такого сходства.

тот же? Так *Изида* же написана не мною. Я и по-Английски выучилась писать через *Изиду*! Я почти не говорила, приехав в Америку, перезабывала всё, что знала по-Английски. Да что про это говорить. Quand on veut tuer un chien on le dit enragé[530]. Дело не в этом, а в подставных феноменах. Не разъяснить им последних во веки веков, как и медиумические явления. Дураки они и ослы. Я с малых лет производила такие феномены, во сне ходила и видела то, чего другие не могли видеть. Конечно, я была сильный медиум и без элементных духов не обходится ни одно явление. Да Махатмы-то живые люди. *Они* не духи. Мы не против *духов*, а душ умерших – даже не *душ*, п[отому] ч[то] души остаются после смерти в земной сфере, а против того, что *бессмертные духи* умерших являются, – вот и вся разница. Да в том тоже, что такие явления могут быть *непроизвольными* (медиумическими) и *произвольными*, если кто знает тайны природы.

Но я вам надоедаю. Прошу вас, Александр Николаевич, сделайте божескую милость. Прочтите вы это письмо В.А.Прибыткову, [из] *Ребуса*. Пусть он услышит и мое оправдание. Когда выйдет защитительная брошюра – вышлю вам её. А теперь посылаю наш прошлогодний *Report*[531]. Посылаю его через *Виттиха*[532] – вашего, иначе еще пропадет на почте. Извините за беспокойство.

Теперь я пишу *Secret Doctrine* и скоро кончу. Будет выходить ежемесячно в продолжение двух лет[533]. Вероятно, я не доживу до конца, но и без меня напечатают. Лишь бы кончить рукописи. Вот я здесь совершенно одна в Вюрцбурге. Нет у меня ни книг, ни помощников. Пусть же Психисты объяснят, как это я всё знаю, что у меня написано. А *Secret Doctrine* будет сто раз лучше *Изиды*, которая дрянь перед этой. Всё мне диктуется. Оттого-то мой *Гуру* и не допустил меня окочуриться в прошлом году. Видно, нуж-

---

[530] Когда мы хотим убить собаку, то говорим, что она бешеная (*фр.*).

[531] *Отчет* (*англ.*); речь идет о ежегодном Отчете Теософского общества.

[532] Виттиг Грегор (Wittig, 1834–1908) – немецкий писатель, переводчик, многолетний сотрудник и помощник А.Н.Аксакова в его литературно-издательской деятельности, секретарь редакции журнала «Psychishe Studien», издававшегося в Лейпциге.

[533] «Тайная Доктрина» вышла отдельным изданием в двух томах в 1888 году.

на еще. А не побеждают они разом врага, п[отому] ч[то], говорят, так и нужно. *Карма* – закон возмездия наш, всех, особенно меня; замаливаю, видно, старые грехи.

Ради бога, прошу вас, не позволяйте Виттиху порочить меня и всех нас в вашем издании. Д-р Hübbe-Schleiden и Baron du Prel[534] – Теософы – говорят, что он нас ненавидит. Хоть соотечественники удержитесь бросать грязью, пока всё не выяснится. Я ведь и бита за то, что русская, да так горячо любила родину и всё русское, что не позволяла ругать русских в Индии, – за то и попала в Русские *шпионки*!

Дай вам бог всего лучшего. Недолго мне жить, коптить собою свет божий. Потерпите и простите меня, что утруждаю вас.

Всегда глубоко уважающая и преданная вам,
Е.Блаватская.

P.S. Вот кстати вышел и старый рассказ мой в *Р[усском] Вестнике*. Ссора моя с двумя Англичанами в Диге[535]. Победили они еще раз русских»[536].

Подобное письмо, но окрашенное юмором, Елена Петровна написала и родным:

---

[534] Дюпрель Карл (1839–1899) – немецкий философ, психолог, писатель.

[535] См.: *Радда-Бай*. Из пещер и дебрей Индостана. Письма на родину. Вторая серия. Гл. I–II // Русский вестник, 1885, №11. С. 315–319.

Диг – бывшая столица княжества Бхаратпур, располагавшегося на северо-западе Индии.

[536] РО ИРЛИ, ф. 2 (см. также: «И Американская я гражданка; и буддистка; а не быть мне ничем, как русской, чисто русской сердцем до смерти моей!». Три письма Е.П.Блаватской А.Н.Аксакову (1881–1886) // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html).

См. также письма Е.П.Блаватской об отчете ОПИ к А.П.Синнетту от 1 и 6 января 1886 года (The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 134–136; The Mahatma Letters to A.P.Sinnett from the Mahatmas M. & K.H. London, 1923. P. 478–481), В.Хюббе-Шлайдену за январь 1886 года (Государственная и университетская библиотека Нижней Саксонии (Гёттинген); перевод на русский язык: *Блаватская Е.П.* Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 414–427) и К.Вахтмейстер от 24 января 1886 года (Государственная и университетская библиотека Нижней Саксонии (Гёттинген); первая публикация: Eclectic Theosophist, 1982, №68, март-апрель).

«…Я понимаю, что Психическому обществу, вначале отогревшемуся в гнездах Теософического Об[шест]ва, как воровская кукушка отогревает свои выводки в чужих гнездах (когда – помнишь? – Майерс еще все тебе письма писал и меня просил, чтоб я тебя упросила ему из России корреспондировать?), невозможно было отделиться от нас. Опасно было бы Майерсу, который бьёт на то, чтоб не расходится с европейской наукой, честно и бесстрашно заявить, что все наши феномены *не* фокусы и *не ложь*, а результаты сил, не известных европейским ученым. Против них восстали бы главные общественные силы в Англии: духовенство и корпорация представителей науки. Мы же, теософы, их не боимся: идем вразрез. Наше Об[шест]во у всех ханжей-иезуитов и псевдоученых – как бельмо на глазу, а уж я-то как русская являюсь именно козлом отпущения. Надо же было объяснить мое влияние, вот и написали обвинительный акт, целую книгу, – измышление прежнего друга и приятеля Майерса, – начинающуюся словами: "We proclaim Mme Blavatsky the grandest, the cleverest, the most consummate impostor of the age!.."[537] И впрямь! Только подумай: я одна приезжаю в Америку, выбираю Оллькота, спиритуалиста, и начинаю работу – *пролог* над ним – и немедленно свожу его с ума. Из ярого поклонника спиритизма он делается теософом. Тогда я, не умея в то время и трех английских слов правильно написать, сажусь и пишу "Изиду"; ее появление производит, с одной стороны, фурор, с другой – скрежет зубовный. Тут я *выдумываю* Махатм – и тотчас десятки людей в них уверывают! Многие *их видят*. Начинается ряд феноменов на глазах сотен людей… Через год Об[шест]во считается тысячами членов. "Хозяин" является Оллькоту, приказывает ему переселиться в Индию. Мы едем и по дороге печем новые ветви, как горячие булки: в Лондоне, в Египте, в Корфу, наконец, у нас, в Индии; Общество разрастается в десятки тысяч, – заметь: *это все мои фокусы*!.. Письма Махатм так и валятся во всех концах света, на всех языках, на санскритском, индостанских наречиях, на древнем телугу (малоизвестном даже

[537] «Мы провозглашаем мадам Блаватскую величайшей, искуснейшей, наиболее совершенной мошенницей века!..» (*англ.*).

в Индии), – *это все я фабрикую*, – пока одна. Но вскоре я ловко из обманутых и водимых мною за нос делаю себе – des compères[538]: я учу их писать мной измышленными почерками подложные письма и производить *фокусы*… Когда я в Мадрасе, феномены, происходящие в Бомбее или Аллахабаде, производят мои confédérés[539]. Кто они эти сообщники? *Не выяснено.* Заметь эту фальшь: перед Оллькотом, Hübbe-Schleiden'ом, Гордонами[540], Синнетами и прочими *своими* людьми – Майерс учтиво извиняется, признавая их лишь *слишком легковерными* моими бедными dupes[541]. Так кто ж обманщики-то *вместе* со мною?? Вот в чем задача, которую мне мои судьи и обвинители никак не могут объяснить, как я им не доказываю, что они должны же существовать, а иначе им грозит неминучая необходимость признать меня окончательно *волшебницей.* Еще бы! В пять лет я сотворяю громадное Об[шест]во из христиан, индусов, буддистов, негде не бывая, болея; сидя сиднем за работой, результаты которой очевидны, я, престарелая русская баба, накидываю сети на тысячи людей, без признаков помешательства верующих в мои феномены, на сотни передовых мыслителей и ученых, которые из материалистов обращаются в духовидцев, – как же не быть мне "величайшей обманщицей и фокусницей"?.. В отчете о моих злодеяниях прямо говорится:

"Не думайте наивные Англо-саксонцы-теософы, что влияние Mme Blavatsky распространяется в Индии только на вас: *it goes far beyond*[542]! Когда она вернулась в Мадрас, около 800 человек, студентов *не* теософов, подали ей сочувственный адрес. Ее влияние громадно! *Нечего не может быть для нее легче, как развивать ненависть к Англии в сердцах индусов* и медленно, но верно *подготовлять почву к русскому нашествию!*"[543] Вот чего перепугались! Вот тебе

---

[538] пособников (*фр.*).

[539] сообщники (*фр.*).

[540] Речь идет о Генри Родесе Гордоне (1822–1909), генерал-майоре англо-индийской армии, и его жене Елене Генриетте, членах Теософского общества.

[541] простофилями (*фр.*).

[542] *это выходит далеко за рамки* (*англ.*).

[543] См.: Отчет ОПИ, с. 314.

и – russian spy[544]!.. Какой там шпион? Целый завоеватель!.. Можешь гордиться такой сестрой… Ну, теперь не мое дело, а всех теософов. Пусть они дерутся за меня, а я сижу себе в Вюрцбурге, жду обещанного приезда Нади и ни с места отсюда. Пишу новую книгу, которая заткнет за пояс двух *Изид*!»[545]

Действительно, для ОПИ было крайне опасно «честно и бесстрашно заявить», что все теософские «феномены не фокусы и не ложь, а результат сил, не известных европейским ученым». Подобное заявление представило бы экспериментальную науку в беспомощном виде, а самих ученых ничего не понимающими в законах природы профанами. Елена Петровна писала в 1887 году:

«Могло ли Лондонское Общество психических исследований высказаться в пользу феноменов, описанных в “Оккультном мире” и не только, не рискуя при этом потерять свое звание “научного”? Как его согласие со всем тем, что было мне приписано феноменалистами, было бы принято учеными, отрицающих одним махом существование разумных сил вне человека? Это был вопрос жизни и смерти, гамлетовское “быть или не быть”. Как только клевета зловредной женщины[546], подталкиваемой местью и нашедшей помощников в черной армии миссионеров, была опубликована в евангельском органе последних[547], Обществу психических исследований или, вернее, его основателю-теософу[548] оставалось лишь выбрать между двумя полюсами дилеммы. Два момента: (а) либо он должен был публично заявить, что обвинения госпожи Куломб были вымыслом, и в этом случае он и его научное общество вынуждены были бы разделить насмешки, направленные против теософов, и потонуть в потоке насмешек, – тогда бы он бы потерял свою касту окончательно, как говорят в Индии,

[544] русский шпион (*англ.*).

[545] *Желиховская В.П.* Радда-Бай – основательница Теософического Общества // Адьярский архив.

[546] Речь идет об Эмме Куломб.

[547] «Christian College Magazine».

[548] Речь идет о Ф.Майерсе.

и навсегда; (б) либо плыть по течению, и для этого, дабы удержаться на плаву, провозгласить, что все феномены, Махатмы и их представители были огромным мошенничеством. Компромисс невозможен: или – или»[549].

Члены ОПИ сделали свой выбор: они использовали клевету Куломбов, чтобы своим отчетом окончательно уничтожить Теософское общество и его основателя.

По поводу утверждения Е.П.Блаватской, что экспертов-графологов «довели» до признания выводов отчета Ходжсона, есть следующие свидетельства:

«Другое обвинение состояло в том, что письма Махатм написала сама Е.П.Б[лаватская]. Два эксперта-графолога, Ф.Недерклифт и Ричард Симс, по просьбе Ходжсона сравнивали письма Е.П.Б[лаватской] с предполагаемыми письмами К[ут] Х[уми]. Эти эксперты "пришли к заключению, – пишет В.Харрисон, – что документы написаны НЕ г[оспо]жой Блаватской... [Но] Ходжсона это не устроило..." Он продолжал настаивать, что в Индии сам исследовал письма К[ут] Х[уми] и убедился, что они, за несколькими исключениями, написаны г[оспо]жой Блаватской. "Вернувшись в Англию, – писал Ходжсон, – я с удивлением обнаружил, что м[исте]р Недерклифт пришел к другому выводу относительно переданных ему писем К[ут] Х[уми]".

"Окончательный отчет, – говорит Харрисон, – придерживали до тех пор, пока не были получены дополнительные образцы, и (цитирую [Ходжсона]) "в итоге м[исте]р Недерклифт пришел к заключению, что все предъявленные ему документы несомненно написаны г[оспо]жой Блаватской". Р.Симс из Британского музея также изменил свое заключение". Харрисон продолжает: "Я считаю эти откровенные и увенчавшиеся успехом попытки Ходжсона повлиять на мнение экспертов в высшей степени недостойными. Ни один английский суд не примет к рассмотрению документ, полученный подобным образом".

[549] *Блаватская Е.П.* Судьи или клеветники? // Le Lotus, 1887, т. I, №4, июнь (см. также: https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html). Перевод с французского М.Р.Смирновой.

Харрисон заново подверг анализу различные почерки, воспроизведя их в своем докладе. Его вывод гласит: “Я не обнаружил явных свидетельств того, что [письма К[ут] Х[уми]] написаны рукой Е.П.Б[лаватской], но нашел веские свидетельства обратного. Я не знаю, кто писал письма Махатм, но я не могу согласиться с тем, что они написаны г[оспо]жой Блаватской – по крайней мере, бóльшая их часть. Таково мое заключение как профессионала”[550].

Два других специалиста-графолога – один в девятнадцатом веке, другой в двадцатом – исследовали почерки Е.П.Б[лаватской] и К[ут] Х[уми]; заключения обоих соответствуют выводам Харрисона. Первый – д-р Эрнст Шуце, графолог при дворе Его Величества Вильгельма I, императора Германии. В 1886 году Густав Гебхард представил на его рассмотрение два письма: одно от Е.П.Б[лаватской], другое от К[ут] Х[уми], полученное им в 1884 году, когда Е.П.Б[лаватская] гостила в его доме. В своем заключении Шуце категоричен: “Если вы полагаете, что оба письма написаны одной и той же рукой, вы совершаете громадную ошибку”. По мнению Шуце, “различие между ними настолько явное, что невозможно прийти к заключению, что они написаны одной и той же рукой”[551].

Вторым специалистом был д-р Пол Керк из отделения криминалистики Калифорнийского университета, один из самых известных экспертов по почеркам в Соединенных Штатах. В 1963 году он исследовал три образца почерков – Е.П.Б[лаватской], К[ут] Х[уми] и Дамодара, которому Ходжсон приписал авторство нескольких писем Махатм (образцы были взяты непосредственно из отчета Ходжсона, имена авторов эксперту не сообщались). В письме от 17 февраля 1964 года Керк сообщил, что представленные ему материалы написаны тремя разными лицами»[552].

---

[550] *Harrison V.* H.P.Blavatsky and the SPR. An Examination of the Hodgson Report of 1885. Pasadena, CA, 1997. P. 15, 31.

[551] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 348–349.

[552] *Крэнстон С.* Е.П.Блаватская: Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. Рига-М., 1999. С. 324–325.

Вс. Соловьев в своей клеветнической книге, цитируя на десятках страниц выдержки из отчета ОПИ, пытался подтвердить свою ложь выводами экспертов Ф.Недерклифта и Р.Симса, которые, как он написал, «пришли к убеждению», что фальшивые «письма Блаватской» (те, которые *смастерили* Куломбы) «несомненно написаны» ею. Поэтому после этих слов он и сделал следующее «торжествующее» примечание:

> «Вот факт, громогласно и *печатно* засвидетельствованный Лондонским обществом для психических исследований. Два лучших эксперта Англии, пользующихся громкой известностью, из которых один – эксперт такого учреждения, как знаменитый Британский музей, признали письма *несомненно* написанными Блаватской»[553].

Елена Петровна возмутилась тем, что Р.Ходжсон не предоставил ей фальшивых писем, «данных ему Куломбшей и миссионерами». На это Соловьев спустя годы придумал совершенно дикую отговорку – если бы эти подделки были переданы Блаватской и ее последователям, то «они не стали бы церемониться: они просто вырвали бы документы из рук следователя и уничтожили бы их». Поэтому Ходжсон «сразу же сообразил это и не только не показал их осужденным, но и не стал даже хранить при себе в Индии: он при первой же возможности послал все эти драгоценные документы в Англию, для представления их экспертам Не[д]ерклифту и Симсу из Британского музея»[554].

Как мы видим, Всеволод Соловьев в умении очернять безвинных людей может считаться «родным братцем» Г.Сиджвика, Ф.Майерса, Р.Ходжсона. Недаром он посвятил свой клеветнический опус «Лондонскому “Обществу для психических исследований”». В ответ ОПИ издало в 1895 году на английском языке книгу «Современная жрица Изиды», которую Сиджвик во вступительном слове назвал «важным дополнением» к отчету Ходжсона[555].

14 января 1886 года Е.П.Блаватская написала «Протест» против недопустимых действий ОПИ:

---

553 *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 109.

554 *Там же.* С. 129.

555 *Solovyoff Vs. S.* A Modern Priestess of Isis. London, 1895.

«Общество психических исследований опубликовало “Отчет”, сделанный для одного из комитетов мистером Ходжсоном, агентом, посланным в Индию, чтобы исследовать природу неких феноменов, как описывалось, имеющих место в Штаб-квартире Теософского общества в Индии и в других местах, с производством некоторых из коих я была прямо или косвенно связана. Этот “Отчет” вменяет мне в вину заговор с Куломбами и несколькими индусами с целью обмануть доверие разных людей, окружающих меня, при помощи мошеннических приспособлений и объявляет подлинной серию писем, которые я якобы написала мадам Куломб в связи с предполагаемым заговором, о каковых письмах я уже объявила, что по большей части они являются подделками. Как ни странно, с того времени, как началось расследование (четырнадцать месяцев назад), и до сего дня, когда меня объявили виновной мои самозваные судьи, мне ни разу не было разрешено увидеть эти инкриминируемые мне письма. Я обращаю на этот факт внимание каждого *достойного* и находящегося в здравом рассудке *англичанина.*

В настоящий момент, не вдаваясь в краткий обзор ошибок, противоречий и хромающей логики этого “Отчета”, я желаю заявить, как можно более публично, мой негодующий и горячий протест против ужасной клеветы, таким образом наведенной на меня комитетом Общества психических исследований по подстрекательству единственного, некомпетентного и несправедливого исследователя, чьи заключения они приняли. Во всем представленном “Отчете” нет ни одного обвинения против меня, которое могло бы выдержать проверку беспристрастным следствием на месте, где мои собственные объяснения могут быть проверены допросом свидетелей. Они образовались в собственном разуме мистера Ходжсона и скрывались от моих друзей и коллег в то время, когда он пребывал в Мадрасе, злоупотребляя гостеприимством и неограниченным содействием его расследованиям, обеспеченными ему в Штаб-квартире общества в Адьяре, где он притворился другом, хотя теперь он выставляет людей, с которыми он тогда общался, обманщиками и лжецами. Эти обвинения,

выдвинутые в настоящее время, поддерживаются односторонними показаниями, собранными им; однако в то время, даже если он и мог столкнуться с противоположными свидетельствами и аргументами, его весьма ограниченное знание предмета, в котором он пытался разобраться, не *дало* ему возможности воспринять их. Мистер Ходжсон, назначив себя, таким образом, прокурором и адвокатом в последней инстанции и обходясь без защиты в сложных делах, которые он расследовал, признает меня виновной во всех преступлениях, которые он вменил мне по праву судьи, и заявляет, что доказал, будто я являюсь архимошенницей.

Комитет ОПИ сразу же принял основное содержание заключения, которое вынес мистер Ходжсон, и публично оскорбил меня, высказавшись в пользу выводов своего агента – мнения, целиком и полностью покоящегося на "Отчете" их единственного делегата.

Как бы ни понимались принципы честности и благородной заботы о репутации оскорбленных персон, думаю, что поведение комитета будет воспринято с чувством, напоминающим то глубокое негодование, которое испытываю я. Усердные, но направленные не по адресу изыскания мистера Ходжсона, его показная точность, которая проявляет бесконечное терпение в рассмотрении мелочей и абсолютно слепа к вещам действительно важным, его противоречивые рассуждения и невероятная некомпетентность в проблемах, которые он обязан разрешать, будут, нисколько не сомневаюсь, должным образом показаны другими авторами. Множество друзей, знающих меня лучше, нежели комитет ОПИ, останутся равнодушными к мнениям этого органа, и в их руки я предаю свою многострадальную репутацию. Но на один пассаж в этом чудовищном "Отчете" я, несомненно, должна ответить сама.

Очень живо осознавая исключительную абсурдность своих заключений относительно меня, поскольку они до сих пор абсолютно не были поддержаны каким-нибудь предположением касательно мотивов того, почему я посвятила всю свою жизнь теософской работе, принеся в жертву обеспеченное мне по праву рождения место в

обществе в моей собственной стране, мистер Ходжсон оказался достаточно низок для того, чтобы состряпать утверждение, будто я – русский политический агент, выдумавший фиктивное религиозное движение с целью подорвать британское правительство в Индии! Воспользовавшись для придания пущего колорита этой гипотезе старым отрывком, написанным мною, очевидно, доставленным ему мадам Куломб, но не зная, что этот отрывок является *фрагментом старого перевода*, сделанного мною для газеты "Pioneer" из [описания] каких-то русских путешествий по Центральной Азии, мистер Ходжсон обнародовал эту теорию на мой счет в "Отчете", который господа из ОПИ не постеснялись опубликовать. Если обратить внимание на то, что я натурализовалась как гражданин Соединенных Штатов почти восемь лет назад, что привело к потере всякого права на ежегодную пенсию в размере 5000 рублей как вдовы высокопоставленного русского чиновника; что я неоднократно поднимала свой голос в Индии в ответ всем моим местным друзьям в том смысле, что, как бы плохо в некоторых отношениях я ни думала об английском правительстве (по причине его бессердечности), русское будет в тысячу раз хуже; что я писала письма на эту тему индийским друзьям до того, как в 1879 году уехала из Америки в Индию; что каждый, знакомый с моими занятиями и привычками и весьма открытой жизнью в Индии, знает, что я не имею вкуса и наклонностей к какой бы то ни было политике, но исключительно не люблю все это; что индийское правительство, которое подозревало меня в шпионаже из-за того, что я русская, когда я впервые приехала в Индию, скоро оставило эту бессмысленную слежку и, насколько я знаю, с тех пор никогда ни малейшим образом не подозревало меня, – то теория о том, будто я являюсь русской шпионкой, которую мистер Ходжсон, таким образом, поднял из той могилы, в которой она была со смехом похоронена много лет назад, только поможет разоблачить его экстравагантные выводы относительно меня как еще более глупые, чем они были бы иначе оценены моими друзьями и всеми, кто меня по-настоящему знает. Однако, взирая на роль шпионки с отвращением,

которое только может испытывать русская, *ею не являющаяся*, я вынуждена решительно отвергнуть беспочвенную и подлую клевету мистера Ходжсона и отнестись со всем заслуженным презрением к его методу ведения этого расследования, равно как и к комитету Общества, которому он служил. Приняв оптом все его грубые ошибки, они показали себя группой людей, менее подходящих к тому, чтобы открывать тайны психических феноменов (на сегодняшний день, после всего, что было написано и опубликовано по этому предмету за последние годы), чем, как я полагала, могут оказаться образованные люди в Англии.

Мистер Ходжсон знает, и комитет, без сомнения, разделяет с ним это знание, что ему нечего бояться от меня судебных преследований за клевету, поскольку у меня нет денег, чтобы вести дорогостоящие разбирательства (я все отдала делу, которому служу), а также поскольку моя защита включала бы исследование психических тайн, с которыми не разберется справедливо ни один суд, и еще потому, что существуют вопросы, на которые я торжественно обещала никогда не отвечать, но которые законное расследование этой клеветы неизбежно передо мною поставит, тогда как мое молчание и отказ отвечать на некоторые расспросы будут неправильно истолкованы как "неуважение к суду". Такое положение вещей объясняет бессовестную атаку, предпринятую по отношению к практически беззащитной женщине, и бездействие перед лицом этого, на которое я так жестоко обречена»[556].

[556] Цит. по: *Безант А.* Е.П.Блаватская и Учителя Мудрости // Махатмы. Легенды и реальность. М. 2001. С. 136–141. «Протест» был впервые напечатан в: *Синнетт А.П.* «Феномены оккультного мира» и Общество психических исследований. Лондон, 1886. С. 49–53.

XII

Во второй половине января 1886 года чета Соловьевых уехала в Париж, и здесь среди теософов господин сочинитель сразу же начал открыто оговаривать Елену Петровну. К.Вахтмейстер писала 11 февраля А.П.Синнетту, что «мадам де М[орсье] заявляет, что у Соловьева полно доказательств и обвинений против мадам [Блаватской]; это может быть и ложью, и правдой»[557]. Без сомнения, это было ложью.

Первым клеветническим делом Соловьева было обвинение теософа Мохини в надуманном совращении в Париже мисс Леонард. Он вменил в вину Е.П.Блаватской сокрытие этого якобы свершившегося факта. Елена Петровна еще в октябре 1885 года описала притязания «англо-французских мессалин[558]» Теософского общества на молодого индуса, предвидя возможность, что одна из них «свалит свои собственные грешки на Мохини и – погубит его репутацию и Общество как таковое»[559]. В это же время Джуал Кхул, по словам К.Вахтмейстер, сообщил о готовящемся заговоре:

> «Мохини должен быть спасен *любой ценой*, напишите это Синнетту; зреет заговор с целью уничтожить Общество и опорочить Мохини. Никаких проволочек, действуйте без промедления, быстро создайте свой Комитет, соберите все возможные свидетельства и выясните все, что сможете, о прошлом мисс Л[еонард]»[560].

Блаватская писала А.П.Синнетту о действиях «исторического» писателя:

> «Соловьев внезапно набросился на меня, словно бешеная собака, – с обвинениями для меня в высшей степени загадочными. Он утверждает, что я произнесла слова, ко-

[557] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 287.

[558] Валерия Мессалина (ок. 17/20–48) – третья жена римского императора Клавдия, имя которой из-за ее распутного поведения стало нарицательным.

[559] См. письмо Е.П.Баватской П.Синнетт от 9 октября 1885 года.

[560] Из письма К.Вахтмейстер А.П.Синнетту, 13 декабря 1885 г., Вюрцбург // The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 265.

торые я сама слышу впервые: “Ah le coquin, c’est la seconde fois qu’il nous joue ce tour la”[561] и т.д., когда я *знаю*, что никогда бы не могла их произнести, что слова эти были бы дьявольской *ложью*, если бы я их сказала, – ибо Мохини, насколько мне известно, *никогда не изменял* своему положению челы с тех пор, как вступил в Общество. Что касается до того, что он делал *раньше*, – это меня мало интересует, да и не мое это дело. Он мог изнасиловать и совратить 20 девственниц от 10 до 80 лет, включая собственную бабушку. В нашем Обществе нет *безупречных*, и если бы мы принимали только таких, оно состояло бы из пустоты, *круглого нуля*, вместо живых членов. То, что я, помнится, сказала Соловьеву – не в *тот день*, когда я вскрыла письмо, но в какое-то другое время, – есть нечто, чего я не смогу повторить несчастному Мохини. Говоря о *пользе*, принесенной миру Обществом во имя Учителей, я рассказала ему о том, каким развратником, сластолюбцем и пьяницей *был отец у Мохини* и как теперь он стал настоящим йогом. Неправильно ли он меня понял или исказил сказанное *сознательно*, сие мне не ведомо, – но если верно последнее, то, соединив это с несколькими грязными сплетнями, рассказанными о Мохини Ходжсоном, он, должно быть, собрал все в кучу и преподнес это в качестве свидетельства против Мохини, дабы угодить мадам де Морсье[562]. Как бы мне хотелось, чтобы Парижское Общество и половина немецкого были *сокрушены*. И если все будет продолжаться в том же духе – я разнесу их сама, как *указано*. Соловьев набросился на меня из-за своей *неудачи*[563] в том, о чем вы знаете (о чем я вам говорила)»[564].

---

[561] «Ах, шельма, уже второй раз он пускается в эти подвиги» (*фр.*).

[562] Е.П.Блаватская дала характеристику Э.Морсье в письме к К.Лемэтр от 12 декабря 1888 года: «Надвигается повторение истории с г[оспо]жой де Морсье, которая сначала целует мне руки и подол моего платья, да так, что мне аж тошно становится, а затем начинает меня ненавидеть под совместным руководством г[оспо]жи Леонар[д] и г[осподи]на Соловьева и принимается обеими руками забрасывать меня комьями грязи!» (*Блаватская Е.П.* Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 431).

[563] Отказ Е.П.Блаватской взять Вс. Соловьева в ученики и найти ему деньги для издания журнала.

[564] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 175.

Сам же Соловьев накануне, осенью 1885 года, как мы помним, утверждал, что именно мисс Леонард «желала соблазнить челу, который, однако, оказался на высоте своего звания и призвания» и «репутация Могини не пострадала нисколько»[565]. Но через полгода господин сочинитель нагло врал, заявляя, что «факт их связи доказан и не подлежит никакому сомнению» и мисс Леонард беременна от Мохини[566]. Эти слова В.П.Желиховская язвительно прокомментировала в 1893 году:

> «Это показание оказалось ложью, – если не предположить, что она и поныне, *восемь лет*, беременна!»[567]

Блаватская знала, что мисс Леонард «инсценировала беременность, чтобы погубить Мохини»[568].

Вс. Соловьев так уверовал в собственную ложь, что призвал Елену Петровну признать «бесчестный поступок» Мохини и его «вину» и в письменном виде извиниться перед мисс Леонард[569].

В письме от 1 февраля К.Вахтмейстер сообщила А.П.Синнетту:

> «Прилагаю вам письмо от мадам Желиховской, не слишком утешительное, как вы сами увидите. Соловьев рассказал ей, что вышел из Общества, поскольку оно антихристианское[570]. Поэтому мадам Ж[елиховская] пишет мадам Б[лаватской], что нет ничего удивительного в том, что ее терзают, это всё дьявол; она умоляет ее бросить Т[еософское] о[бщество] и говорит, что она будет иметь

---

[565] См. письмо Вс. С.Соловьева Е.П.Блаватской от 1 октября 1885 года.

[566] Письмо Вс. С.Соловьева Е.П.Блаватской, февраль 1886 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 89. Л. 24об.–25.

[567] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 132.

[568] Из письма Е.П.Блаватской Ф.Арундейл, 22 апреля 1886 г., Вюрцбург // Адьярский архив. Перевод с английского Н.А.Шнайдер.

[569] Письмо Вс. С.Соловьева Е.П.Блаватской, февраль 1886 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 89. Л. 25–25об.

[570] «Я получила письмо из России, из Москвы, с предложением, что если я оставлю *антихристово* (!!) Т[еософское] О[бщество], то буду иметь тысячу рублей *золотом* (5000 франков) ежемесячно плюс контракт на несколько лет с условием писать исключительно для двух газет. Ну, дай им Бог» (The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 173).

прекрасный доход, если будет писать статьи только для России»[571].

Вера Петровна под влиянием наговоров Соловьева написала «страшное письмо» Блаватской, называя ее «*изменницей*, "кощунствующим Юлианом Отступником[572]" и "Иудой" по отношению к Христу»[573]. Елена Петровна сообщила Синнетту об отношении в это время семьи Желиховских к ней:

> «…Благодаря сплетням все того же Соловьева, ее дочери (мои племянницы) злы на меня за некоторые замечания, сделанные мною по поводу их *désinvolture*[574], а моя сестра – послушное орудие и жертва своих дочерей»[575].

В.П.Желиховская в своей книге в защиту Е.П.Блаватской цитирует и пересказывает письмо сестры к ней от 2 февраля 1886 года, в котором Вс. Соловьев прямо назван источником многих сплетен и клевет:

> «"Удивительный ты субъект, Вера Петровна! *Ну за что* я стану отвечать "бранью"?.. За то, что ты, по своему внутреннему разумению и совести, говоришь мне, что думаешь?.. Это-то, именно, уж было бы не по-теософски с моей стороны. А вот что я отвечу и должна отвечать *"бранью"* по адресу тех, кто тебе лжет, восстановляя тебя против меня и тех, которые ни в чем не провинились и любят тебя больше, чем ты это думаешь, – так это *моя прямая обязанность*[576]...

---

[571] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 284.

[572] Юлиан Отступник (331–363) – римский император с 361 года, противник христианства.

[573] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 172.

[574] *развязности* (*фр.*).

[575] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 149.

[576] Это в ответ на мои вопросы сестре: неужели одно нам очень близкое лицо* рассказывало обо мне те «ужасы и клеветы», о которых мне *проговорился* г[осподин] Соловьев... Но так как это дело, прямо сестры не касающееся, то дальнейшее о нем я буду пропускать. – *Примечание В.П.Желиховской.*

* Речь идет о Н.А.Фадеевой.

В твоем коротеньком письме так и просвечивает тот новый *неказистый* свет, в котором тебе представлены теперь и теософия, и я, и Могини, и даже некоторые добрые христиане... Ну так послушай же и мою песенку – и не бери на душу греха – осуждать людей по наговорам, их не расследовав…"

Затем долгое описание скандала с мисс Л[еонард] и Могини с указанием **настоящего источника этих сплетен** и главного *"раздувателя"* их. Но последнему указанию сестры никто из нас не поверил. По-нашему – m-me де Морсье и все на свете могли быть виновны, – но **уж никак не Всеволод Сергеич**!.. Продолжаю выписки из письма сестры.

"…Далее. Ты пишешь, что 1) Общество распадается; 2) что оно идет против христианства; 3) что Соловьев оставляет Общество, потому что убедился в его противу-христианстве. – ***Три лжи!..*** Никогда Общество не стояло так крепко, как теперь (подробности)... Это кто же тебе говорил о распадении Теософического Общества?.. Неужели Соловьев?!. А ему, верно, де Морсье описала?.. Общество идет против христианства? Оно так идет против него, что в него вступают члены англиканской церкви, либералы, но христиане горячие; лэди Кэтнесс пишет книгу: *"Christian Theosophy"*[577]; m-r Bannon – другую: *"Christ in Theosophy"*[578] и т.д. А что Всев[олод] Сергеич расстался с Обществом потому, что *нашел его не христианским*, – так я тебе скажу, что *эту находку* он, вероятно, сделал *у тебя* в гостиной... Что-то здесь (в Вюрцбурге) ни я и никто от него *не слыхали ничего подобного*. А когда бы это было, то *непременно услышали бы*... **Ему бы уж не промолчать**, кабы он так думал *здесь*..."

(Прошу тут заметить, как я попалась между двух огней и получила на чужом пиру – похмелье!.. Прошу также заметить дальнейшие показания Е.П.Блаватской – насчет прощаний в Вюрцбурге – и принять во внимание, что лгать сестра моя не могла, если б и хотела, ибо этим фактам были другие свидетели, единодушно мне подтвердившие то, что она писала)…

[577] *«Христианская теософия»* (*англ.*).

[578] *«Христос в теософии»* (*англ.*).

"*Прощались мы с ним как родные*, чуть не с горькими слезами... Ни слова, кроме клятв заступаться за меня в России (sic!), во всем помогать, – я не слыхала. А теперь вдруг взял да и замолчал! Ни с того, ни с сего на него *уж в Питере* нашла полоса... Ты не знаешь в невинности души своей, а я знаю: просто перепугался он брани Психического Общества!.. Вишь ты, о Gentilhomme de la Chambre[579], отозвалось оно, что он или лгал, или галлюцинациями страдает... А вот прочти прилагаемое письмо его ко мне, только что написанное пред отъездом его из Парижа: "Я уверен, что сбудется! *Не играли же вы мной, как пешкой*"[580], – пишет... Он, видно, просто разозлился, что ожидаемое им еще не случилось, вот и нашел предлог: "противу-христианство"!.. Эх, Вера, Вера! Умный ты человек, а позволяешь себя морочить... Грех Всеволоду Сергеичу! Двойной грех: и за клевету, и за то, что *не ему* бросать камень в Могини, если б что и было!.. Куда пропали все его благие намерения, как только не так скоро свершается *то, чего он непременно ожидал* через два-три месяца... Самое письмо его докажет тебе, что не потому он взъелся на меня, что Общество мое "противу-христианское"!.. Вглядись *поглубже*... Что же касается моего противу-христианства – ты его знаешь. Я враг католических и протестантских церковных излишеств; идеал же Христа распятого светлеет для меня с каждым днем яснее и чище, а против православной христианской церкви – пусть повесят меня – не пойду! Так мне Россия дорога, так наболело у меня сердце за родину, за все свое, что душу бы отдала в кабалу на десять тысяч лет за нее. Но лицемерить – не хочу. Вот тебе вся истина – все, что на душе накипело и наболело. А уж исстрадалась я и намучилась за эти десять лет!.. Искупила прошлые грехи добром, насколько умела, – надеюсь, что предстану с чистым листом, если приняты будут в расчет мои муки; но... грешный человек – хотелось бы, чтоб и здесь осудили не без апелляции!.. Не хотелось бы умирать, оставляя грязью забрызганное имя"»[581].

---

[579] камер-юнкер (*фр.*).

[580] См. письмо Вс. С.Соловьева Е.П.Блаватской от 8 октября 1885 года.

[581] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 120–124.

Елена Петровна просила Синнетта обратиться к сестре, чтобы та дала ответ на инсинуации «омерзительного памфлета Ходжсона»:

«…Вы напишите моей сестре длинное письмо на английском (она изъясняется на нем лучше меня), описав ей этот в высшей степени омерзительный памфлет Ходжсона и растолковав ей, как это важно и необходимо, чтобы высказалась *защита*. Не забудьте, что вы должны (*если* действительно будете писать) рассказать ей, что Ходжсон совершенно отрицает наличие у меня каких-либо сил и что за моим гнусным 10-летним блефом и обманом он видит лишь политические мотивы, считая меня *русской шпионкой*. Если вы напишете ей, она сможет сообщить вам гораздо больше, чем моя бедная тетя[582], которая ненавидит писанину и которую уже тошнит от всего этого. А моя сестра очень воинственна и бесстрашна. Если вы объясните ей, что Ходжсон стремится опорочить мою честь и репутацию и т.д. в том же духе, – она сможет найти для вас целую армию очевидцев из благороднейших семей в Петербурге и Пскове, которые засвидетельствуют феномены, виденные ими лично между 1860 и 1862 годами. Это было бы уже кое-что. Спросите ее, что она знает или слышала о проявлении моих сил, когда я была в Имеретии и Мингрелии, в девственных лесах Абхазии и на побережье Черного моря, – не стекались ли отовсюду люди, независимые князья и архиепископы, всевозможная знать, чтобы просить меня исцелить и защитить их, сделать то или другое. Только вам следует прямо сказать ей, что вы из Л[ондонской] Л[ожи] английских теософов, дружественны ко мне и намереваетесь защищать меня и что она должна помочь вам, поделившись материалами в защиту против врагов. Уверяю вас, *она это может*. Она очень самоуверенна и самодовольна, полная противоположность мне, что может подтвердить вам Мохини. Однако она очень горда, и если только вы опишите ей, в каком ужасном положении я оказалась, и взовете к ее фамильной гордости и чести, она

[582] Н.А.Фадеева.

сделает всё. В других отношениях они (в России) сейчас так же ожесточены против вас, англичан, как и вы против них»[583].

В.П.Желиховская ничего не сделала. Она только написала в письме к К.Вахтмейстер от 15/27 января 1886 года, что обвинение сестры в шпионаже в пользу России – «отвратительная клевета» и «грубый обман и вздор»[584].

Об угрозах Соловьева в связи с «делом Мохини-Леонард» Блаватская сообщила в письме Синнетту в первой половине февраля 1886 года, из которого аллегория с кабаном также излагается (в расширенном виде) в ее послании под названием «Моя исповедь»:

«Мой дорогой мистер Синнетт,

Поскольку теперь вы являетесь практически единственным известным мне человеком, который не способен нарушить тайну частного письма пересылкой его врагу, даже ради спасения собственной жизни, – пишу, чтобы сообщить вам две вещи.

(1) Мохини переслал мое частное письмо к нему мадам де Морсье; то самое, которое я написала ему на прошлой неделе с только что дошедшими до меня новостями о том, что Соловьев выступил против меня в деле Мохини и мисс Л[еонард] в качестве свидетеля с заявлением, что о его предполагаемом преступлении (ибо э*то преступление, если* оно имело место) я, дескать, знала с самого начала и пыталась *сокрыть его*, то есть сыграть гнусную роль ханжи, обманщицы и *елейного лицемера.* Мадам де М[орсье] тотчас показала мое письмо Соловьеву. Результат: громоподобное, *угрожающее, омерзительное письмо* от Соловьева, в котором все громы и молнии, индивидуальные и коллективные (*со всей России*), собраны вместе и брошены в меня. С сегодняшнего дня я больше не буду писать Мохини, равно как и кому-либо еще.

---

[583] Из письма Е.П.Блаватской А.П.Синетту, январь 1886 г., Вюрцбург // The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 155–156.

[584] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 275.

(2) Вам лучше отказаться от *Мемуаров* "Мадам Блаватской"[585]. Если они выйдут *сейчас*, вы восстановите всю Россию – моих родственников и общественность – против себя и *меня*. Вас это не волнует, *меня волнует*. Соловьев к тому же грозится мне тем, что господин Блаватский[586] *не покойник*, а "очаровательный старец", который решил скрыться на долгие годы в имении своего брата – со времени ложной новости о его кончине. Воображаю, что будет, если вы опубликуете *Мемуары* и если он и в самом деле жив, а я – не *вдова*!! **Живописная картина**, и вы лишитесь своей репутации вместе со мной. Пожалуйста, *пока отложите книгу*, по крайней мере ее публикацию.

Я все еще не решила, как поступлю. Но я сделаю то, что сочту нужным. Расскажите, пожалуйста, Мохини ту часть, которая касается его, но *остальное оставьте при себе. Я вверяю это вашей чести.*

Вы никогда не представляли себе невинного, безобидного *кабана*, который молит только о том, чтобы его оставили тихо жить в его лесу; который никогда не причинял никакому человеку вреда и на которого спускают свору охотничьих собак, чтобы выгнать его из этого леса и разорвать на куски? В течение некоторого времени, конечно, *пока у него есть силы* и т.п., у него есть надежда уберечь свой лес от осквернения и спасти себя как его стража. Но когда к этим лающим, воющим, свирепым псам присоединяются животные, *доселе дружественные* кабану, и начинают преследовать его, домогаясь его крови, тогда кабан останавливается как вкопанный и смело встречает лицом к лицу своих врагов, бывших друзей и т.п. И горе последним. Кабан, *конечно*, будет убит, подавленный числом нападающих, но *сотни* собак будут выпотрошены и убиты в этой последней и решительной схватке. Я нарисовала вам

[585] Речь идет о книге А.П.Синнетта «Случаи из жизни мадам Блаватской, составленные из сообщений ее родственников и друзей» («Incidents in the life of Madame Blavatsky, Compiled from Information Supplied by Her Relatives and Friends»), которая была издана во второй половине 1886 года.

[586] Блаватский Никифор Васильевич (ок. 1807–?) – муж Е.П.Блаватской, статский советник (1856), Эриванский вице-губернатор (1849–1860), чиновник, причисленный к Главному управлению наместника Кавказского (1860–1864), в отставке с 1864 года.

аллегорию, точно отражающую жизнь. Понимайте ее, как хотите.

Я узнала, что Ходжсон выступает в качестве свидетеля мадемуазель Л[еонард] против Мохини, намереваясь объявить, что у него (Мохини) уже дескать было подобное совращение и любовная история в Индии. Господин С[оловьев], вероятно, сложил мое восклицание при чтении того первого письма Мохини – "второй раз подобная вещь (совращение челы) случается в Обществе" – со свидетельством Ходжсона и сплетнями о Мохини (которые, по его словам, известны всему Парижу и Лондону) и состряпал из этого свое: "Le coquin! c'est la seconde fois qu'il nous joue ce tour la. Il faut *l'etouffer* cette affaire!"[587] Ловко! Он грозится, что если я впутаю его имя в этот грязный скандал, то все мои дьяволы (он имеет в виду **Учителей**) не спасут меня от полного краха. Он напоминает мне о бароне Мейендорфе[588], о Блаватском и о репутации, которую сделали мне *друзья* в России и других местах. *Лес окружен*, и кабан готов остановиться и встретить врага лицом к лицу.

Е.П.Б[лаватская]. <…>

P.S. Относительно *Мемуаров*. Возможно, то, что сказал мне Соловьев о старике Блаватском, "которого вы (то есть я) преждевременно похоронили", просто его злобная выдумка (в расчете на то, что эта новость меня ошеломит); а возможно и нет. Я никогда не получала официального извещения о его смерти, только то, что я узнала через свою тетушку в Нью-Йорке и опять же здесь. "Его имение разрушено", он "сам исчез много лет назад", а потом пришла новость, что "он умер". Я никогда не обременяла свою голову мыслями о старике: для меня он никогда ничего не значил, даже как *законный*, хотя и ненавистный муж. Тем не менее, если это окажется правдой (его отец умер в возрасте 108 лет, а моя собственная бабушка примерно в 112),

---

[587] «Шельма! уже второй раз он пускается в эти подвиги. Нужно *замять* это дело!» (*фр.*).

[588] Мейендорф Николай Егорович (1835–1906) – генерал-майор (1874), генерал-лейтенант (1887), генерал от кавалерии (1902), участник Крымской и Русско-турецкой войн.

а мы все время говорили о нем, как если бы он пребывал в Дэвачане или Авитчи[589], – неприятностей будет предостаточно. Если вы считаете, что *Мемуары* принесут пользу, что ж, действуйте, только на свою ответственность и под своим собственным именем, и публикуйте только *то*, что напечатано в русских изданиях. Ни на мою тетушку, ни на сестру не полагайтесь. Они и слушать не хотят о дальнейших "*осквернениях* семейных тайн", как они это называют. Моя тетушка, возможно, и могла бы прислать две-три вещицы. Моя сестра просто ослеплена Соловьевым, который настроил ее против меня, Общества и несчастного Мохини, и теперь она пишет мне письма в стиле мадам де Ментенон[590] – полные фанатизма и столь же холодные и высокомерные, как лед на Монблане. Ну да Бог с нею»[591].

[589] «Девакхан (*санскр.*). "Обитель богов". Промежуточное состояние между двумя земными жизнями, в которое входит Эго (Атма-Буддхи-Манас, или Троица, преобразованная в Одно) после своего отделения от камарупы и разложения низших принципов на земле» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 152).

«Авичи (*санскр.*). Состояние: необязательно посмертное или между двумя рождениями, ибо оно может иметь место также и на земле. Буквально, "непрерывный ад"» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 22).

[590] Д'Обинье Франсуаза (маркиза де Ментенон, 1635–1719) – воспитательница детей Людовика XIV, затем официальная фаворитка короля и его морганатическая жена. Известна также как основательница первой в Европе женской школы светского характера.

[591] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 179–181.

XIII

В это же время Блаватская, возмущенная клеветой Соловьева, послала ему письмо, озаглавленное «Моя исповедь»:

«**Я решилась.** Представлялась ли когда вашему писательскому воображению следующая картина: живет в лесу кабан – невзрачное, но и никому не вредящее животное, пока его оставляют в покое в его лесу с дружелюбными ему другими зверями. Кабан этот никогда отродясь никому не делал зла, а только хрюкал себе, поедая собственные, ему принадлежащие корни в оберегаемом им лесу. Напускают на него, ни с того ни с сего, стаю свирепых собак; выгоняют из леса, угрожают поджечь родной лес и оставить самого скитальцем, без крова, которого всякий может убить. От этих собак он пока, хотя и не трус по природе, убегает, старается избежать их *ради леса*, чтобы его не выжгли. Но вдруг один за другим присоединяются к собакам дотоле дружелюбные ему звери; и они начинают гнаться за ним, аукать, стараясь укусить и поймать, чтобы совсем доконать. Выбившись из сил, кабан, видя, что его лес уже подожгли и не спастись ни ему самому – ни чаще, – что остается кабану делать? А вот что: остановиться, повернуться лицом к бешеной стае собак и зверей и показать себя **всего**, как он есть, т.е. *лицом товар*, а затем напасть в свою очередь на врагов и убить стольких из них, насколько сил хватит, пока не упадет он мертвый и тогда уже *действительно* бессильный.

Поверьте мне, *я погибла потому, что решила саму себя погубить* – или же произвести реакцию, сказав всю божескую о себе правду, *но не щадя и врагов*. И на это я твердо решилась и с сего дня начинаю приготовляться, чтобы быть готовою. Я не бегу более. Вместе с этим письмом или несколькими часами позднее я буду сама в Париже, а затем в Лондоне. Готов один человек француз – да еще известный журналист – с радостью приняться за работу и написать под мою диктовку краткое, но сильное, а главное – правдивое описание моей жизни. Я даже *не буду защищаться*, ни оправдываться. Я просто скажу в этой книге:

в 1848 г. я, ненавидя мужа, Н.В.Блаватского (может быть и несправедливо, но уж такая натура моя была, Богом дарованная), уехала от него[592], бросила – *девственницей* (приведу документы и письмо, доказывающие это, да и сам он не такой свинья, чтобы отказаться от этого). Любила я одного человека крепко, – но еще более любила тайные науки, веря в колдовство, чары и т.п. Странствовала я с ним там и сям, и в Азии, и в Америке, и по Европе. Встретилась я с таким-то (хоть *колдуном* зовите, ему-то что). В 1858 году была в Лондоне и такая-то и такая история произошла с ребенком – не моим (последуют свидетельства медицинские, хоть парижского факультета и других, для того и еду в Париж). Говорили про меня то-то и то-то; что я и развратничала, и бесновалась, и т.д. Все расскажу, как следует все, что ни делала двадцать лет и более, смеясь над quen diza-ton[593], заметая следы *того*, чем *действительно* занималась, т.е. sciences occultes[594], ради родных и семейства, которые тогда прокляли бы меня. Расскажу, как я с восемнадцати лет старалась заставить людей говорить о себе, что у меня и тот любовником состоит, и другой, и *сотни* их, – расскажу даже то, о чем никогда людям и не снилось, – *и докажу*. Затем оповедаю свет, как вдруг у меня глаза открылись на весь ужас моего *нравственного самоубийства*; как послана я была в Америку – пробовать свои психологические способности. Как создала я общество там да стала грехи замаливать, стараясь и людей улучшать, и жертвуя собою для их возрождения. *Поименую всех* вернувшихся на путь истинный теософов – пьяниц, развратников, которые сделались чуть ли не святыми, особенно в Индии, и тех, которые, поступив теософами, продолжали прежнюю жизнь, как будто и дело делали (а их много), да еще *первые накинулись* на меня, присоединясь к стае гнавшихся за мною собак. Опишу много русских вельмож и не вельмож, С[мирно]ву, между прочим, ее диффамацию и как это вышло враньем и клеветой. Не пощажу я себя – клянусь, не

[592] Е.П.Блаватская вышла замуж в 1849 году, а в следующем году уехала за границу.

[593] тем, о чем будут говорить (*фр.*).

[594] оккультными науками (*фр.*).

пощажу, *сама зажгу* с четырех концов лес родной – Общество сиречь[595] – и погибну, но погибну в *огромной компании*. Даст Бог, помру, подохну тотчас по публикации; а нет, не допустит "хозяин", – так мне-то чего бояться? Разве я преступница против законов? Разве я убивала кого, грабила, чернила? Я – американская гражданка, и в Россию мне не ехать. От Блаватского, коли и жив, – чего мне бояться; мы с ним тридцать восемь лет как расстались, пожили затем три с половиною дня в 1863 г. в Тифлисе, да и опять расстались. Ме[йендо]рф? Плевать мне на него, эгоиста и лицемера. Он меня выдал, погубил, рассказав *вранье* медиуму Юму, – который позорит меня уже десять лет, – ну тем хуже для него. Вы поймите – ради Общества я дорожила своей репутацией эти десять лет, *дрожала*, как бы слухи, основанные *по моим же стараниям* (великолепный казус для *психологов*, для Richet с К°) и преувеличенные во сто раз, не бросили бы бесчестия на Общество, замарав меня. Я готова была на коленях молиться за тех, которые помогали мне бросить завесу на мое прошлое, – отдать жизнь и все силы тем, кто помогал мне. Но теперь? Неужели вы, или медиум Юм, или Ме[йендо]рф, или кто-либо в мире устрашит меня угрозами, когда я сама решилась на полную исповедь? Смешно. Я мучилась и убивалась из страха и боязни, что повредю Обществу, убью его. Но теперь я более не мучусь. Я все обсудила холодно и здраво, я все рискнула на одну карту – **все**, – вырываю орудие из рук врагов и пишу книгу, которая прогремит на всю Европу и Азию, даст огромные деньги, которые достанутся сироте-племяннице – девочке невинной – сироте брата[596]. Если бы даже все гадости, все сплетни и выдумки против меня оказались святой истиной, то все же я не хуже была бы, чем сотни княгинь, графинь, придворных дам и принцесс, самой королевы Изабеллы[597], – отдающихся и даже *прода-*

[595] то есть (*устар.*).

[596] Ган Леонид Петрович (1840–1885) – брат Е.П.Блаватской, мировой судья 2-го участка Ставропольского уезда (1869–1876), присяжный поверенный округа Тифлисской судебной палаты в Ставрополе (1881–1883), присяжный поверенный Тифлисского окружного судьи (1884–1885).

[597] Изабелла Баварская (ок. 1370–1435) – королева Франции, жена Карла VI Безумного.

ющихся – от придворных кавалеров *до кучеров и кельнеров включительно* – всему мужскому роду, – что про меня могут сказать хуже этого? – *А это я сама все скажу и подпишу.*

Нет! Спасут меня черти в этот последний великий час! Вы не рассчитывали на холодную решимость *отчаяния*, которое *было* да *прошло*. Вам-то уж я никогда и никакого вреда не делала, и не снилось мне. Пропадать, так пропадать вместе всем. Я даже пойду на ложь – на величайшую ложь, которой оттого и поверят всего легче. Я скажу и опубликую в *Times* и всех газетах, что "хозяин" и махатма "К.Н." – плод моего воображения, что я их *выдумала*[598], что феномены все были более или менее *спиритические* явления – и за меня станут горою двадцать миллионов *спиритов*. Скажу, что в отборных случаях я *дурачила* людей, выставлю дюжины **дураками**, *des hallucines*[599], – скажу, что делала опыты для собственного удовольствия и эксперимента ради. И до этого довели меня – **вы**. Вы явились последней соломинкой, сломившей спину верблюда под его невыносимо тяжелым вьюком…

Теперь можете и не скрывать ничего. Повторяйте всему Парижу все то, что когда слыхали или знаете обо мне. Я уже написала письмо Синнету, *запрещая ему* публиковать мои *мемуары* по-своему. Я-де сама опубликую их со всей правдой. Вот так будет "**правда** о Е.П.Блаватской", в которой и психология, и безнравственность, *своя* и *чу-*

---

[598] Об этом Е.П.Блаватская писала также А.П.Синнетту в начале февраля 1886 года: «Я знаю одно: если бы дело дошло до *худшего* и честность Учителя и само Его понятие о чести оказались бы под угрозой осуждения, я бы пошла на *отчаянный шаг*. Я бы во всеуслышание объявила, что я одна – лгунья, фальсификатор, в общем все то, кем Ходжсон хочет меня представить, что я действительно **выдумала** Учителей; и таким образом с помощью этого "мифа" о Махатмах К.Х. и М. я оградила бы настоящих К.Х. и М. от позора. Что спасло ситуацию в *Отчете*, так это то, что само существование Учителей в нем *напрочь отрицается*. Если бы Ходжсон только попытался выдвинуть лживую идею, будто *Они сами* поддерживают, или поощряют, или хотя бы просто одобряют обман *Своим* молчанием, – я бы тут же выступила и перед всем миром объявила себя всем тем, что обо мне наговорили, а потом *исчезла бы навеки*. В этом я клянусь **"благословением или проклятием Учителей"** – я отдам тысячу жизней за Их честь в людских глазах. Я не желаю видеть **Их** осквернеными» (The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 171).

[599] *подверженными галлюцинациям* (*фр.*).

жая, и Рим, и политика, и вся грязь, опять-таки и *своя* и *чужая*, – явятся на божий свет. Ничего не скрою. Это будет сатурналия человеческой нравственной порочности – моя *исповедь*, достойный эпилог моей бурной жизни… Да, это будет сокровищем для науки, как и для скандала, и все это я, **я**… Я являюсь **истиной**, которая сломит многих и прогремит на весь свет. Пусть снаряжают новое следствие господа психисты и кто хочет. Могини и все другие, даже *Индия*, – умерли для меня! Я жажду одного: чтобы свет узнал всю истину, всю *правду* и поучился. А затем *смерть* – милее всего. Е.Блаватская.

Можете напечатать это письмо, коли желаете, даже в России – теперь все равно»[600].

Это послание испугало Вс. Соловьева. Но он также использовал его для новой клеветы. Ответ господина сочинителя пропитан черной ненавистью и самым беспардонным враньем и разительно отличается от прежних писем к Е.П.Блаватской. Приведем его полностью.

«Елена Петровна, Вы слишком умная женщина, чтобы долго предаваться ярому безумию, в котором Вы написали Ваше вчерашнее письмо, озаглавленное “Исповедь”. Если б я действительно был *Ваш личный враг*, то теперь с торжеством ожидал бы Вашего явления в Париже и Лондоне и хладнокровно присутствовал бы при Вашей погибели, которая мне-то уж повредить не может никоим образом, *ибо во все время моего знакомства с вами я поступал сознательно*[601]. Каждый мой шаг относительно Вас, каждое мое слово, *сказанное* Вам мною или *написанное*, прямо указывает на мою цель, в к[ото]рой для меня как для русского человека и христианина нет бесчестья! Цели этой, как Вам известно, я достиг (недаром сидел в вонючем Вюрцбурге 6 недель!). Неужели Вы в самом деле думаете, что меня можно застращать нахальной клеветою и ложью и что у меня

[600] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 230–234.

[601] Браво! Сам сознается в собственном лицемерии и подлости. – *Примечание В.П.Желиховской.*

не подготовлено для Вас на всякий случай (ибо я всегда всего ждал от Вас) изрядное количество всяких сюрпризов. Это вот Вы только сами себе злейший враг и не знаете, что́ делаете и к чему стремитесь, – я же отлично знаю, что делаю и что́ будет, хоть меня и не наущают Ваши Махатмы. Ведь у меня голова холодная, как Вы сами сказали; ну, а у Вас горяча до непостижимости и, когда горит, Вы ровно ничего не видите.

Скандала Вам угодно! (Мало их у вас было!). Ну что же, – пожалуйте, милости просим!

А за сим к делу. В истории Могини с мисс Леонард (которая от него беременна) я не принимал *никакого* участия (это не по моей части). Я был все время в России (*один*, ибо Над[ежда] Андр[еевна], конечно, написала Вам чистейший вздор, как и все истории, которые *она* про меня распространяет в Одессе). Я знаю эту историю по письмам Mme де М[орсье]. Затем мисс Л[еонард] обратилась к моей *чести*, прося сказать правду о распечатании ее письма Вами. Я должен был сказать правду и сказал, и уж конечно ничего не перепутал[602]. – Факт их связи доказан и не подлежит никакому сомнению. Все документы в руках адвокатов. От Вас желают только одного: чтобы Вы написали этой мисс: "Будучи уверенной в честности Могини и не имея в руках никаких доказательств противного, я дурно о Вас отзывалась. *Если* Могини обманул меня и поступил бесчестно – прошу Вас извинить меня и, в таком случае, конечно, я считаю своим прямым долгом взять назад все свои против Вас обвинения". – Вот и все. В этом нет ровно ничего для Вас унизительного; *напротив*, написать такое письмо – это достойно, это прямой долг, если Вы себя уважаете. Напишете – и скандал избегнут, и Вы мирно возвращаетесь к Вашим литературным трудам, которым я, ей Богу, искренно желаю всякого успеха, пока они не сходят с литературной почвы.

[602] «Очевидцы сцены прочтения письма рассказывают ее совсем иначе: письмо не было распечатано Блаватской, говорят они, а пришло в разорванном, истерзанном виде с вывалившейся из него фотографической карточкой мисс Л[еонард]. И никогда Блаватская не бранила и не осуждала Могини в таких выражениях, какие описывает Соловьев» (*Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 133).

Больше мне нечего сказать Вам. Я Вам вовсе, вовсе не враг, я желаю вам всего лучшего, а главное спокойствия, вдали от всех этих треволнений. Если же Вы уподобляете себя кабану и желаете кусаться – пожалуйте! капканы готовы. Извините, этот тон – он Ваш, а не мой.

Вс. Соловьев»[603].

Елена Петровна написала «верному другу» еще одно письмо, давая ему последний шанс образумиться – не очернять ее как ОПИ и не предавать как Э.Морсье и готовая «забыть все и любить его по-прежнему»:

«*Велики грехи мои прошлые*, да не *против* вас, не *вам* карать меня, перед которым я виновата как Христос перед жидами... Зла-то я вам никогда не сделаю, а может еще и пригожусь... "Он [Баваджи] послушный и умный мальчик. Он послушное орудие в моих руках. Je l'ai psychologisé[604]", – говорили вы m-me de Morsier. Посмотрите вы только, что сделал сей "послушный ребенок". Да он бросил меня при первом выстреле Психического Общества. Он ругает меня хуже вас у Гебгардов. Он говорит que j'ai commis un sacrilège, deshonoré le nom des Maîtres, que j'ai avili la science sacrée en la donnant au européens[605]. Он идет против вас, Синнетта, меня, всех, и черт их знает, что они сделают вдвоем[606] в Лондоне – теперь, когда он едет, а может и поехал туда! Он самый *опасный* враг, потому что он фанатик и способен взбунтовать всю Индию против меня...

Что я **вам** сделала? Что вам сказали, что вы узнали – не делайте как Психологическое Общество или m-me de

---

[603] Письмо Вс. С.Соловьева Е.П.Блаватской, февраль 1886 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 89. Л. 24–25об.

На этом письме В.П.Желиховская сделала приписку: «Видно плохи были капканы, подстроенные этим бывшим "до гроба преданным другом"! Сестра после этого не раз бывала в Париже, а в Лондоне жила последние годы жизни, преуспевая в устройстве и распространении сотворенного ею Теос[офического] Об[шест]ва, и кроме величайших почета, любви и поклонения ничего не видала. Это явствует из отчетов всех 20 Теософических журналов Европы, Америки и Индии».

[604] Я на него воздействовала психологически (*фр.*).

[605] что я совершила святотатство, обесчестила имя Учителей, что я обесценила священную науку, передав ее европейцам (*фр.*).

[606] Баваджи и Мохини.

Morsier, которая вообразила себе, что я все знаю, все *должна знать* – и поэтому предала меня... **Берегитесь**. Вы окружены *таким кольцом*, что вся ваша холодная голова вам не поможет. Одного прошу, чтобы вы загадку эту мне разгадали – что *вы* можете иметь против меня... Я вас, что ли, желала кусать, вам желаю зла?.. Если я писала вам, что я в отчаянии, то писала только то, что чувствую. Ваша дружба была мне дорога, а не ваше присутствие или членство в обществе. Я писала, что сама первая опрокину все континентальные общества – парижское и немецкое, где (кроме Гебгардов да бедного Hübbe-Schleiden) все чучелы и враги, и готова на это – напечатав о всех их подлостях... Но только подумайте, что бы *вы* подумали обо *мне*, если бы мы переменились ролями! Да меня бы вешали – я бы вас не выдала, да и никого другого не выдала бы, – даже зная, что это *правда*, – а молчала бы. Ну, что я вам сделала?.. Готова завтра же забыть все и любить вас по-прежнему, потому что нет у меня злопамятности и потому что *вы русский* – нечто для меня, *изгнанницы, священное*. Прощайте Е.Б[лаватская]»[607].

Вс. Соловьев уже не мог остановиться и послал А.Купер-Оукли письмо о выходе из Теософского общества, в котором повторил клеветнические выводы из отчета ОПИ, дополнив их собственными измышлениями:

«Милостивый государь, я вступил в "теософическое общество" вследствие уверений его основательницы, г[оспо]жи Блаватской, что означенное общество имеет единственной целью: теоретическое и практическое (научное и эмпирическое) доказывание существования тех сил природы, которые еще не были открыты европейской наукой.

В настоящее время, будучи совершенно убежден, не вследствие Отчета г-на Годжсона, а благодаря собственному расследованию: 1, что большая часть феноменов, производимых основательницей "теософического общества", поддельны; 2, что она желала воспользоваться моим име-

[607] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 236–237.

нем и принудила меня подписать и публиковать описание феномена, полученного посредством обмана (феномен с письмом в мае 1884 г.[608]); 3, что письма, написанные якобы "учителями" г[оспо]жи Блаватской, не имеют происхождения, ею им приписываемого; 4, что некоторые влиятельные члены "общества" поступали несогласно с принципами чести и даже простой честности, – и имея достаточные доказательства тому, что я здесь объявляю, – этим письмом, которое я адресую вам как секретарю "теософического общества", я подаю отставку от звания действительного члена и члена-корреспондента сказанного "общества", основанного г[оспо]жой Блаватской.

Тем не менее, прошу вас верить, что, глубоко интересуясь восточными знаниями, я всегда буду относиться с большим уважением ко всем лицам, серьезно и честно занимающимся этими вопросами, все равно принадлежат ли они или нет к "обществу". Примите и пр. *Подпись*»[609].

16 февраля Блаватская послала еще одно письмо Синнетту о «деле Мохини и мисс Леонард» и об участии в нем впавшего в одержание Баваджи и «грязного, беспринципного лжеца и сплетника» Соловьева:

«Не было ничего искреннее, ничего дружественнее писем Мохини ко мне до того дня, как в Лондон приехал его *друг* Б[аваджи] (который сейчас ненавидит его еще больше, чем [мадам] Куломб когда-либо ненавидела меня!). Следствие №1. Письмо от Мохини, холодное, поучающее, *полное обвинений* (каждое из них абсолютно *безосновательно* и *ложно*), которые он перечисляет в весьма надменном и снисходительном тоне. Вы, быть может, не усмотрите в этом ничего особенного, кроме обычных недоразумений, вызванных обстоятельствами и кармой. Я же смотрю на вещи иначе. Каждое слово в нем обвинение, а именно: (1) будто я разгласила некую тайну Мохини мадам Куломб, которая сообщила ее Ходжсону; (2) будто я разболтала ту

[608] Речь идет о заметке Вс. Соловьева «Интересный феномен» в журнале «Ребус» (1884, №26, 1 июля).

[609] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 240.

же тайну Дамодару, тогда как я *только что* написала ему (Мохини), что никогда не раскрывала рта ни с кем в связи с этой тайной; (3) будто я сочла *его виновным* в –[610] с мисс [Леонард], как только прочла ее письмо к нему в Вюрцбурге, а з*атем сообщила об этом* Соловьеву, который пошел и рассказал все мадам де Морсье; она же, узнав таким образом, что *я-де* считаю Мохини виновным, поверила в это сама, но обнаружив затем, что я *развернулась* и заявила, что Мохини *невиновен*, она естественно решила, что я лгу и пытаюсь его покрыть, и в негодовании (как она вполне могла, бедная женщина, если бы так и было) ополчилась на меня, Мохини и всех остальных; (4) будто я написала полковнику письмо, в котором представила Мохини *в ложном свете*, или сказала нечто ужасное о нем, и т.д. и т.п. Вполне достаточно, чтобы теперь заняться анализом этих обвинений.

Любое из них берет свое начало около Баваджи *и родилось при его содействии*. Обвинения и объяснения в отношении мадам де М[орсье] были распутаны благодаря Мэри Гебхард, которая ездила в Париж и, кроме того, состоит с мадам де М[орсье] в ежедневной переписке. *Только я знаю*, как велика в этом деле роль и влияние мистера Б[аваджи]. Во всяком случае, он рассказал все это Мохини и тем самым настроил его против меня.

Вы сами знаете (ибо были в то время здесь, в Вюрцбурге), *верила ли* я тогда в виновность Мохини или нет; то, что я сказала вам, я сказала и Соловьеву, считая его *другом, каковым он тогда и был*, – и **ничего более**. Я была вне себя при мысли, что какая-то женщина осмеливается писать Мохини подобные письма, и ясно видела, что он виновен не в *половой связи*, но в *уступчивости* обожанию, которое льстило его тщеславию, в переписке с женщиной, влюбленной в него. И *вы знаете, что если бы даже в глубине души я и поверила в его виновность*, то я бы закрыла его, *челу*, того, кто связан с Учителями, своим собственным телом – не ради *него самого*, ибо я *тихо* и *без шума* сделала бы все, чтобы избавить Общество от такого лицемерного чу-

[610] Прочерк в оригинале письма Е.П.Блаватской.

довища, но я бы скорее отрезала себе язык, чем проговорилась или призналась в этом кому-либо еще. Это было бы самоубийством для Общества, для меня самой и бросило бы новое пятно позора на Учителей. Поэтому *я никогда не говорила ничего подобного Соловьеву*. Вне всяких сомнений он **лгал**. Он сплетничал прежде всего из его склонности к козням, как он сплетничал мне о Мохини, являющем собой то да се, имевшем интрижку в Париже с такой-то девицей; о мисс А[рундейл], безумно влюбленной в Мохини; о самой мадам [де Морсье], которая в одном из своих припадков (в гипнотическом трансе) *флиртовала с ним*, Соловьевым, и хотела **изнасиловать его** (именно так!). Он грязный, беспринципный лжец и сплетник. Поначалу он занимался этим безо всякого злого умысла против меня, затем был пойман за руку и вынужден был либо повторить свою ложь в официальных бумагах, принесенных Мельцером, либо признать себя *лжецом. Он предпочел принести в жертву Мохини и меня*, всего-то; и я это понимаю, а вот Мохини – *нет*, потому что он находится под сильным влиянием Б[аваджи].

Того, в чем он меня обвиняет, я никогда не рассказывала ни Куломбу, ни Дамодару. Оба узнали тайну Мохини от обиженного им участника одной истории, которая случилась еще *раньше*, чем Мохини услышал о Теос[офском] Об[ществе]. Но поскольку Куломб с радостью поклянется в чем угодно против меня, а Дамодара уже нет, чтобы на это возразить, – отсюда и *неопровержимые обвинения* мистера Баваджи против меня, кого **он ненавидит** (той самой ненавистью, которую он не стал скрывать от графини[611]).

Я никогда не писала Олькотту ни слова о Мохини. Я избегала этого и все время откладывала. И только когда дело приняло серьезный оборот, я рассказала ему об этом в общих чертах, попросив *не верить* всему, что могут наговорить ему о бедном Мохини, который поступил *безрассудно*, но не был виновен в преступлении, вменяемом ему. У вас имеется письмо от полковника, присланное вам мною, где он – к моему величайшему изумлению – пишет мне: “Я

[611] К.Вахтмейстер.

знаю о Мохини *всё*". Теперь мне известно, *как* он узнал это "всё". Он был информирован через миссис К[упер]-Оукли, которая в письме к своему мужу пересказала все городские сплетни и скандалы, исходящие из уст наших врагов. Отсюда и письмо полковника, на которое ссылается Мохини и о котором я не знаю *ровным счетом ничего*. Пожалуйста, покажите Мохини письмо полковника. Полагаю, это то последнее, которое я вам послала.

Таковы факты. Подумайте над моим положением и постарайтесь понять, что я, произнеся свои теософские обеты самым серьезным образом, не могу поступить иначе, чем собираюсь, даже в отношении женщины, которую я глубоко презираю. Я не верю (и никогда не верила) в *виновность* Мохини в совершении последнего криминального действия. Но если он действительно писал письма мисс [Леонард] "общим числом около 100" и "изъяснялся в самых необычных выражениях", я возьму слово "Потифарка"[612] и другие "очерняющие" эпитеты обратно и напишу ей через ее адвокатов то, что вы найдете приложенным к этому письму и что очень прошу вас поправить, а также предложить что угодно еще, что вы сочтете уместным. Я не хочу таким шагом обвинить в преступлении Мохини, ибо тем самым я бы бросила тень позора на Учителей, – даже если бы это и было правдой, во что я не верю и *не могу* поверить. Но я желаю, чтобы всем стало известно, что я не одобряю писания даже таких писем; и что если он дал ей определенный повод, флиртуя с ней и болтая всякие глупости в манере, мало приличествующей челе, то я – *знай я об этом в то время* – никогда бы не назвала ее "Потифаркой" в письме, каким бы ни было мое личное мнение о ней. Я вполне сознаю, что угрозы адвоката смешны; но я также знаю, что, хотя они и не могут *добраться до меня здесь*, у них есть тысяча способов наделать много шума и облить меня грязью, до которых не додумается никто,

[612] Жена Потифара – безымянный отрицательный персонаж Ветхого Завета (Быт. 39, 1–20), супруга хозяина Иосифа, находившегося в египетском рабстве, которая возжелала прекрасного юношу и захотела добиться его благосклонности. Когда же он вырвался от нее, она обвинила его в попытке изнасилования, показав плащ, который он потерял, и за это Иосиф был брошен в тюрьму.

кроме *беспринципных служителей закона*; а я уже по горло сыта скандалами и грязью. Кроме того, покуда я не отмоюсь от всей этой истории, я не могу даже поехать в Лондон, куда **я должна** *отправиться во что бы то ни стало* и независимо от того, увижу ли вас или нет.

Итак, *если вы друг*, пожалуйста, наймите хорошего адвоката (у меня есть некоторое количество фунтов от тетушки, которое я могу потратить), чтобы он пошел к этим негодяям и хорошенько с ними потолковал, и сказал им, что если у них и впрямь имеются письма Мохини к ней "числом больше сотни" и если они смогут показать ему *одно-единственное* слово взаимности, указывающее на любовную фамильярность, – то мне этого достаточно. Поскольку я писала мадам де М[орсье], веря, что это именно *она* домогалась его, а вовсе не он, кто отвечал или *мог* отвечать ей и поддерживать, если не поощрять, ее любовь, и доверяя Баваджи, который рассказал мне в деталях совсем иную историю, в которой Мохини был представлен жертвой *не одной обольстительницы*, – то если теперь мне докажут, что дело обстояло иначе и никаких двух историй тут нет, – я готова признать свою ошибку публично. Она *не* Потифарка и он не Иосиф – *морально* (даже если остается таковым физически), за которого я его принимала.

А теперь не пытайтесь отговаривать меня от этого. Покажите это письмо Мохини, и пусть он хорошенько над ним поразмыслит и даже покажет его своему другу Б[аваджи], если захочет. Я *решила* расквитаться по всем моим счетам. Я испытала то, что никто во всем Обществе и, быть может, во всем свете не пожелал бы испытать, если бы мог влезть в мою шкуру, и дальнейшие страдания теперь причинили бы вред *не только мне*, но и Обществу, Делу и доброму имени **Учителей**. Я знаю то, чего не знаете и *не можете* знать вы, ибо у вас нет того личного опыта, который есть у меня. Я **знаю**, что не должна больше иметь дела с Баваджи Д.Н[атхом], который бросил меня, уехав в Эльберфельд, но что я должна в одиночку, без посторонней помощи одолеть **силу**, которая действует через него и которая, если мне не удастся ее победить, одолеет (погубит) все Общество, вас самого и **всех остальных** – из-

за меня (хотя *лично* мне **она** не сможет причинить вреда). До чего же слеп должен быть оккультист, если он вообще оккультист, чтобы не понять невозможность, абсолютную *противоестественность* того, чтобы мальчик (или мужчина), столь беззаветно преданный **Делу**, Учителям и в известной степени, как я полагаю, мне самой, вдруг без малейшего повода, причины или основания обнаружил такую **ненависть**, такую неистовую, свирепую, дьявольски ненасытную жажду мести и желание погубить ту, которая ничего кроме добра ему не сделала[613]? Его письмо ко мне со словами раскаяния, которое я переслала вам, было *притворством* (или временным освобождением от овладевшей им **силы**). Написав его, он продолжил шествие той же тропой, только теперь более осторожно. Он окончательно настроил Гебхардов против меня, а Франца[614] и его жену – еще и против графини. Он вмешивался во все, заправляя всеми делами в Эльберфельде. Он был руководящим и злым гением этой семьи, о чем они еще узнают, и он хочет стать таковым для А[рундейл] и для любого, к кому он теперь приблизится. С тех пор он написал мне два в высшей степени дерзких и наглых письма, которые сформулированы не в его (Баваджийском) стиле, но в том хитром, коварном, иезуитском стиле *дугпа*[615], с которым я так хорошо знакома. Это просто *воскресший* Мурад Али! Я рассказываю все это вам, и прежде всего Мохини, *чтобы предупредить*. Он снисходительно говорит о *еще одной* встрече со мной, прежде чем он вернется в Индию или отправится в Америку. **Я** не намерена встречаться с ним, ибо не вынесла бы всего этого *ужаса*; и если он не изменится и эта **сила** не выйдет из него, я не позволю ему даже переступить порога. Как могу сомневаться **я** (даже если вам всем не хватает ума освободиться от сомнений), если тотчас после того, как мы покинули Цейлон в прошлом марте или апреле, я увидела хорошо известную **Фигуру** (я уже видела ее около него в Дарджилинге, но *тогда* она не *осмелилась*

[613] Речь идет о Баваджи.

[614] Гебхард Франц (Фрэнк) (1853–1940) – сын Г.Гебхарда.

[615] Е.П.Блаватская написала в начале июня 1886 года А.П.Синнетту, что Баваджи «стал совершенным дугпа и его песня спета» (Адьярский архив).

к нему приблизиться) в десяти ярдах[616] от нас четверых (Гартм[ана], Флинн, Баваджи и меня) – на палубе, *грозившую мне кулаком* и произнесшую: "*Сейчас вас четверо*, скоро будет трое, затем двое – а потом ты останешься одна, *одна*, **одна**!" Это милое пророчество сбылось полностью. Мэри Флинн внезапно и без какой-либо причины утратила свою преданность и не подает признаков жизни со времени ее отъезда, развернувшись спиной. Затем Баваджи, который уехал в Эльберфельд и там с пеной у рта визжал перед графиней: "Она останется *одна*, я *помешаю любому – Мохини* и каждому в Индии – отправиться к ней. Я ненавижу, **ненавижу** ее! Как бы мне хотелось пустить ей кровь!" и т.п. Да, теперь я осталась **одна** – в точности как сказала **Фигура**. Когда через три недели или около того меня покинет графиня, я буду столь же одинока, как узник тюремной камеры-одиночки. Я могу впасть в паралич, умереть в любой момент с этой бедной глупышкой[617] подле меня, которая даже не смогла бы известить никого из моих родственников или вас об этом факте. Мои бумаги, статьи **Учителей** – все это останется на милость кого-то еще. Вы можете смеяться – над мыслью о **Фигуре**. *Мне же не смешно*, равно как и графине, которая читала в его письме к ней – "…Обитатель Порога[618] здесь, он приближается, приближается… Приезжайте и *спасите меня*", и т.д. Мы знаем, что все это значит, даже если вам сие неизвестно.

Так вот, запомните: *не себя саму*, но всех вас и Л[ондонскую] Л[ожу], равно как и Т[еософское] О[бщество] в целом, хочу спасти я. После того, что было сказано Ходжсоном, уже ничто в мире не может добавить мне новой боли. Но Л[ондонская] Л[ожа] может развалиться, и теософия в Англии – растаять как дым. Выбирайте между своей собственной житейской мудростью, елейным философским безразличием Мохини, слепотой

---

[616] Ярд – единица измерения расстояния, равная 0,91 м.

[617] Речь идет о горничной.

[618] «Обитатели [Стражи] (Порога). Термин, придуманный Бульвер-Литтоном в [романе] "Занони"; но в оккультизме слово "Обитатель" есть оккультное определение, употреблявшееся изучающими много веков тому назад и относящееся к определенным вредоносным астральным двойникам умерших личностей» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 291).

мисс Арундейл – и моим **30-летним опытом**. Минувшей ночью я видела **Фигуру** снова, не в доме (ибо он наполнен **влиянием** Учителя), но по ту сторону сада, сквозь стены; и графиня тоже видела и *ощущала* ее несколько раз, хотя *здесь* она не причинит ей вреда. И поскольку я видела ее и получила сегодня утром письмо адвоката с угрозами, то *решилась*. Если бы ради спасения Общества и *его избавления* от этой **силы**, – которая может приблизиться к любому теософу и даже к *челе*, если он не столь предан и верен Учителям, как я, – мне пришлось бы поехать в Лондон ближайшим же поездом, подружиться с мисс Л[еонард] и начать общее дело с ней, Ходжсоном и компанией, – *я бы сделала это без колебаний*. Помните это, мой дорогой, преданный друг, единственный оставшийся таковым *во всей Европе*. Я опорочу себя, сдамся в руки тюремщиков, миссионеров, приму предложения, сделанные иезуитами, все что угодно. Я дошла до такой степени безразличия к *моральному* самоубийству своей личности, что готова на все. Именно благодаря последнему письму Мохини я увидела ужасную опасность, которую никто из вас не замечает, и оно побудило меня действовать».

К этому письму прилагалась двухстраничная записка – черновик письма, которое Елена Петровна набросала для передачи адвокату мисс Леонард:

«Сэр, получив ваше письмо от 16-го числа текущего месяца, извещаю вас, что, если вы сможете, покажите моему адвокату (который вручит вам настоящий документ):

(1) Хотя бы одно мое письмо – из тех, что я писала мадам де Морсье *частно* и конфиденциально, без малейшей мысли о том, что они будут преданы гласности и переданы ею в ваши руки, – где я связываю имя вашего клиента с каким-либо очерняющим эпитетом или сентенцией, или в котором мною упоминается имя мисс [Леонард].

(2) Если в той “сотне писем” от мистера Мохини к мадемуазель [Леонард], которыми вы, по вашему утверждению, располагаете, найдется *хотя бы одна-единственная фраза, намекающая на чувство в ее адрес*, которую вы смо-

жете показать пришедшему к вам джентльмену, достаточно ясная, чтобы прийти к заключению о том, что он находился или желал находиться в таких отношениях, которые каждым честным человеком обычно считаются предосудительными и постыдными для женатого мужчины и незамужней девицы, – в таком случае я признаю, что была абсолютно неправильно информирована относительно истинных обстоятельств дела, и принесу мисс [Леонард] исчерпывающие извинения за любое очерняющее выражение, использованное мною. Я до сих пор верю, что мистер Мохини *невиновен*. Пусть мне докажут, что он виновен, – и я с готовностью признаю публично свою ошибку.

Е.П.Блаватская.

Для адвоката. А теперь, пожалуйста, поправьте, где нужно, переформулируйте и подумайте, как мне все это написать»[619].

Прочтем теперь воспоминания Г.Олькотта о Мураде Али:

«Когда мы с ним встретились, он состоял на военной службе у махараджи Бхавнагара в качестве “Главного кавалериста” – практически на должности синекуры. Он вел необузданную и полную приключений жизнь, которая доставляла ему больше страданий, чем наслаждений. Среди всего прочего, он безуспешно пытался практиковать черную магию и говорил мне, что все страдания, которые он испытывал в течение последних нескольких лет, были напрямую связаны со зловредным влиянием неких темных сил. Он вызвал их сам, надеясь, что они помогут ему обрести власть над одной добродетельной леди, к которой он питал сильную страсть. <…> Он достиг своей низкой цели и обесчестил женщину, но сам подпал под влияние злых духов, над которыми не имел моральной силы властвовать после того, как призвал их себе на службу. Разумеется, он стал человеком, сеющим вокруг одни неприятности. Нервный, легковозбудимый, зацикленный на мелочах, раб сво-

[619] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 183–188.

их капризов, он, видя более высокие возможности человеческой природы, был не в состоянии до них дотянуться и пришел к нам[620] как в убежище. Вскоре после этого он на несколько недель поселился в нашем доме. <…> С тех пор как он пришел к нам, казалось, что его раздирает сильный психический и моральный внутренний конфликт. Он жаловался, что его качает из стороны в сторону и он испытывает на себе сначала добрые, затем злые влияния. У него был прекрасный ум и он хорошо поступал, что занимал себя чтением. Он хотел вступить в наше Общество, но поскольку у меня не было уверенности в его моральной стойкости, я ему отказал. Однако Е.П.Б[лаватская] предложила взять ответственность за него на себя, и я раскаиваюсь, что позволил ей сделать это. Он отплатил Е.П.Б[лаватской] сполна, когда несколько месяцев спустя на станции Вадхван выхватил у какого-то сипая меч и пытался им ее убить, крича, что она и ее Махатмы – сущие черти! Короче говоря, он сошел с ума. <…> …Если бы только он задержался у нас, у него появился бы отличный шанс вернуть бóльшую часть своей утраченной духовности. Но после данного им обещания сделать это, он, повинуясь непреодолимому импульсу, отправился в Вадхван и пустился во все тяжкие. Он так и не восстановил свое умственное равновесие и через какое-то время перешел в католичество, но затем отрекся от него и вернулся обратно в ислам. В конце концов, он умер и был похоронен в Джунагадхе, где я видел его скромную могилу. Произошедшее с ним навсегда останется для меня примером той ужасной опасности, которой подвергает себя тот, кто относится к оккультной науке как к забаве, а в это время сам является средоточием животных страстей»[621].

Можно сказать, что подобная *разрушительная сила*, которой подчинялись Бабаджи и Мурад Али, действовала и через Вс. Соловьева. Он, как и они, не был предан и верен ни Блаватской, ни Учителям, которые не стали «иметь с ним никаких дел».

---

[620] В Теософское общество в Адьяре.

[621] *Олькотт Г.* Листы старого дневника. Т. III. Глава XX // http://www.lomonosov.org/article/listy_starogo_dnevnika_tom2_glavi_19_20.htm

Еще в одном письме Блаватской к Синнетту, написанном во второй половине февраля, шла речь об участии Соловьева в «истории с Мохини»:

> «У меня есть письмо от тетушки[622], в котором она пишет о Соловьеве, поскольку я, не доверяя своей памяти, попросила ее припомнить все обстоятельства. “Я ничего не знаю об этой истории с Мохини, она меня и не интересует. Все, что я помню, так это то, что когда я невольно вскрыла то письмо и ты прочла его и рассказала об этом мне и Соловьеву, вы с ним начали ссориться, и ты сказала, что *никогда не поверишь в виновность Мохини* и что это была его ошибка, если Потифарки бегали за ним. Если *хочешь, я могу дать письменные показания под присягой по-французски и присягнуть на Евангелии (Библии) перед нотариусом*. Если Соловьев говорит иное, **он лжет**. Да что он такое может сделать, чтобы угрожать мне? Разве что, донести на меня жандармам из *Тайной канцелярии* и выдумать какие-нибудь коварные высказывания, якобы произнесенные мною. Он вполне способен на это. Вся Россия его знает. Его собственная мать прокляла его, и об этом говорят” – (но это слишком ужасно). И он еще был моим другом!!! Нет ничего удивительного, что, хорошенько рассмотрев его после своего первого визита, Учитель больше не пожелал иметь с ним никаких дел, несмотря на все мои мольбы[623]!
>
> Всегда ваша,
> Е.П.Б[лаватская].
>
> Пожалуйста, покажите это письмо Мохини. Я могу переслать ему и оригинал ее письма, но ведь оно на русском. Пусть он видит, что я *не лгала*»[624].

---

[622] Н.А.Фадеева.

[623] «Много раз Е[лена] П[етровна] писала нам, что “учитель” недоволен ее дружбой с Соловьевым и не одобряет его участия в обществе их» (*Желиховская Н.В.* [Ответ на клевету Вс. С.Соловьева] // *Блаватская Е.П.* Статьи в русской прессе. Донецк, 2013. С. 301).

[624] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 191–192.

В конце марта – начале апреля Блаватская сообщила Синнетту новую информацию о двух «челах», Мохини и Баваджи, которые разрушили два европейских отделения Теософского общества:

> «Мохини “в Ирландии”, *чтобы поговорить с членами*? Уж не хочет ли он *обратить* там какую-нибудь ирландскую деву и начать с нею переписку? Надеюсь, все *прошло*, как подобает[625]. Зачем “Бабаджи” понадобился мой адрес? Я полагала, что уже развязалась с ним. Я отослала ему (вернее, это сделала графиня) его сундук с одеждой и получила в качестве подтверждения и благодарности почтовую карточку, где он выражает мне признательность за то, что я *оставила у себя самые важные его бумаги*, – сие, полагаю, намек на то, что я их “украла”, дабы использовать против него. Меня он смертельно боится – это уж точно, и все же этот дурак не знает, что мне в действительности *известно*.
>
> А теперь относительно того, что вы говорите о двух “челах”. Позволю себе обратить ваше внимание на некоторые вещи; все остальное оставляю на ваше собственное суждение. Я скажу об авторитете, ведь если *вы* – я имею в виду вас, мистер Синнетт, – не поможете мне и не поддержите меня, я не смогу сделать ничего.
>
> Французское отделение, пережившее Ходжсона, Куломбов и даже личные усилия Майерса, уничтожено теперь благодаря Мохини. Оно мертво, как дверной гвоздь, ибо мадам де Морсье отныне против него. И все потому, что все это время меня *держали в неведении*. Знай я тогда, что творится в Париже и в каком положении она оказалась, – я бы *никогда* не написала ей того письма и ни за что бы не вмешалась и не заставила ее злиться на меня, терять голову и т.д. Но ведь я же ничего не знала. Мохини не проронил мне ни слова. Бабаджи, если и знал, то держал все от меня в секрете. До сих пор я не знаю, как и почему это

[625] «Согласно последним новостям бабу Мохини М.Чаттерджи организовал в Ирландии Дублинскую ложу Теософского общества, члены которой, как мы с радостью узнали, особенно заинтересованы, если не сказать больше, в изучении Арийской Доктрины» (The Theosophist, 1886, т. 6, июнь, Приложение; перевод с английского А.И.Дьяченко). Официальное объявление о создании Дублинской ложи Теософского общества было анонсировано в апрельском номере «The Theosophist» за 1886 год.

началось и во что она верит и чему не верит. Как бы там ни было – *отделение мертво*, и Мохини не может этого отрицать. Она оттолкнет от нас всех членов, которых когда-то сама же и привлекла. Рядом с ней Соловьев, который ей поможет.

Бабаджи совершенно выбил из колеи Гебхардов. Позвольте только ему вернуться – и можно попрощаться с Немецким отделением и нашими общими друзьями. Смотрите на *это как на пророчество* – вы предупреждены. Немецкое отделение мертво *опять же благодаря ему*. Если бы он не запудрил Гебхардам мозги (что ему удалось), они бы никогда не позволили *Сфинксу*[626] выйти из Общества, а всему остальному – пойти под откос, как теперь и случилось.

У нас осталась Лондонская Ложа. Кто ее президент? И кто, кроме президента, *имеет право* говорить авторитетно, со всеми полномочиями? Если вы позволите этим двум мальчикам делать все, что им хочется, и не станете им препятствовать, Л[ондонская] Л[ожа] умрет от "несварения этики". Вы и дальше собираетесь придерживаться своей политики *совершенной пассивности* – или как? Почему бы не созвать Совет, пригласив этих двоих, и не рассказать всем, что они уже натворили и продолжают творить; почему бы не заявить прямо и честно, что вы не можете позволять этому продолжаться дальше? Они должны либо *работать с вами заодно*, либо выйти из Л[ондонской] Л[ожи] и жить в Лондоне как два независимых члена, пока Генеральный Совет или **Некто другой** не займется их делами. Странная политика. Вы ведете себя так, словно не имеете никаких прав. Скажите им, что они должны определиться, иначе вы напишите *Отчет* в Адьяр, в *Совет*, дабы *там* стало известно, что они разрушают последнее отделение в Европе. Если вы не последуете тому, что советую вам я (кому, в свою очередь, это тоже *было Посоветовано*), то именно ваша совершенная пассивность и погубит Общество, а вовсе не эти двое чел. Это все вина мисс А[рундейл]. Она испортила их обоих и губит Общество»[627].

---

626 В.Хюббе-Шлайден.

627 The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters,

Е.П.Блаватская писала и Ф.Арундейл о «деле Мохини-Леонард» и его «главном “раздувателе”» «грязном сплетнике» Соловьеве:

«Моя дорогая мисс Арундейл! На нас обрушился муссон *кармы*, а на вас, с Elgin Crescent, 77, и Ladbroke Garden, 7[628], особенно. Пожалуйста, обернитесь назад. И вы увидите, насколько я была права, когда предостерегала Мохини *не связываться* с женщинами, хорошими ли, плохими – любыми, из Л[ондонской] Л[ожи]. Не его это дело играть в И[исуса] Христа с Магдалинами[629], это все равно, что положить руку в гнездо с шершнями. Вы все получили по заслугам, *да и я тоже*. Мне незачем было просить и молиться о том, чтобы женщины оставили Мохини в покое и в Лондоне, и в Париже. Великая Вавилонская Блудница, Багряная Жена Революции[630], явилась среди вас, так примите ее, умилостивьте, так словно Л[ондонская] Л[ожа] от кого-то *скрывается* и опасается иезуитов и их подручных! Мы – Соловьев, де Морсье и я – лишь орудие *кармы* в этом случае. Настоящие преступники в глазах кармы это все вы в Лондоне. И я знаю это. Соловьев *per se*[631] грязный сплетник, но и ему не о чем было бы сплетничать, если бы *такое* письмо не было послано к Мохини, а уж коль такое письмо послали, так только потому, что тот сам позволил событиям развиваться таким образом, он играл со змеей, а надо было убить ее, а лучше, вырвать ее ядовитое жало. Что общего было у индуса из дома и рода **Кутхуми** с европейскими женщинами с вытравленными волосами и напу-

---

1880–1887. London, 1925. P. 198–200.

[628] Адреса семейств Арундейлов и Синнеттов в Лондоне.

[629] Мария Магдалина – последовательница Иисуса Христа, христианская святая, мироносица, которая, согласно евангельскому тексту, следовала за Христом, присутствовала при Его Распятии и была первой из людей, удостоившейся явления Воскресшего Иисуса. Согласно католической традиции, Магдалина зарабатывала блудом до встречи с Христом.

[630] Вавилонская блудница («жена, сидящая на звере багряном») – образ в христианской эсхатологии, основанный на книге Откровения Иоанна Богослова (Откр. 17). В современном языке это выражение применяется к женщинам легкого поведения.

[631] сам по себе (*лат.*).

дренными лицами, чисто гроб повапленный[632]. Почему он не искал общества мужчин и тех женщин, в которых был уверен? Не остановили его и вы, хотя могли бы. Вы, благородная, преданная, познавшая гонения, как вы могли называть эту бесстыдницу[633] *своей подругой*, подругой Франчески Арундейл, верного многострадального ученика и последователя Учителей! А теперь и **Учителя**, и теософия, и Л[ондонская] Л[ожа] – все в сточной канаве. А то, что я, спасибо *моей* карме, на самом ее дне, должно было стать предупреждением всем вам, так нет, этого не случилось. А теперь, пожалуйста, как только этот скандал стихнет, а *он должен стихнуть*, не мешайте Мохини, лучше посоветуйте ему отправиться домой в Индию или пусть приедет сюда ко мне. Бедный, бедный мальчик!

Ах, только не смейтесь, когда я упоминаю об иезуитах. Не надо насмешек. Они еще докажут, что гораздо сильнее и *опаснее*, чем глупые и упрямые протестантские миссионеры. Лучше оглядитесь вокруг и уделите внимание Кингсфорд[634], бедной миссис Гоинг, мадам де М[орсье], Голубке[635] и т.д. – все они орудия, добровольные или бессознательные, "Багряного зверя" – Багряной Блудницы Вавилонской.

Передайте слова любви и почтения вашей матушке. Примите мою искреннюю и теплую привязанность к вам. *Будьте другом, каким вы были всегда*, и да поможет нам карма!

С уважением,
Е.П.Б[лаватская]»[636].

---

[632] То есть «выкрашенный гроб». В библейские времена еврейские гробницы белили для того, чтобы сделать их более заметными для прохожих во избежание ритуального осквернения контактом или близким нахождением. Это выражение также означает что-либо внешне чистое и привлекательное, но скрывающее неприглядное нутро. В Евангелии от Матфея (23, 27) Христос использует это выражение, характеризуя книжников и фарисеев.

[633] Мисс Леонард.

[634] Кингсфорд Анна (1846–1888) – английская писательница, председатель Лондонской ложи Теософского общества (1883–1884), руководитель Герметической общества (с 1884 года).

[635] Мисс Леонард.

[636] Адьярский архив. Перевод с английского Н.А.Шнайдер.

«22 апреля [1886 года.
Вюрцбург].

Моя дорогая мисс Арундейл!

Считаю своим долгом процитировать только что полученное письмо от Олькотта. “Мисс Арундейл сообщает о благополучном разрешении аферы Леонард. Она (мисс Л[еонард]), оказывается, вовсе *не* беременна[637]. Но если она обратится в суд и вызовет мадам де М[орсье], то той придется признать, что располагает письмом (при этом должно быть предъявлено письмо) от вас, в котором вы (я) говорите о Мохини: “Негодяй, *он второй раз разыграл нас* и сейчас”. Тогда прощай Л[ондонская] Л[ожа], индийские чела, и т.д. и т.п. Какой дьявол заставил вас написать *такое*?” И т.д. и т.п. Полковник Олькотт – бедный честный простак, поверил, что *я могла* написать такое, в то время как я во всех своих письмах уверяла мадам де М[орсье], *что никогда даже не произносила таких слов*, в которых за моей спиной обвиняет меня Соловьев, а ведь именно эти слова являются частью юридических доказательств в *деле*, как пишет мне мадам де М[орсье]!!

Ну, и кто здесь обманут, а кто обманщик? Обманщик *не вы*, Фанни Арундейл, иначе я бы объявила Т[еософское] О[бщество] *почившим в бозе* и навек порвала бы с ним. Либо Вас жестоко *обманули*, либо Олькотт что-то напутал! Теперь скажите мне, *говорила ли вам мадам де М[орсье] или кто-то еще*, что я в письме к мадам де М[орсье] (как цитирует Олькотт) *писала ей на французском языке эти слова о Мохини*? У меня только две версии. Или какой-то *лжец из преисподней* заставил вас поверить, что я написала это, и тогда ключ к разгадке многих писем Мохини ко мне *апокалиптичен*, преисполнен духом прощения и смиренного ухода, или, как я говорю, О[лькотт] все перепутал. Если первое – правда, если все вы считали, что “бедное, легкомысленное создание, Старая Леди”, *могла* не только про-

[637] Это именно то, что я писала мадам де М[орсье], потому что *я знаю*, что мисс Л[еонард] инсценировала беременность, чтобы погубить Мохини. Об этом говорится в моих письмах к ней, а письма сейчас в руках их адвоката. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

изнести это в присутствии Соловьева, но даже *написать* об этом мадам де М[орсье], тогда и я могу упрекнуть вас с Elgin Crescent в легковерии, тогда и вы навсегда останетесь в моих глазах простушками, готовыми поверить нашим общим врагам. Но при этом я не могу не выказать свое сердечное восхищение вашей щедростью, вашей преданностью Делу и т.д., и будь я на вашем с Мохини месте, я бы изгнала из своего общества, как и со всего белого света, сумасшедшего, злобного дурака, способного на такое – *ложь, клевету* и *поклеп* на ту, кому та персона клялась в вечной любви, большей, чем любовь к ее собственному сыну. Ну, теперь все зависит от точности изложения Олькотта.

Теперь графиня, к счастью, с 1 дек[абря] у меня, а она является свидетелем. Почти все копии моих писем к мадам де М[орсье] и ее писем ко мне в руках мистера Синнетта. Если вы никогда не видели их, тогда хватит о вашей с Синнеттом карме. Именно ваша проклятая английская *сдержанность*, ваша холодная интеллигентная пристойность в любых жизненных обстоятельствах, даже если мужчину топят, а женщину до смерти поливают грязью, все время заставляет вас ошибаться. Если бы вы внимательно прочитали те копии писем, а вам следует сделать это сейчас, ибо я настаиваю на этом и требую во имя справедливости, то вы бы убедились, что я не только никогда *не писала таких слов*, но увидела их впервые в жизни в письме мадам де М[орсье] ко мне, в котором она говорит (цитирую по памяти): "Удивительно, что вы защищаете Мохини сейчас, ведь тогда, когда Вы, прочитав письмо (от мисс Л[еонард] к нему), написали: "Ах, негодяй! Уже второй раз он разыгрывает нас вот так. Кстати, это засвидетельствовано"". Я не могла даже представить, что за дьявол мог сочинить эти *якобы мои* слова, я не могла бы их даже произнести, имя Соловьева при этом никогда не приходило мне в голову, ведь я думала, что он в России. Я ответила ей (графиня скопировала это письмо): "Я клянусь памятью моих отца и матери, и пусть они проклянут меня, если я когда-либо говорила что-то подобное. Только моя тетя и Соловьев присутствовали, когда я читала это письмо, значит, или тетя, или Соловьев могли это сочинить", и т.д. На это я

получила крайне наглое письмо от С[оловьева], в котором он говорит: “Ах, значит, я лгу? Значит, вы отрицаете, что произносили эти слова?”, и начинает угрожать мне старым Б[лаватским], который *все еще жив*, моим *якобы* ребенком, бароном М[ейендорфом], и еще тем и тем. На что я ответила: “Если *вы* говорите это, значит, вы, несомненно, солгали, потому что я не могла произнести те слова, просто потому, что это неправда. С тех пор, как Мохини вступил в Общество, он никогда не делал ничего подобного”. Я заметила, что такая травля чела происходит уже второй раз. Я имею в виду ученика в Нью-Йорке. Затем я написала тете. Я пересказала ей, в чем Соловьев меня обвиняет, и попросила ее припомнить, *что именно я говорила*, когда поняла, что это любовное письмо. В ответ она прислала, по крайней мере, *свои показания*. “Я прогуливалась по дому и помню лишь то, что когда ты поняла, что это любовное письмо, ты приговаривала: “Никогда не поверю, что Мохини виновен, не иначе какая-то Потифарка вешалась ему на шею”, а Соловьев смеялся и уверял тебя, что весь Париж знает об интрижках Мохини”. Вот как в точности это было. С[оловьев] продолжал клеветать на Мохини, а я продолжала его защищать. Неважно, что я могла сказать, но я никогда не обвиняла Мохини в том, что он *разыграл всех во второй раз*, **никогда**. Что же тогда вы писали Олькотту?

А так как я послала де Морсье и Соловьеву свидетельства моей тети, данные под присягой (копию), противоречащие его обвинениям против Мохини, *они ничего не могли сделать*, потому что репутация моей тети безупречна, а его – *безнравственна*, и это известно всему Парижу и теософам. Его показания были аннулированы благодаря ее доказательствам. Они угрожали, но *сделать ничего не могли*. И при этом я оказалась *единственной* пострадавшей даже в этом эпизоде. А поскольку я держалась до последнего, защищая Мохини, Соловьев и де Морсье зарезали меня нравственно. Она написала господам Оукли и Олькотту, что Соловьев “предоставил мое письмо” (другое письмо, притом на *русском языке*!), где я якобы “признавалась в

мошенничествах”[638]. Кроме того, С[оловьев] утверждает, что “я просила его помочь мне выполнять трюки и что он поймал меня на одном из них”!!??? И еще, что я говорила о миссис Оукли, что та “прелюбодействовала с Гартманом и другими мужчинами и присвоила имущество из Адьяра, которое ей не принадлежало”. И что миссис О[укли] может посадить меня в тюрьму за любое из этих оскорблений, поскольку Соловьев уверяет, что у него есть письмо или письма от меня на этот счет. Я намерена потребовать от Соловьева и де Морсье предъявить эти письма. Я никогда в жизни не писала ни строчки о миссис О[укли]. Если кто и говорил о ней все, что угодно (хотя и *не* такие ужасные вещи), то это Мэри Флинн и другие. Все это происходило во время моей болезни[639], у меня есть серьезные документы на этот счет. Никто иной как полоумная мисс Флинн обвиняла миссис О[укли] в письме к своей матери о хранении всего ее белья в Адьяре и обозлилась на меня, когда я заметила, что та не хранит порванные сорочки. Все грязные сплетни, сказанные о ней мисс Флинн, может подтвердить господин Бабаджи, который слышал, как она повторяла это сотни раз. И если в своей ненависти ко мне он говорит ложь, то у меня есть документы, *обширные письменные свидетельства*, о миссис О[укли] и докторе Гартмане, которые я смогу представить по приезде в Англию, что, наверное, произойдет очень скоро, а также свидетельствовать, кто и что говорил. Я уже получила на свою голову достаточно потоков грязи, которые могут задеть и других людей. *Мистер Синнетт здесь, чтобы подтвердить то, что я скажу, и по крайней мере защитить меня в этом деле.* Я ведь уже говорила, у меня есть масса подписанных документов. Я до самой смерти верна тем, кто верен Делу, Обществу и Учителям (а щелчок лично мне оставлю без внимания). Это свежая клевета грозит новыми скандалами. Теперь миссис О[укли] клянется, что если я не извинюсь и *не отступлюсь* (?), то они с мужем покинут Общество, а это, кроме нового скандала, разрушит и *Theosophist*, и Адьяр. Пора нам узнать всю правду и либо поддерживать

[638] «Моя исповедь».

[639] В январе-марте 1885 года в Адьяре.

друг друга, либо дать все разрушить. В последнем случае, и если Бабаджи не поможет вам урегулировать все, *что в его силах*, пока он тесно сотрудничает с мистером Синнеттом, то через несколько дней я буду на месте и **открою правду** обо всем и обо всех. Я никогда не писала ни слова о миссис О[укли], никогда не клеветала на нее, я не сказала о ней ни единого худого слова. Я подтверждаю, что все, что я писала сегодня о ней, верно, я имею в виду то, что, когда я была при смерти, они с Хьюмом и Ходжсоном поддерживали меня. И даже это не убеждает тех, кто мне приписывает возведение напраслины на нее. В St. Georges (Швейцария)[640] Мэри Флинн и Бабаджи все это пересказали Соловьеву и мадам де М[орсье]. И это было приписано *мне*, а я в то время лежала при смерти в Адьяре и даже не выходила из комнаты[641], и я даже почти поверила в то, что мне беспрестанно твердили об этом. И вот меня обвиняют в клевете на миссис О[укли] и мне нужна защита, или я стану *защищать себя сама*. Я готова быть другом (внешне) и защищать тех, кто работает на Общество. Но если все пойдет по худшему сценарию с перспективой разрушения Л[ондонской] Л[ожи], я начну говорить, и у меня предостаточно документов, чтобы подтвердить свою правоту. Пожалуйста, прочитайте это Бабаджи. У меня есть свидетельство от этой полоумной Флинн, о котором Баваджи писал миссис О[укли]. Но у меня есть и другие документы, о которых я не говорила. Скажите ему, что я жду от него письма – *дружеского*, иначе пусть готовится покинуть Англию, как бы и его в свою очередь миссис О[укли] не привлекла к суду за оскорбление.

Я устала от всего этого. С искренним уважением и любовью к миссис Арундейл и к вам.

Искренне Ваша,
Е.П.Б[лаватская]»[642].

Подробности последнего письма разъясняются из следующей корреспонденции Елены Петровны к Синнетту (которая написана в тот же день, 22 апреля):

---

640 В августе 1885 года.

641 В январе-марте 1885 года в Адьяре.

642 Адьярский архив. Перевод с английского Н.А.Шнайдер.

«Мой дорогой м-р Синнетт,

Я получила в высшей степени бесчеловечное письмо от Олькотта, новую пакость и обвинения – прочтите его. Я *никогда ничего не* писала о миссис О[укли] ни де Морсье, ни Соловьеву. Но Баваджи написал вам и остальным (хотя и ничего в этом роде), а Мэри Флинн говорила с обоими так бурно, как только могла в St. Georges. Вот почему я прогнала ее, перепуганную собственным вздором.

А теперь разберитесь в ситуации. Внимательно прочтите письмо Олькотта и поймите, что меня в нем тоже обвиняют *в том, что я написала те слова по-французски*, которые Соловьев сочинил обо мне в письме к мадам де М[орсье]. Я напишу мисс А[рундейл] письмо, которое вы, пожалуйста, прочтите и потом отошлите ей запечатанным. Прочитайте и мое письмо миссис Оукли, и если на странице 3, где я высказываюсь о неузаконенной жене Соловьева, есть пасквильные, хотя и правдивые строки, сотрите их, как я стерла раньше три строчки, в которых говорю, что он совратил свою нынешнюю любовницу, когда она была шестнадцатилетней девочкой. Я должна попросить об одном одолжении вас и миссис Синнетт, а именно, чтобы вы сами передали миссис О[укли] это письмо (возможно, у миссис С[иннетт] это получится лучше) и объяснили ей, что я ничего подобного не говорила. В моем письме к мисс А[рундейл] вы найдете то, что я утверждаю.

Это, как говорит Олькотт, крах для *Theosophist* и Общества, если Оукли покинет Адьяр. С какой стати нужно заставлять меня страдать из-за того, что Баваджи писал и повторял месяцами. Он не может отрицать этого, и если не справится, то клянусь, я передам его в руки миссис О[укли], потому что у меня есть масса копий всех его писем разным людям, в которых он клевещет на нее, если это клевета. Хотя он никогда не говорил ничего подобного тому, что теперь выдумывают С[оловьев] и мадам де М[орсье], вы знаете, что он писал вам. Мэри Флинн не несет ответственности. Итак, пока это дело не утрясется и миссис О[укли] не дадут понять, что она опять выслушала клевету и ложь, мы можем ожидать краха всего Т[еософского] О[бщества] даже в Адьяре. Это выглядит

очень угрожающе, как вы поймете из письма Олькотта. Этот дурак считает, что *я* все это *говорила*. Ох, ну когда же я избавлюсь от всех этих малодушных, легковерных типов! Что поделать. *Мемуары*? Конечно, я создавала угрозу С[оловьеву] своими *настоящими* воспоминаниями. Если человек клевещет на меня, как он, то почему бы мне не заявить ему: "Ну что ж, если вы принудите меня, то я напишу всю правду и не пощажу ни себя, ни вас, делающего гораздо более худшие вещи, чем то, в чем вечно обвиняли меня». Я действительно сказала ему так и говорила, что если меня не оставят в покое, то я кончу обнародованием колоссальной **лжи**, что я *в самом деле* выдумала Учителей и все написала *сама*, и прибегну к этому как к последнему средству защитить Их имена от осквернения[643]. И вот я написала вам, а должна была бы сделать так лет пять или, по крайней мере, года три назад, если бы не была дурой. Больше мне нечего сказать. Два моих письма к мисс А[рундейл] и миссис О[укли] объясняют все. Я делаю еще одну попытку. Если мне не поверят и на этот раз, ну что ж, уверяю вас, я прибегну к отчаянному шагу и сожгу себя вместе со всем Обществом. Не могу больше это выносить! Хочу, чтобы вы написали Олькотту и растолковали ему это. Числа 10–12-го собираюсь в Остенде, а там посмотрим. Я *не вернусь* в Индию раньше, чем всё уладится. Внимательно прочтите мое письмо к мисс А[рундейл] и обдумайте то, что я говорю в конце. Либо повиновение со стороны Б[аваджи], либо – я разнесу все.

Ваша Е.П.Б[лаватская]»[644].

Письма Елены Петровны дают нам поразительную картину масштабной клеветнической кампании развернутой Соловьевым. Он стал источником целого океана лжи и сплетен, в который «погрузил» множество людей – Е.П.Блаватскую, Н.А.Фадееву, В.П.Желиховскую, Мохини, Г.Олькотта, А.П.Синнетта, К.Вахтмейстер, Ф.Арундейл, И.Купер-Оукли и других.

---

[643] Об этом же Е.П.Блаватская написала в «Исповеди» и письме к А.П.Синнетту за начало февраля.

[644] *Блаватская Е.П.* Письма А.П.Синнетту. М., 1997. С. 423–425.

Как мы видим, показания Н.А.Фадеевой сыграли важнейшую роль в «деле Мохини – мисс Леонард». Благодаря им клевета Вс. Соловьева «была аннулирована» и все его нечистоплотные усилия по дискредитации Е.П.Блаватской не привели к успеху.

Что же касается дальнейшей судьбы Мохини, то летом 1886 года Елена Петровна сообщила Олькотту, что он «упорно продолжает проповедовать метафизику и философию, которые не имеют ничего общего с доктринами наших Учителей. Он вконец *испорчен* всем этим низкопоклонством и намерен, я полагаю, оставаться *до бесконечности* идолом, водворившимся по адресу Элгин Кресент, 77, коему будет поклоняться и *совершать пуджи* в его честь Фанни Арундейл»[645]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в сентябре того же года Мохини вместе с Артуром Гебхардом[646] обнародовал манифест, который содержал резкую критику Теософского общества и его президента. Блаватская назвала этот манифест «неблагодарным, холодным, несправедливым и жестоким» по отношению к Олькотту. Она писала, что Мохини перестал считать Учителей «живыми, настоящими адептами» и Махатмами[647]. Елена Петровна в специальном заявлении выступила в защиту президента и Учителей[648], верование в которых «никогда не становилось символом веры в Т[еософском] О[бществе]. Но после создания Общества для его Основателей[649] заповеди, полученные от Них, были священными». Мохини в 1887 году навсегда покинул Теософское общество и уехал в Калькутту, где возобновил юридическую практику. 12 июля 1888 года Блаватская написала Н.Д.Кхандалавале, что Мохини и Баваджи для нее мертвы[650].

---

[645] Из письма Е.П.Блаваткой Г.Олькотту, 14 июля 1886 г., Вюрцбург // Адьярский архив (впервые напечатано с пропусками в: The Theosophist, 1908, т. 29, май) (см. также: https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html). Здесь и далее перевод с английского А.И.Дьяченко.

[646] Гебхард Артур (1855–1944) – сын Г.Гебхарда.

[647] Письмо Е.П.Блаватской У.К.Джаджу от 3 октября 1886 г. // *Blavatsky H.P.* Collected Writings. 15 vols. Wheaton, Madras, London, 1987. V. VII. P. 136–138.

[648] См.: *Blavatsky H.P.* Collected Writings. 15 vols. Wheaton, Madras, London, 1987. V. VII. P. 145–171.

[649] Е.П.Блаватская и Г.Олькотт.

[650] Адьярский архив (см. также: https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html).

XIV

Е.П.Блаватская в письме к А.П.Синнетту от 3 марта подробно описала все действия «грязного сплетника и пройдохи» Вс. Соловьева по ее дискредитации и в Петербурге, и в Париже:

«Беда никогда не приходит одна. Не думаю, что можно отвечать за какую-нибудь пусть даже малейшую вещь, малейшее событие в этой жизни и говорить, что это не повлечет никаких последствий. *Карма* – нечто большее, чем думает любой из вас. Сейчас персидский шах чихнет в воскресенье – и в следующую субботу вся Европа будет охвачена пожаром, потому что какая-нибудь из европейских держав примет этот чих за пушечный выстрел. Слишком чувственная девица влюбляется в волоокого мускатного индуса, и одним из следствий становится то, что две семьи, тесно связанные самыми близкими родственными узами, расходятся навсегда[651], а третья участница, от начала и до конца невиновная в этой заварушке, – я сама – *получает оплеухи* публично. Соловьев оказался грязным сплетником и пройдохой, вечно сующим свой нос не в свои дела. Он, чья репутация запятнана больше, чем у кого бы то ни было, бросился обвинять сам (словно он *нравственней*, чем Мохини), продал меня, как Иуда, без всякой причины и предупреждения; помчался в Петербург, сблизился с моей сестрой и ее семьей, настроив их всех против меня, выведал все, что смог, из грязных сплетен прошлого (особенно об этой истории с несчастным ребенком), вернулся в Париж, предал всех нас и т.д. Затем, как вы знаете, он написал мне в высшей степени наглое, угрожающее письмо, грозя также и моей тетушке[652], которая, узнав, как он обманул нас всех *со своей женой* (оказавшейся на поверку его незамужней свояченицей, то есть сестрой его жены, которую он совратил, как теперь выясняется, когда ей было всего 13 лет), написала моей сестре, что эта мнимая госпожа С[оловьева], которую вы видели, неподходящая компания

[651] Речь идет о В.П.Желиховской и ее дочерях, с одной стороны, и Н.А.Фадеевой и Е.А.Витте, с другой.

[652] Н.А.Фадеева.

для ее *незамужних* дочерей, а моя сестра возьми и покажи ему, Соловьеву, письмо от своей тетки. Скандал, громы и молнии. Я отослала его наглое письмо тетушке. Она отправила мое недовольное письмо сестре и упрекнула ее, кажется, слишком резко за то, что та позволила своим дочерям предать меня, подобно Иудам, в пользу Соловьева – свести с ним дружбу и занять его сторону против меня, не причинившей им никакого вреда и отказавшейся в их пользу от всего наследства моего отца без единого возражения, и т.д. Это довело мою сестру до истерики и припадков. Ее дочери написали моей тетушке в высшей степени дерзкое письмо, прося ее *никогда больше не писать им* и никогда не произносить моего имени, которое-де *смердит на их христианский слух*. Две мои тетушки возмутились и встали на мою защиту, ответив грозными письмами с упреками. Новые ссоры, новые осложнения и т.д., и т.п. И вот итог: семейство моей сестры и мои тетушки превратились в сущих Монтекки и Капулетти[653], а Соловьев – в *Яго* теософии и меня лично. Моя сестра заявила, что ненавидит меня, а ее дочери и того пуще. Сейчас в России, как и повсюду, *ненавидеть* – значит поливать грязью. Соловьев же, кроме того, не простит мне отказа от *его предложений* (которые вам известны). Он знает Каткова, ведь он писатель; и я предчувствую, что благодаря его "любезным" услугам я лишусь своего места в *Русском вестнике* и, как следствие, нескольких тысяч рублей в год.

И все это потому, что Мохини решил поиграть в платонического (*если* только платонического) Дон-Жуана. Как вам такие осложнения, грязь, да еще и разбитое сердце?»

В этом же письме Елена Петровна поделилась подробностями того, как она писала «Тайную Доктрину»:

«Каждое утро передо мной новые сцены и обстоятельства. Я *опять живу двумя жизнями*. Учитель считает, что мне слишком тяжело высматривать в астральном свете нужное для моей *Т[айной] Д[октрины]* сознательно, по-

[653] Монтекки и Капулетти – два враждующих старинных рода, из которых происходили Ромео и Джульетта, герои одноименной трагедии У.Шекспира.

этому вот уже две недели меня заставляют видеть все, что нужно, как бы во сне. Я вижу большие и длинные бумажные свитки, на которых все написано, и потом вспоминаю их»[654].

Из следующего письма В.П.Желиховской Вс. Соловьеву видно, как она в это время ненавидела сестру и тетю:

«Напишите вы им, Христа ради, при случае, что нечего мне было вас ссорить и "предавать вам", по выражению Н[адежды] А[ндреевны], Елену или "убивать ее", как она пишет сама, потому что факт о ее муже и все ее прошлое прекрасно известно многому множеству лиц в Петербурге: Мейендорфам, и Назарьевой, и другой племяннице Блаватского, и брату его, служащему в Московской Таможне в звании статского генерала, и Фельдману, и уж я не знаю кому… Вы представить себе не можете, чему они меня подвергают, избрав каким-то козлом-грехоносцем, *за все* ответственным, – какой-то телеграфной проволокой для передачи всяких гнусностей. Еще сумасшедшая Елена не так. Она жалка! Но Н[адежда] А[ндреевна] сама злоба и клевета олицетворенная»[655].

Права была Е.И.Рерих, когда написала:

«Сестра ее [Е.П.Блаватской], Желиховская, не была ей другом и немало вредила ей в России»[656].

Соловьев продолжал запугивать Веру Петровну, клевеща на Е.П.Блаватскую и Н.А.Фадееву[657], и призывать:

---

[654] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 192–194.

[655] Из письма В.П.Желиховской Вс. С.Соловьеву, 6 февраля 1886 г., Одесса // РГИА, ф. 1120, оп. 1, д. 83. Л. 15–15об.; выписка из письма сделана Вс. Соловьевым (см. также: *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 250–251).

[656] *Рерих Е.И.* Письма. Том VIII (1948–1950 гг.). – М.: Международный Центр Рерихов, 2008. С. 215.

[657] Для устрашения Вс. Соловьев назвал Н.А.Фадееву, ни много ни мало, «ведьмой» (Из письма Вс. С.Соловьева В.П.Желиховской, 16 февраля 1886 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 89. Л. 2об.).

«Отстранитесь вы от них совсем, Бога ради, ради вас самих и детей ваших[658]»[659].

Вс. Соловьев очернял Елену Петровну, используя информацию, полученную от В.П.Желиховской. В письме к сестре от 26 марта 1886 года Блаватская упрекнула ее за то, что она передала господину литератору подробности ее личной жизни[660]:

«Грешно, Вера, а для меня просто ужасно!.. Ведь надо же правду сказать: на тебя там[661] рассердились по моей вине! Я глупость сделала. Огорчившись и рассердившись на тебя, я отослала туда письмо ко мне Соловьева, которое он начинает самым таинственным образом: "*После того, что было*, нам разговаривать с *вами более не о чем*!" – и кончает всевозможными намеками на вещи *двадцати- и тридцатилетней давности*... Ведь *где же* он мог все это слышать?.. Положим, в Петербурге есть люди, которые знают, могли сказать ему, – но не в таких подробностях, Вера! Я не сержусь на тебя, – я понимаю и твое раздражение; но она[662] ведь мне больше, чем родная, – *она друг всей моей жизни* и возмутилась за меня, узнав, что все эти кошмары моей молодости, которыми я измучилась сама, теперь стали достоянием *салона* m-me де Морсье, а почерпнуты были Соловьевым у тебя в доме!.. Нечего греха таить: ни Куломбы, ни психисты, никто не сделал мне столько вреда, как эти сплетни Соловьева!.. Пятнадцать лет я неустанно работала на пользу людям; делала добро, кому и чем могла; старалась *поступками* замолить грехи. Скольких спасла и женщин, и мужчин от разврата, пьянства, всяких грехов, обращая их к вере в бессмертие, в духовную сторону бытия; а теперь сама стою забрызганная – какое! – покрытая густым слоем грязи и *через кого*?.. Соловьев, он, ***он*** – с его тяжким грехом на душе, – он первый бросает в

---

658 От сестры и сестры матери?! – *Примечание В.П.Желиховской.*

659 Из письма Вс. С.Соловьева В.П.Желиховской, 16 февраля 1886 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 89. Л. 2–2об.

660 Вс. Соловьев назвал их «самыми неожиданными сведениями» (*Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 226).

661 В Одессе, где проживали Н.А.Фадеева и Е.А.Витте.

662 Н.А.Фадеева.

меня камень!.. Ты говоришь: *“опрометчивость”*. Хороша опрометчивость! Он убил меня, продал, как Иуда, потому что “on hait toujous ceux à qui l’on fait du mal sans raison”[663] – других причин ненависти ко мне у него нет!.. Насплетничал, погубил и возненавидел еще больше!»[664]

Вера Петровна открыто призналась в своей вине:

«Да, – вот как воспользовался г[осподин] Соловьев нашим доверием в минуты им же возбужденного раздражения против сестры моей. Все это было бы навек погребено, – если б он сам не захотел меня принудить повиниться самой и поневоле отдать на суд русских людей не себя одну, а все его действия, происки и фальшь»[665].

Елена Петровна имела нормальное человеческое желание, чтобы *никто* не вторгался в ее личную жизнь, тем более самым наглым образом:

«…Я заявляю миру: “Леди и джентльмены, я в ваших руках, подвластная и подчиненная мировому суду, *только с момента основания Т[еософского] О[бщества]*”. Между Е.П.Блаватской после 1875 года и Е.П.Б[лаватской] с 1830 по 1875 год опущена завеса, и вас никоим образом не касается все то, что происходило за ней – до того как я выступила в роли общественного деятеля. Это была моя **личная** жизнь, священная и неприкосновенная для всех, кроме клевещущих и злобных бешеных псов, которые под покровом ночи суют свои носы в частную жизнь каждой семьи и каждого человека. Этим гиенам, которые разроют ночью любую могилу, чтобы добраться до трупов и сожрать их, я не обязана давать никаких объяснений»[666].

---

[663] «ненавидят тех, кому делали боль без причины» (*фр.*).

[664] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 126–127.

[665] *Там же.* С. 128.

[666] Письмо Е.П.Блаватской А.П.Синнетту, апрель 1886 г., Вюрцбург // The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 145.

Удивительнее всего, Вс. Соловьев так и написал в начале своей клеветнической книги, что вынужден прервать молчание о «близком знакомстве с Еленой Петровной Блаватской и ее “Обществом”» и обязан «разрыть могилу и вынуть из нее находящийся в ней труп» (!!!)[667].

Е.П.Блаватская в одном из писем к сестре вновь назвала Соловьева зверем-падальщиком:

> «Что́ я сделала этому человеку? Желая мне вредить, он обращается в гиену-гробокопательницу. Он разрывает не только мусор и помойные ямы, но старые, истлевшие могилы и бьет меня костями скелетов…»[668]

В конце марта 1886 года Вс. Соловьев с семейством уехал из Парижа в Бретань, в городок Динан, и оттуда прислал В.П.Желиховской еще одно письмо с угрозами. В нем он повторил клевету Куломбов, обвинив Блаватскую в том, что она якобы предлагала ему фальсифицировать письма Махатм[669]. В Динан в конце апреля приехал член ОПИ Ф.Майерс[670], перед которым Соловьев «развернул весь свой багаж»[671], то есть вывалил на него клеветнические сведения о создателе Теософского общества.

---

667 *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 3.

668 *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 81.

669 Письмо Вс. С.Соловьева В.П.Желиховской, 30 марта / 11 апреля 1886 г., Динан // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 89. Л. 6–6об.

В еще одном письме из Динана от 24 апреля 1886 года Вс. Соловьев высказал невежественное и глупое мнение о рассказе Л.Н.Толстого «Три старца», который был напечатан незадолго перед этим в журнале «Нива» (1886, №13, 29 марта), написав, что «с художественной стороны – это полное падение таланта», и назвав великого писателя «врагом России». Также Соловьев, «радея» за русский народ, возмущался антицерковной направленностью этого рассказа, показывая полное непонимание творчества Льва Николаевича: «Он проповедует русскому народу раскол, ересь, смуту, выставляя архиерея ослом, заставляет глумиться народ над Православием и его пастырями. Мы можем верить и молиться, как хотим; но “малые сии” без крепкой веры в Церковь и Православие – пропадут, пропадут даже хуже, чем пропала от тех же причин Франция. – По-моему, Толстой в мильон раз хуже самого ярого нигилиста, ибо он *сила*» (ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 89. Л. 10–10об.).

670 См.: Письмо Адель Соловьевой В.П.Желиховской, апрель 1886 г. // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 90. Л. 17–17об.

671 *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 252.

Но затем отношение Веры Петровны к сестре начало меняться. Вс. Соловьев, обеспокоенный тем, что она уходит из-под его влияния, написал ей письмо, в котором по-прежнему говорил об «обманах Елены Петровны» и «фальшивых феноменах», сыпал угрозами «камня на камне не оставить от этой поганой обманной теософии и ее тайных и явных сподвижников», но… если «забудут о его существовании», он был готов «оставить в покое» Блаватскую и просил В.П.Желиховскую «успокоить ее», написав ей «спокойное, убедительное письмо»[672]. Это послание показывает, что Соловьев сильно трусил и пытался вывернуться из ситуации, созданной собственной клеветнической кампанией.

Также последовало его письмо и к Надежде Желиховской с инсинуациями в адрес Елены Петровны: якобы та «хочет публиковать ложь и клеветы на него, подделывать его несуществующие письма», «требует, чтобы он объявил, что соврал и что все ее феномены *истинны*!», предлагала ему «вместе с Над[еждой] Андр[еевной] *создавать* письма Кут Хуми!!» и «провозглашать богами выдуманных магатм». Далее шли угрозы, через которые просвечивал страх разоблачения в клевете. И этот страх был причиной того, что Соловьев «не только не начинал никаких процессов и скандалов [против Е.П.Блаватской], но даже старался вместе с M-me de Morcier утишить задуманное другими» (не другими, а им самим!)[673].

Весной В.П.Желиховская засобиралась в Остенде в гости к сестре, куда та должна была приехать из Вюрцбурга. Вера Петровна писала ей 15 апреля:

> «Видит Бог, как бы я хотела тебе помочь и прекратить это прискорбное дело с Соловьевым. Все, что могу, сделаю; это верно могу обещать…»[674]

В это время от Вс. Соловьева посыпалась на Е.П.Блаватскую новая клевета, также почерпнутая в отчете ОПИ. Это ее так назы-

---

[672] Письмо Вс. С.Соловьева В.П.Желиховской, 3/15 мая 1886 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 89. Л. 11–12об.

[673] Из письма Вс. С.Соловьева Н.В.Желиховской, 5/17 мая 1886 г., Париж // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 89. Л. 19–20об.

[674] *Блаватская Е.П.* Статьи в русской прессе. Донецк, 2013. С. 269 (см. также: *Желиховская В.П.* Письма (1878–1896) // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html).

ваемое «шпионство». 1 мая Елена Петровна написала Синнетту об этом и других поклепах, которые распространял о ней «исторический» писатель:

> «Соловьев оказался отъявленным мерзавцем и мошенником. Представляете, после того, что я рассказала вам о его плане и предложении, он сообщил мистеру Г[ебхарду], что это я, дескать, *предлагала ему служить русскому правительству* в качестве шпионки!! Говорю вам, за всем этим заговором, похоже, прячется сам дьявол. Это подло! Он говорит, что он (С[оловьев]) лично виделся с бароном Мейендорфом, и тот якобы признался ему, что *любил меня так сильно* (!!), что даже настаивал, чтобы я развелась со стариком Блаватс[ким] и вышла замуж за него, барона Мейендорфа. И что я, к счастью, якобы отказалась, и он был очень рад, потому что позже выяснил, какой *грязной* **потаскушкой** я была; и еще – что ребенок **был его и моим**!!! А как же свидетельство доктора, что я никогда не произвела на свет и горностая, не то что ребенка? Сейчас он лжет, и я уверена, что такой трусливый и слабый человек, каким я знаю Мейендорфа, никогда бы не сказал ему такого. Потом он заявил, что видел в Тайном отделении документы, в которых я предлагала себя в качестве *шпионки* русскому правительству. Вы понимаете эту игру? Вне всяких сомнений, это борьба между глиняным горшком и чугунным. Как я могу поехать и бороться с Соловьевым в *России*! Я могла бы бороться с ним *здесь*, но никто из вас не позволит мне этого. Что же тогда делать? И он пытался убедить мистера Г[ебхарда], что феномен в Париже[675], под которым подписались де Морсье, Соловьев, моя тетя, сестра и Джадж (который вы описываете в *Мемуарах*[676]), был ловким трюком, проделанным *при помощи моей бедной тетушки*! Потом он рассказал ему, что феномен получения госпожой Глинкой письма от Учителя в Эльберфельде,

[675] Речь идет о феномене, который описали В.П.Желиховская в очерке «Е.П.Блаватская и теософисты» (Одесский вестник, 1884, №123, 5 июня) и Вс. Соловьев в заметке «Интересный феномен» (Ребус, 1884, №26, 1 июля).

[676] Incidents in the life of Madame Blavatsky, compiled from information supplied by her relatives and friends and by edited A.P.Sinnett. London, 1886. P. 269–272.

когда я лежала больная в постели, был совершен при помощи *моей тети, которая задержала* его в гостиной, пока Олькотт бросал письмо на голову Глинке. Вот здесь-то он и попался! потому что моя тетя приехала с Цорном, когда Соловьев и Глинка уже уехали из Эльберфельда, – они так и не встретились. Мадам Г[ебхард] помнит это хорошо, и я знаю это определенно. Поэтому это ложь и для вас. Он похваляется, что перевел *дословно* мои русские письма к нему и что мадам де Морсье хранит их в большом досье. Так вот, я написала ему только три письма из Вюрцбурга в ответ на его письма, и то, что говорит мистер Г[ебхар]д об этих текстах, сплошная выдумка от начала и до конца. Соловьев либо сумасшедший, либо действует так потому, что, скомпрометировав себя предложением *шпионажа* мне, он теперь боится, что я заговорю и скомпрометирую его в Санкт-Петербурге. А я так и сделаю, клянусь. Я сделаю известной всему миру историю человека, который обвиняет *меня* в безнравственном поведении в молодости, и докажу, что он живет с сестрой своей жены, которую он совратил и выдает за *законную* жену! Славная компания. Вы упрекаете меня за *доверие* к Сол[овьеву]! Отчего я ему верила? Потому что не считала его подлецом. Ну не могу я относится так к человеку, покуда он ведет себя как друг и джентльмен»[677].

Показательны слова Блаватской, что она «могла бы бороться» с Соловьевым, но никто из ее сподвижников ей этого «не позволит». Эта фраза говорит о том, что у нее были мысли подать в суд на клеветника, но неудавшиеся судебные процессы против Куломбов и ОПИ показали, что она не найдет поддержки среди теософов. По поводу преследования Р.Ходжсона за клевету Елена Петровна безуспешно обращалась с этим вопросом к Г.Олькотту в июле 1886 года:

«А теперь относительно моего возвращения в Индию. Я скажу вам то же, что говорит даже Синнетт. Если вы желаете моего возвращения, вы должны согласиться, что пре-

[677] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 207–208.

жде я должна привлечь Ходжсона к суду за его обвинение [меня] в том, что я русская шпионка. Позиция, которую я займу в отношении других вещей, которые скорее всего возникнут на горизонте (Махатмы и феномены), будет состоять в отказе от всяких дискуссий на эти темы. Мой протест лежит в плоскости политической и клеветнической, а вовсе не метафизической. Остальное никого не касается. Я желаю, чтобы публика и враги считали меня галлюцинирующей лунатичкой, мнящей, будто она состоит в прямом сообщении с какими-то Махатмами – существами, в которых никто кроме теософов не верит. Я ведь и вправду очень похожа на такую галлюцинирующую! Что касается обмана, то я так же не могу *доказать, что его не было*, как враги не могут *доказать, что он был*. Поскольку я никогда не была медиумом, взимающим плату за свою работу, и поскольку я могу доказать, что постоянно тратила на эти феномены свои деньги, здоровье и время, то Ходжсону – дабы подыскать для такого странного поведения на протяжении 10 лет какой-то правдоподобный мотив, на который можно было бы опереться, – пришлось изобрести теорию о моей *шпионской деятельности*. Как только суд докажет, что эта теория – клевета, беспочвенная выдумка, все остальные обвинения Ходжсона рухнут сами собой. Синнетт говорит, что есть судьи, готовые взяться за это дело *наудачу*; мое дело как раз *достаточно надежно и перспективно*. Они все удивляются тому, что мы так и не начали дела против Ходжсона и ОПИ; эти судьи говорят, что для этого *мне не нужно даже находиться в Лондоне*. Я могу просто дать доверенность. Но если я этого не сделаю, то немедленно по возвращении в Индию меня ждут новые заговоры и скандалы. Так что вам лучше как следует обсудить это с Советом и подумать, что вы можете сделать. Мистер Гебхард, Артур, Рудольф и Синнетт – все они говорят, что *это правильный шаг*. Мне только придется примириться с тем, что люди *могут*, если захотят, счесть меня *галлюцинирующей* в отношении Учителей и твердить о своей полной неспособности объяснить это *материальными* аргументами, настаивая при этом, ч*то для меня лично они такая же реальность*, как какой-нибудь Иисус, или Святой, или

видение – безусловная реальность для христианина. В противном случае – прощай, моя Индия, и прощайте вы все. Я оставляю решение этого вопроса вам. Выбирайте»[678].

Олькотт выбор сделал: судебное дело «против Ходжсона и ОПИ» так и не было начато.

По пути из Вюрцбурга в Остенде Блаватская на несколько дней заехала в Эльбербельд, но растянув ногу, задержалась там на два месяца. И уже оттуда писала сестре 16 мая 1886 года о своем «шпионстве»:

«…Соловьев обвиняет меня теперь, что я предлагала себя ему шпионкой русского правительства в Индии[679]... Если человек в здравом рассудке подумает о таком обвинении серьезно, то увидит его бессмыслицу. Меня публично обвиняют в шпионстве для России и делают это целью и прямым мотивом всех фальшивых (якобы) феноменов и "*выдуманных мною* Махатм"! Меня – умирающую – отправляют из Индии именно вследствие такого нелепого обвинения, которое, *несмотря на его нелепость*, могло для меня разыграться тюрьмой и ссылкой только потому, что я русская и уже пострадавшая за эту клевету, не понимающая аза в глаза в политике, – *я буду предлагать себя шпионкой*!.. **И... кому же**? – Соловьеву!!. Ему, – **зная его за неудержимого болтуна и сплетника!..** Да что ж я – желаю быть повешенной, что ли?!. Да ведь я закрыла бы себе этим навеки въезд в Индию. Ведь он, распуская про меня эти слухи, играет прямо в руку Англии и губит меня ни за что́, ни про что́! Ведь сам он, в продолжение пяти недель (начав еще намеки

[678] Письмо Е.П.Блаватской Г.Олькотту от 14 июля 1886 г., Остенде // Адьярский архив (впервые напечатано с пропусками в: The Theosophist, 1908, т. 29, май).

[679] Эту клевету Вс. Соловьев озвучил и в своей безумной книге (*Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 220–221). «Она [Е.П.Блаватская] этого желала и *об этом говорила г[осподину] Соловьеву*?!? – восклицает в изумлении В.П.Желиховская в своем комментарии. – Господи помилуй, да она в таком случае была <…> отпетой идиоткой или совершенно сумасшедшей. Разве ж г[осподин] Соловьев был тогда шефом тайной полиции?.. С этой стороны его деятельность мне окончательно не знакома!» (*Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 89–90).

с Парижа!)[680], меня уговаривал ежедневно (Н[адежда][681] и Ц[орн] – это знают) вернуться в русское подданство, употреблять все мое влияние на индусов против англичан и за русских. Говорил, что это – благородное, великое дело и докажет мой патриотизм! Просил и молил изложить на бумаге *все, что я могу сделать* в этом отношении для России в Индии и что эту бумагу или "проект" он сам представит в Петербурге... На все это я отвечала, что готова умереть, положить жизнь и душу свою за Россию; что нет в России русского подданного, более приверженного Государю и родине, нежели **я** – гражданка Америки, но **что я не способна к этому делу, ничего не знаю в политике** и только бы рисковала своей шеей и сотнями индусов, если бы решилась на это.

Вот, Вера, святая правда, *которую я повторю умирая*. Если я перестала быть православной или какой-либо христианкой вообще, – я глубоко верую в загробную жизнь, в наказание и возмездие. Я клянусь всеми силами небесными, что говорю одну правду...

А он имеет медный лоб свои слова – на меня взваливать?

Противно про него и говорить, и вспоминать, как я искренне его любила и доверяла ему!.. Вера, берегись! Он и против тебя пойдет и без ножа зарежет!..»[682]

В преддверие приезда В.П.Желиховской в гости Блаватская писала Синнетту 20 мая:

«Моя сестра и племянница[683] будут со мной, когда бы я ни пожелала; а она хочет пройти в течение трех-четырех недель обычный курс лечения теплыми морскими ваннами. Она *единственная* может обрушиться на Соловьева и заставить его дрожать как осиновый лист, и она так и сделает, так как ее репутация безупречна и ей нечего бояться»[684].

---

[680] Августе-сентябре 1885 года.

[681] Н.А.Фадеева.

[682] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 110–112.

[683] Вера Владимировна Желиховская.

[684] *Блаватская Е.П.* Письма А.П.Синнетту. М., 1997. С. 419–420.

В начале июня 1886 года В.П.Желиховская с дочерью Верой прибыла в Эльберфельд. И здесь она убедились в полной невиновности сестры и в том, какой Соловьев безудержный клеветник. Выяснились все подробности еще одного масштабного оговора, которому подверг господин сочинитель Блаватскую перед парижскими теософами. Он обвинил Елену Петровну в том, что она выдумала Махатм, умышленно исказив при переводе на французский язык фрагмент из ее письма под названием «Моя исповедь». В этом фальшивом переводе были выпущены слова: «Я даже пойду на ложь – на величайшую ложь, которой оттого и поверить всего легче», а оставлена только фраза: «Я скажу и опубликую в *Times* и всех газетах, что "хозяин" и махатма "К.Н." – плод моего воображения; что я их выдумала…» Этим подлогом и было достигнуто «признание» Блаватской. Этот сфальсифицированный перевод Соловьев и мадам де Морсье распространяли в теософских кругах.

Необходимо напомнить, что в своей клеветнической книге «Современная жрица Изиды» Вс. Соловьев опубликовал «Исповедь» Е.П.Блаватской полностью, вместе с фразой: «Я даже пойду на ложь – на величайшую ложь, которой оттого и поверить всего легче». Это связано, скорее всего, с тем, что он боялся разоблачения в подтасовках, если бы родственники Блаватской затребовали у него ее письма для сличения.

Елена Петровна в июньских письмах к Синнетту и Олькотту описала все события, связанные с пребыванием В.П.Желиховской в Эльберфельде и разоблачением ею клеветы «мерзавца» Вс. Соловьева:

> «Сейчас мой Учитель говорит, чтобы моя сестра приехала сюда, и поэтому я потратила 400 рублей[685] на то,

[685] «Можешь ли ты перевесть strict necessaries <необходимые средства, *фр.*> на мой и Верин проезд, что составляет туда и обратно 320 р[ублей], т.е. не 500, а 640 марок, ибо марка – наш полтинник; билет же, чрез Берлин, прямой линии, каждый (во 2 классе) 80 р[ублей] с копейками, значит 2 бил[ета] 160 р[ублей], а туда и обратно 320 р[ублей]. Я не считаю ни багажу, ни извозчиков, ни 10 р[ублей] за пашпорты*, ни еды, никаких неизбежных расходов. Клади на них самое мало на двух в 2 проезда 30 р[ублей]. Вот уж тебе 350 р[ублей], т.е. 700 марок. Сама видишь, что большая сумма! А меньше невозможно! Очень тяжко мне обирать тебя, но, ей Богу, не имею ни права, ни возможности делать долг. Да не у кого и взять взаймы» (Из письма В.П.Желиховской Е.П.Блаватской, 15 апреля 1885 г., Петербург // *Блаватская Е.П.* Статьи в русской прессе. Донецк, 2013. С. 27; см. также: *Желиховская В.П.* Письма (1878–1896) // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html).

чтобы ей здесь встретиться с *вами* ради *Мемуаров*, которые она готова завершить внесением ряда дополнений, а также ради того, чтобы заткнуть рот Соловьеву и мадам де М[орсье], что только она и сможет сделать. Эта парочка клевещет на вас так же, как на меня и на Общество, а у нее есть ключ к разрешению ситуации. Она читала мое письмо к Соловьеву на русском языке[686] и поэтому знает, что печально известный перевод на французский – это *преднамеренно* искаженный перевод, интрига и подлость. Поэтому, если вы приедете сюда, то здесь будут *только* моя сестра и ее дочь, а картина с изображением английской девушки вряд ли вас расстроит. Если вы не приедете, то моя жертва напрасна; и тогда последствия падут не на *мою* карму. Я знаю, что для Дела, для меня и для всех заинтересованных будет хорошо, если вы встретитесь с ней, поскольку у нее есть письма даже от Майерса (совсем свежие), раскрывающие заговор. Если же вы передумаете и решите оставить Дело на произвол судьбы, в таком случае, зачем тогда *Мемуары*? Почему бы вам не заскочить к нам на пару дней[687]? В противном случае, пожалуйста, дайте мне знать. А так как моя нога идет на поправку, я поеду в Остенде *через* Париж и сделаю все, что в моих силах сама. Я надеялась, что вы приедете *к нам*, но, если передумаете, ваша воля»[688].

«Конечно, у меня нет права протестовать против вашего решения, как бы оно ни расходилось с моими личными желаниями. У вас, несомненно, имеются свои собственные и весьма веские основания не приезжать сюда, как вам предлагалось; но и у меня тоже были свои основания (поскольку ваш отказ явил совершенно новый поворот событий) желать и ожидать вашего приезда – в противном случае я бы никогда не навязала своих сестру и племянницу милым Гебхардам и попросила бы их приехать прямиком в Остенде.

---

* паспорты (*устар.*).

[686] В.П.Желиховская прочла «Исповедь» Е.П.Блаватской в Петербурге при встрече с Вс. Соловьевым, перед отъездом в Европу.

[687] А.П.Синнетт приехал к Е.П.Блаватской уже в Остенде, после ее отъезда из Эльберфельда 8 июля.

[688] Из письма Е.П.Блаватской А.П.Синнетту, июнь 1886 г., Эльберфельд // Адьярский архив. Перевод с английского Н.А.Шнайдер.

Как бы там ни было, – если, конечно, с вашей стороны нет никакого *à parti pris*[689], заставляющего вас избегать встречи с моей сестрой (что было бы для меня непонятным), – ничего страшного не случилось, и вы можете с таким же успехом повидаться с ней и в Остенде, где она пробудет со мной месяц или около того, проходя курс лечения. Потому мне хотелось бы знать только одно – *вы не имеете ничего против встречи с ней*? Учитывая, что со всеми нашими разногласиями, возникшими из-за этого мерзавца Соловьева, теперь покончено и что, прочтя мое оригинальное письмо к нему на русском и не найдя в нем ни одного слова, соответствующего знаменитому переводу из *досье* мадам де М[орсье], моя сестра теперь понимает всю глубину его низости и гнусной клеветы, – теперь она мой полный союзник. Она прочла *Мемуары* и не считает нужным в них что-то менять, за исключением отдельных случайных слов, и так как они ей очень понравились, она добавила туда весьма интересные сведения о моем детстве, девичестве, семье и т.д. Поэтому прошу вас как друга сообщить мне – ждать ли мне вас в Остенде для принятия окончательного решения по *Мемуарам* и разговора с ней? Как видите, задержка с их публикацией обернулась даже счастьем, а не неприятностью. Если бы вы оказались в моей шкуре, когда всю зиму моя семья бомбардировала меня письмами, предупреждая не касаться того или иного семейного дела, не поднимать святотатственную руку на ту или иную *могилу* и т.д., то поняли бы, каких душевных страданий стоили мне эти *Мемуары*. Обстановка была такая, что за одну только фразу с упоминанием моих слезных просьб не выдавать меня замуж за старика Б[лаватского] посыпались бы протесты и опровержения от моих кузин, которые сочли бы своим долгом доказать, что винить в этом нелепом браке следует не моих дедушку с бабушкой или тетю, а моего отца и меня. Мне приходилось быть более чем осторожной. Теперь же моя сестра прочла *Мемуары*, и никто отныне не может сказать, что в них есть хотя бы слово неправды или что кто-то из Фадеевых, Витте или Долгоруких скомпрометирован. <…>

[689] предвзятого мнения (*фр.*).

Что касается моей сестры, то она решила поехать к мадам де М[орсье] и потребовать от *него* (ее мужа) показать этот позорный перевод. Мой племянник, драгун[690], специально для этого приезжает из Санкт-Петербурга – ибо моим *якобы* **признанием** (!!) Соловьеву в своем безнравственном поведении, в изобретении Махатм, подделывании писем и т.д. задета честь всей семьи. Это письмо (ложно переведенный документ), которое мадам де М[орсье] показывала сотням людей, *должно быть* выставлено как ловко состряпанный бесстыдный пасквиль. Соловьев сейчас смертельно испуган; он отказывается предоставить моей сестре подлинную заверенную копию моего письма на русском[691], а его отказ – это очевиднейшее признание; он равносилен признанию своей вины. Мадам де М[орсье] должна быть выставлена легковерной дурой[692], околпаченной Соловьевым, а последний – мерзавцем. Вчера моя сестра в последний раз написала С[оловьеву], сообщая ему, что если он не пришлет ей оригинал письма или его копию, она будет вынуждена сделать этот позорный поступок достоянием гласности и довести до сведения всех теософов тот факт, что его отказ выполнить ее просьбу делает его, вне всяких сомнений, не жертвой простой галлюцинации (как она раньше полагала), а соучастником гнусного заговора. Как только Император услышит эту новость, вкупе с еще одной тайной, а именно – что он живет со своей свояченицей (в России это *преступление*), – Соловьеву крышка; а я поклялась обнародовать все эти факты. К тому же он вплел в свою ложь имя барона М[ейендорфа], и барон побожился, что при первой же встрече отрежет ему нос, потому что *никогда не говорил* С[оловьеву] ничего обо мне, как тот утверждает. Я написала барону. Так что не беспокойтесь. Думаю, что это мое *мнимое* признание причинит

---

690 Яхонтов Ростислав Николаевич (1858–1924) – сын В.П.Желиховской, кавалерийский офицер, генерал-майор (1917).

691 При личной встрече В.П.Желиховская «очень просила г[осподина] Соловьева дать ей хоть копию, если не самое русское письмо сестры», но он «не согласился на это справедливое требование» (*Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 139).

692 Это подтверждает письмо Э.Морсье к Г.Гебхарду (см.: *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 263–265).

и уже причинило Обществу в тысячу раз больше вреда, чем если окажется, что оно было ложью и заговором. Моя сестра спокойна и рассудительна и будет делать все вместе с Драмаром и под его руководством – без лишнего шума. Все, чего я хочу, это просто показать глубину всего заговора, решимость наших врагов погубить Общество. Помните, что Майерс сейчас закадычный друг Соловьева и переписывается с ним, и это подрежет ему крылья»[693].

«Мой дорогой Олькотт!

В нескольких словах: моя сестра здесь, чтобы спасти ситуацию. Она одна может *приструнить* Соловьева, ее одну он побаивается, ведь *только она* одна во всем Петербурге (а он сейчас там[694]), кто его принимает. По всей России не сыскать человека, кого презирали бы больше, чем его, и он окончит свои дни в тюрьме за манию к клевете, инцест и нарушение супружеской верности с сестрой его жены. Сейчас вы понимаете, что она прочитала мое *оригинальное* письмо (если его читать в искаженном переводе на французский)[695], где мне вменяют признание в "мошенничестве" и "безнравственности"!! Это чудовищная ложь и заговор. Теперь, порадовав сердце клеветой на меня перед господином Гебхардом, Соловьев и в разговоре с моей сестрой имеет наглость отрицать, что рассказывал Гебхарду о *моей частной* жизни и моем прошлом!! Сестра показала ему письмо господина Гебхарда, чтобы доказать это, и он назвал господина Гебхарда *лжецом* и идиотом, который ничего не понял и все сочинил. Фактически С[оловьев] *отрицает* все. Когда она потребовала от него оригинал моего письма на русском языке[696], он отказал. Теперь она требует этого снова. Она даже пригрозила ему, что если тот будет упорствовать в своем отказе, то не будет против, если я напишу все, что знаю о нем, митрополиту Исидо-

[693] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 213–215.

[694] Чета Соловьевых прибыла в Петербург 30 мая 1886 года (по новому стилю).

[695] Речь идет о фальшивом переводе фрагмента из «Исповеди» Е.П.Блаватской, выполненном Вс. Соловьевым.

[696] «Моя исповедь».

ру, моему старому другу и покровителю (Российскому Папе)[697]. И если он узнает правду, вот тогда господин Соловьев *попляшет*. Так что снова огромный заговор. Соловьев сказал моей сестре, что идет не против меня, а против Т[еософского] О[бщества], которое является *анти*-христианским!! Ну, у меня нет времени писать. Время покажет, что я работаю здесь для Дела, а также имели ли вы право обвинять меня в том, что я иду против **вас**, – о вас я никогда не говорила ни слова и всегда вас защищала. Жаль, не могу сказать того же о вас, ведь на вас мадам де М[орсье] указывала как на одного из свидетелей моих *мошеннических действий*, она говорит, что вы открыто признавались в этом вице-консулу Франции в Рангуне.

Сохраняйте мужество. Моя нога восстанавливается, но еще очень слаба. Сегодня фон Берген[698] приехал из Швеции, он остановился у меня, чтобы изучать философию. На этой неделе мы ждем Синнетта и Артура. Баваджи живет у Фрэнка и сюда вообще не ходит. Он постоянно работает против вас, меня и доктрины Учителя. Он планирует ехать в Мюнхен сейчас, и если он туда приедет, то можете попрощаться с Германским обществом. Он хитер, как дьявол. Что могут сделать Гебхарды?

Ваша
Е.П.Б[лаватская]»[699].

Представим еще несколько летних писем 1886 года Елены Петровны, на этот раз о разрушительных действиях Баваджи, безумие и одержание которого сопоставимо с подобным состоянием Вс. Соловьева. Его *истинное обличие* состояло в том, что он, как и Баваджи, являлся бессовестным «лжецом и иезуитом чистой воды», «с ног до головы оклеветал» многих людей, «посеял раздор и разногласие» в семьях, пытался «разрушить Теософское общество» и «провалился как “испытуемый” из-за личных амбиций,

[697] Исидор (в миру Яков Сергеевич Никольский, 1799–1892) – экзарх Грузии (1844–1858), митрополит Киевский (1858–1860), митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский (с 1860 года).

[698] Берген Карл (1838–1897) – шведский философ и писатель.

[699] Письмо Е.П.Блаватской Г.Олькотту, июнь 1886 г., Эльберфельд // Адьярский архив. Перевод с английского Н.А.Шнайдер.

ревности» и «внезапно развившихся ярости и зависти (вплоть до ненависти)» к Блаватской.

«Однако на нашем горизонте имеется другая туча – Баваджи. Сейчас он здесь и был послан сюда, чтобы *поговорить* со мной перед своим возвращением в Индию. Теперь он снял свою маску и явил себя в своем *истинном обличии*, а именно – как *бессовестный маленький лжец* и иезуит чистой воды. Вот его нынешняя позиция и принятая им теперь тактика:

Он не отрицает, что раньше и устно и письменно утверждал, что его "Учитель" дал ему указание ехать со мной в Европу. Он говорит, что в то время он искренне так думал и верил в это, но **теперь его мнение переменилось**. Что его ошибочное принятие собственной *фантазии за указ было самообманом*. Сейчас он пришел к выводу (спустя 5 лет!!), что никакой Учитель не может сообщаться со своим челой иначе как путем *запечатления* "от высшего я на высшем я" и что, следовательно, указы очень легко можно понять превратно. Он-де *допустил такое ложное понимание* и теперь осознает это. Фрэнк, который боготворит его до небес и одурманен его психологическими чарами, не видит в этом *никакой лжи*, но просто "доказательство искренности Баваджи". К счастью, мадам и мистер Гебхарды придерживаются иного мнения.

После такой преамбулы все остальное становится проще. Пять месяцев я наблюдала за ним, и до меня дошли слухи, что он учит доктрине, полностью противоположной доктрине Учителей; что он пошел против *Эзотерического буддизма* и т.д. И сейчас, приехав сюда, он бросил мне в лицо перед всеми Гебхардами, что я *ничего не смыслю* в эзотерическом учении, что *Изида* кишит нелепыми ошибками, а мои *теософские* статьи – ей под стать[700]. И что никакой чела или профан якобы никогда не может увидеть *астрального тела* Учителя, ибо *никакой Махатма* не

[700] Письмо в январском *Теософе*, которое вы подписали моим именем и которое определенно содержит целый ряд глупостей, стало для него прекрасным поводом. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Речь идет о материале «"Разоблаченная Изида" и Вишишта-адвайта».

станет конденсироваться до такой степени, чтобы являть себя. Все это было "галлюцинациями на астральном плане". И никакой Махатма никогда не будет писать или заставлять писать своих чел "эти красные и синие письма[701] от призраков", которые время от времени получали мы и другие теософы; всё это якобы было творением элементалов или просто *обманом*, не важно, сознательным или бессознательным (*медиумистическим* в лучшем случае). Он "пришел к выводу", что в Америке мы ничего не знали об Учителях – мы услышали о Них только в Бомбее. Никакой Учитель-де не станет проявляться и снисходить до того, чтобы утруждать себя проблемами даже своих чел, не говоря уже о простых теософах (отсюда – все феномены, такие как с Шринавасом Роу[702], Дамодаром и десятками других теософов, были если не обманом, то как минимум *галлюцинациями* и проделками элементалов, и т.д. и т.п.). У меня не хватит сил повторить все, что он говорит и что фонтанирует из его мозгов. Когда я поняла, что он просто роет подкоп и <…>[703]»[704].

«Баваджи полностью развернулся *против нас* и *решительно настроен разрушить Т[еософское] О[бщество]*. Месяц назад он был в Лондоне и готовился отплыть обратно в Индию. Сейчас он здесь, и только небесам известно, *когда* он уедет, поскольку живет он у Франца Гебхарда (старшего сына, который на его стороне и кого он полностью *психологизировал*). Он посеял раздор и разногласие в семье Гебхардов: мать, отец и два сына – Артур и Рудольф – остаются верными учению Учителей и мне, а Франц – на его стороне. Баваджи никогда не заходит к нам, хотя живет через дорогу, и пишет и пишет тома назиданий *против наших доктрин*. Он пошел дальше, объявив

---

[701] Махатмы М. и К.Х. писали письма красным и синим карандашами.

[702] Шринивас Роу П. (1833–1906) – индийский судья, вице-президент Мадрасского Теософского общества (с 1884 года).

[703] Окончание письма отсутствует.

[704] Письмо Е.П.Блаватской Г.Олькотту, 3 июня 1886 г., Эльберфельд // Адьярский архив (первая публикация: The Theosophist, 1931, т. 52, август. С. 673–675) (см. также: https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html). Перевод с английского А.И.Дьяченко.

всем, что собирается опубликовать *манифест*, в котором выразит сожаление, что внес свой вклад, дурача публику относительно характера Учителей и того, что Они *желают* и *могут* делать. Он утверждает, что на протяжении пяти лет находился под *майей*, психологической иллюзией. Все это время он твердо верил, что все феномены производились Учителями, что он сам состоял в прямом контакте с Ними, получал письма и указания и т.п.; но теперь он (Баваджи) *прозрел*. Прибыв в Европу, он постиг истину, получив *озарение* (!!!). Он понял, что Учителя **никогда**, ни в каком случае не могли сообщаться ни с нами, *ни даже со своими челами*; что Они никогда не могли писать сами или даже *стоять* за письмами или записками, осажденными Их челами. Он говорит, что все подобные послания были творениями майи, элементалов, призраков или даже простым "обманом". Что "Эзотерический буддизм" – сущая чепуха и галлюцинация, а всё выданное в *Теософе* – сплошная ошибка. Что моя "Изида" и даже *Тайная Доктрина* диктовались мне неким оккультистом или "духами", но никогда не Учителями. На вопрос, почему же он говорил, что приехал со мной в Европу *по указанию* своего Учителя, он теперь спокойно отвечает, что *ошибался*; теперь же он "пересмотрел свои взгляды" и понял, что это была его собственная иллюзия. Что Олькотт никогда, никогда не лечил никого с помощью месмеризма, что ему никогда не помогали Учителя и т.д., и т.п.

Больше того, он с ног до головы оклеветал Субба Роу, Дамодара, Олькотта и всех в Адьяре. Он заставил многих европейцев потерять к ним доверие. Субба Роу, по его словам, никогда в жизни не говорил европейцам правды, он дурачил их *всегда* и является лжецом; Дамодар – также великий лжец; лишь он один (Баваджи) знает Учителей и понимает, кто есть Они. Короче говоря, он делает из наших Махатм недосягаемых, *безличных* Существ, столь удаленных, что никто не может Их достичь!!! И в то же время он противоречит сам себе; одному он говорит, что провел 10 л[ет] с Махатмой К.Х.; другому – что 3 года, и опять же, что он несколько раз ездил в Тибет и видел Учителя, только издали, когда Тот входил в храм и выходил

из него. Он врет безбожно. Правда состоит в том, что он (Б[аваджи]) никогда не был в Тибете и никогда не видел своего Учителя даже со 100 миль. **Теперь** у меня есть этому подтверждение от моего Учителя самолично. Он был челой на испытании. Когда он прибыл в Бомбей, в нашу штаб-квартиру, ваш Учитель велел мне объявить всем, что Он принял Кришнасвами и послал его жить у нас и трудиться для Т[еософского] О[бщества]. Он был послан в Симлу к мистеру С[иннетту] и, так сказать, *уступил свою личность настоящему челе*, Дхарбагири Натху, и с тех пор принял его имя. Будучи связанной обетом молчания, я, когда слышала его хвастовство, будто это *он* жил у своего Учителя в Тибете и был настоящим *принятым* челой, не могла ему возражать. Но теперь, когда он провалился как "испытуемый" из-за личных амбиций, ревности к Мохини и внезапно развившихся ярости и зависти (вплоть до ненависти) к полковнику и ко мне, – Учитель велел мне сказать правду. И что он сделал, как вы думаете? Боже мой, он посмотрел мне в лицо и спросил – а что я знаю о его прошлой жизни? Он, дескать, конечно, не был у Учителя в те пять лет, пока был с нами, но он якобы уже знал Махатму К.Х. еще за 12 лет до того, как впервые услышал о Т[еософском] О[бществе]!!! Когда же я показала ему письмо Учителя, в котором ваш Махатма подтвердил мои слова, подчеркнув, что он (Баваджи) "никогда не видел **Его** и не был в Тибете", мистер Б[аваджи] спокойно ответил, что это было письмо *от привидения*, поскольку Махатма никогда бы не стал писать писем и никогда бы не стал ничего говорить о своих челах.

Таким образом, он спрятался за тройную броню *безответственности*, и тому, кто подобно Францу Гебхарду верит, будто каждое слово Б[аваджи] *боговдохновенно*, просто невозможно его поймать. Б[аваджи] ничего не отрицает: признает все, любой феномен, и при этом выкручивается, говоря, что все это *иллюзия*, его карма. Когда его ловят на вопиющем противоречии, он выворачивается, говоря, что *ни один чела ничего не помнит о времени, пространстве или цифрах* (!!), отсюда и противоречие. Когда ему показывают его собственную подпись, подтверждающую, что

он сам защищал феномены и пропагандировал доктрины нашего Общества и Учителей, он отвечает: “О да, но я находился под иллюзией. *Теперь же я* **пересмотрел свои взгляды**”. Что тут поделаешь! Он настроен разрушить *наше* Общество, и когда он вернется в Индию, то будет сеять семена сомнения в голову каждого индуса. Дамодар, который знает о нем правду и мог бы его *разоблачить*, теперь далеко и не желает возвращаться. Так что, если Субба Роу и немногие преданные индусы не помогут полковнику разоблачить его (а Субья Четти[705] знает, *что он никогда не был в Тибете*), Общество погибнет или испытает еще одно ужасное потрясение.

До свидания, мой дорогой собрат, и никогда не теряйте мужества. Учителя *с нами* и защитят всех тех, кто твердо стоит за Них».

На последней странице этого письма Махатма К.Х осадил по диагонали синим карандашом несколько строк, среди которых были и слова о Баваджи:

«Маленький человек *провалился* и пожнет посеянное *им*. Но пока **храните молчание**»[706].

[705] Суббая Четти (1858–1946) – член Теософского общества с 1882 года.

[706] Из письма Е.П.Блаватской Ч.Ледбитеру, 23 июня 1886 г., Эльберфельд // Адьярский архив (первая публикация: The Theosophist, 1931, т. 52, август. С. 676–680) (см. также: https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html). Перевод с английского А.И.Дьяченко.

XV

В.П.Желиховская все события первой половины 1886 года, связанные с клеветнической кампанией Вс. Соловьева, изложила в своей книге «Е.П.Блаватская и современный жрец истины»:

«Когда проект г[осподина] Соловьева – отторгнуть Е.П.Блаватскую от Теософического Общества, превратить ее деятельность в дело заурядного писательства [с] помощью запугивания процессом мисс Л[еонард] – потерпел фиаско; когда он убедился, что сестра моя не станет писать "отречения от своих слов" – от обвинений этой интриганки, очернившей человека[707], которого сама же преследовала своими объяснениями в любви, и – главное – когда он *окончательно* уверился, что ничего не дождется от милостей Махатм, тогда только, в феврале 1886 г., он действительно отвернулся от Теософического Общества и его основательницы. Первое, чем выразилось его новое отношение к ней и ее делу, было распространение между парижскими теософами убеждения, что *она сама отрицает существование Махатм*, сознавшись, что они – *ее вымысел*.

Услышав об этом, мы были поражены донельзя!.. Зная, как тяготилась сестра моя просьбами г[осподина] Соловьева касательно помощи Махатм в том, что они, вероятно, признавали невозможным (в чем именно – я, не имея явных улик, умалчиваю!), я подумала, что она прибегла к такому неожиданному пассажу, чтоб только он ее оставил в покое. Мое подозрение разделяли многие, знавшие обстоятельства их знакомства и надежд, которые он возлагал вначале на ее дружеское расположение. Я написала сестре – как же она "рискнула такой откровенностью, не связав его обещанием сохранить признание ее в тайне" (прошу принять во внимание, что я тогда сама не совсем верила в действительность Махатм).

Сестра мне отвечала отчаянным письмом, где высказывала полное недоумение, уверяя, что никогда не могла ничего подобного написать. Но я не поверила, предположив,

[707] Мохини.

что в припадке вспыльчивости она сама на себя взвела небылицу, а после забыла. Так бывало не раз: под влиянием временного возбуждения она иногда сама на себя клепала в прошлом лишь бы избегнуть настоящего затруднения; близкие ее знали всегда в ней эту черту легкомыслия и неосмотрительности, происходивших от нетерпения, и упрекали ее не раз за такое безрассудство.

Но чего я никак не могла себе объяснить, это было: как мог Всеволод Сергеич так *неосмотрительно* предать ее к нему *частные* письма – гласности?!

Зная, что он скоро должен был опять приехать в Петербург, сестра умоляла меня побывать у него, прочесть *русское* письмо ее[708]; что я и сделала, как только они возвратились. Это было нетрудно, так как в ожидании найма дачи его супруга вновь на несколько дней поселилась у меня в Петергофе.

Прочитав это громадное послание, написанное, очевидно, в каком-то горячечном бреду, я изумилась и прямо высказала г[осподину] Соловьеву свое недоумение: никакого *"признания в измышлении ею Махатм"* в письме не было. С чего же сыр-бор загорелся?.. Откуда парижане выдумали это?.. Г[осподин] Соловьев отвечал, что сам он не понимает, с чего они это выдумали!.. Меня также поразило, зачем все русское письмо испещрено печатями Mr Jules Baissac'a[709]; г[осподин] Соловьев объяснил, что это для пущей верности – как доказательство, что перевод верен. Я спросила: "А где же перевод? Дайте взглянуть!" Но перевода или копии с него у г[осподина] Соловьева не оказалось; он объявил, что он у m-me de Morsier в Париже. Оставалось предположить, что в перевод вкралась какая-либо ошибка, что я и заявила, очень прося г[осподина] Соловьева дать мне хоть копию, если не самое русское письмо сестры, чтоб я могла убедить всех, что в нем нет никакого *"сознания в преступности"*, а есть только бред выведенной из себя несправедливостью и огорчениями женщины.

Он, как и сам заявляет, – не согласился на это справедливое требование… Почему?.. Его дело!

---

708 «Моя исповедь».

709 господина Жюля Бессака (*англ.*).

Едва я приехала в Эльберфельд и услышала рассказы тех, кто читал перевод письма этого, я предположила, что дело было так: вероятно, весь параграф, начинающийся фразой (стр[аница] 259)[710]: *"Я скажу и опубликую в "Times", что "хозяин" (Мориа) и Махатма К.Х. (Кут-Хуми) – плоды моего воображения"* и пр., должно быть переведен в утвердительном смысле вместо условного, – в котором они мне запомнились[711]; но теперь, увидав это письмо в печати[712], думаю, что дело *"отрицания Махатм"* было исполнено еще легче: просто переведены все последующие фразы русского письма без начального, основного предложения: опущены (вероятно) слова: *"Я даже* ***пойду на ложь*** *– на величайшую ложь, которой оттого и поверят всего легче"*. Если эта фраза пропущена – весь истинный смысл всего далее выраженного теряется и, действительно, является достоверное, убедительное признание в фальши, обмане и "измышлении" Махатм.

Сознаю, что это обвинение капитальное, и потому даже после всех подтасовок автора "Современной жрицы Изиды", несомненно мною доказанных, я заявляю его не утвердительно (как он чуть не на каждой странице своего произведения то делает, прямо укоряя меня в несуществующих лжах), а выражаю как предположение, на которое вот мои права: 1) Если б в переводе все было верно, г[осподин] Соловьев не имел бы причин отказать мне в копии русского письма. 2) Он прислал бы эту копию *без сомнения*, когда теософы ее требовали из Эльберфельда и Парижа для восстановления *его собственной правоты* в доказательство того, что он *верно* перевел письмо Блаватской. 3) Перевод, в его настоящем смысле, никак не мог бы породить убеждения m-me Morsier и др[угих] в том, что "m-me Blavatsky

---

[710] Русский вестник, 1892, №10.

[711] До появления письма в печати я думала, что, вероятно, во французских глаголах упущены были «s» на концах, что превращало бы conditionnel в affirmative <условное наклонение глагола в утвердительное, *фр.*>. Но теперь думаю, что последние строки переведены *верно*, – но пропущены слова начала: «Я даже пойду *на ложь*» и пр. – *Примечание В.П.Желиховской.*

[712] В книге Вс. Соловьева «Современная жрица Изиды» (Русский вестник, 1892, №10).

a renié les Mahatmas!”[713], как они убеждены и по сию пору. 4) Г[осподин] Соловьев не без намерения *умалчивает*[714] *совершенно* об этом необъяснимом инциденте – *главнейшей побудительной причине* моей поездки в Эльберфельд. Не мог же он *забыть*, что я ехала, чтоб удостоверить всех, что в письме сестры моей не было “признания, что она *сочинила* Махатм”... *Почему же он об этом факте не упоминает ни словом в своей статье?!* И наконец 5) потому, что *я не могла* даже теперь, через восемь лет[715], будучи в Париже, *добиться взгляда* на этот пресловутый перевод...

Это, кажется, причины увесистые.

Г[осподин] Соловьев уверенно заявляет, что перевод хранится у г[оспо]жи де Морсье в Париже (стр[аница] 284)[716] *и что она его готова показать* всякому желающему сличить письмо с переводом, – но **это неправда**, и вот тому доказательство.

Прошлым летом[717] я была лично у Бэссака и просила его сказать мне: свидетельствовал ли он письмо сестры моей, в [18]86 году писанное, и перевод с него; а равно и показать мне французский текст, дабы я, наконец, могла понять, в чем дело – за что m-me де Морсье вооружилась на сестру и заварила всю кашу?

На первый вопрос он ответил, что как тогда, так и теперь не понимает, из-за чего всполошились парижские теософы, потому что в русском письме сестры моей не было ничего для нее компрометантного[718], а также и в засвидетельствованном переводе, хотя он нашел в нем первоначально неточности, но настоял, чтоб они были исправлены; на вторую просьбу обещал *непременно достать перевод* и показать мне его. Но я напрасно прождала недели три и наконец получила нижеследующее уведомление.

---

[713] «мадам Блаватская отрицает Махатм!» (*фр.*).

[714] В книге «Современная жрица Изиды».

[715] В.П.Желиховская ошиблась: через 6 лет, в 1892 году.

[716] Русский вестник, 1892, №11.

[717] В 1892 году.

[718] компрометирующего (*фр.* compromettant).

Париж, 5 июня 1892 г.

"Madame, я бы желал прежде, чем вам ответить, сам просмотреть перевод, по поводу которого вы меня спрашивали. Этот перевод *не находится в руках m-me de Morsier*, а потому я и не мог с ним справиться. Не могу утверждать, чтоб я о нем сохранил верное воспоминание, но могу удостоверить, что нашел его сходным с русским подлинником. Прибавлю к этому, что, насколько мне помнится, ни в переводе, ни в подлиннике не было ничего, что могло бы возбудить недоверие к г[оспо]же Блаватской. Единственная не совсем ясная (un peu louche) фраза вполне могла быть объяснена в смысле *условном*, и так я ее и понял; я предпочел бы этот смысл как самый вероятный и справедливый[719].

Примите уверение и пр.

Jules Baissac"[720].

Это письмо уж было совсем не то, что этот почтенный, но весьма расслабленный годами старик говорил мне устно при свидетелях, – восторгаясь моей сестрой, предлагая дать мне прочесть брошюру, им написанную, о теософическом учении, которая мне докажет, как *высоко он ценит m-me Blavatsky*, и тому подобные лестные вещи. Влияние его дорогого друга, m-me Морсье, в нем очевидно сказалось; но главное дело ясно: *перевода мне показать не хотели*, и поверенная г[осподина] Соловьева отозвалась неимением его...

Где же он? <…>

---

[719] Когда Гебгард ездил во время самого происшествия [в 1886 г.] за сведениями в Париж к Бэссаку, то последний говорил ему то же, что ровно никаких признаний в измышлении Махатм в русских письмах Блаватской не было; что, впрочем, он их *не читал целиком*, потому что г[осподин] Соловьев *всех писем ему не показывал, «а лишь некоторые строки»* (certains passages). За сим Бэссак прибавил, что после чтения засвидетельствованного им письма и перевода «его личное мнение о г[оспо]же Блаватской нимало не изменилось»... Это письмо Гебгарда от 27 июня 1886 г. из Парижа *у меня в целости*. Надо принять во внимание, что Бэссак тогда был моложе и, кроме того, происшествие это было недавнее, а потому показания его Гебгарду, с места описанные последним, имеют большое значение и вес. – *Примечание В.П.Желиховской.*

[720] См.: ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 79, л. 30–30об.

Гебгард был совершенно прав, уверяя, будто Е[лена] П[етровна] утверждала, что перевод ее письма г[осподином] Соловьевым *неверен* (стр[аница] 287). Он мог бы еще прибавить, что это и **я** утверждаю. Иначе г[осподин] Соловьев не боялся бы прислать копии с него, да и парижане не составили бы о нем фальшивого мнения. Что он ссылался и ссылается на документы, хранящиеся у Морсье, *"его искреннего друга"* (стр[аница] 288) (друга, которого он, тем не менее, вначале очень порочил), так ведь это один отвод глаз, – как свидетельствует письмо Бэссака. "Ловкой дамой" меня г[осподин] Соловьев ([страница] 289)[721] называет напрасно, за то, что я, говоря о нем с Гебгардом, всячески старалась его оправдать, *медля поверить его неправде*; ему бы скорее простительно было меня назвать "*недалёкой и наивной* дамой" – за то, что я так ему доверяла. А я действительно так глупо убеждена была в его добросовестности, что, когда теософы громко заговорили о фальсификации перевода, о подделке (un faux), я в негодовании воскликнула, что "скорее поверю, что Вс. С.Соловьев сошел с ума и совершил *бессознательный* поступок, чем такую ужасную вещь".

Очень напрасно он рассказывает о нашем мрачном "комплоте"[722], о каком-то коварном заговоре моем и сестры моей – выдавать его за сумасшедшего. Разумеется, читателям "Р[усского] вестника", которым г[осподин] Соловьев не рассказал ничего о знаменитом обвинении Блаватской в отречении от Махатм и *сознании* в том, что *она их измыслила*, совершенно непонятно, почему Гебгард писал, что мы его назвали "сумасшедшим"[723],

[721] Русский вестник, 1892, №11.

[722] тайном сговоре (*фр.* complot).

[723] Г.Гебхард писал в 1886 году Э.Морсье: «…С[оловьев], быть может, не настолько сумасшедший, чтоб были вынуждены запереть его в специальное заведение для больных мозговыми болезнями, но он от этого не менее опасен. Если бы г[оспо]жа Y. [В.П.Желиховская] и ее дочь [Надежда] не защищали постоянно г[осподина] С[оловьева] против г[оспо]жи Блаватской, с убеждением говоря, что это человек избранной натуры (?), но, к несчастию, очень легко возбуждающийся и, очевидно, неответственный за свои действия и слова, я был бы склонен думать, что г[оспо]жа Y. [В.П.Желиховская] старается найти уловку в интересах г[оспо]жи Блаватской. Но

а не другим именем; но в этом наименовании одна я виновата»[724].

В письме к Г.Олькотту от 7 июля 1886 года Е.П.Блаватская подвела итог делу о «фальшивом переводе»:

«Я еду завтра в Остенде[725]. Господин Гебхард возвращается из Парижа, где выяснил все о той интриге. Соловьев сам перевел *несколько фрагментов* из моего письма на французский язык и дал сличить их с русским оригиналом господину Бессаку, но всего письма ему не показал. Так ему удалось *обвинить* меня в клевете! Но все обнаружилось. Ведь только истеричная де Морсье, которая верит С[оловьеву] как богу, и покинула Общество со своей дорогушей[726]. Все остальные возвратились и сейчас возвращаются к герцогине и Драмару. Вот вам *дьявольский* заговор. И это 1886 год, год Пятниц, коих 53, год, в котором четыре месяца имеют по *пять* пятниц каждый, год Торжества *Зла*. 1886 год *начался пятницей, пятницей* и закончится. Будем

сомнение больше не позволительно… Мы с вами были одурачены человеком, не находящимся в своем нормальном состоянии и которого следует скорее сожалеть, чем обвинять»; «Очень жаль, что я не доктор, как Ваш друг г[осподин] Ришэ, – физиологическое (?) исследование характера г[осподина] С[оловьева] было бы чрезвычайно интересно. Этот человек, должно быть, обладает редкой властью над умом женщин, которые его часто видают!..» (*Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 262, 267–268). Также Г.Гебхард писал 8 января 1893 года В.П.Желиховской: «Дорогая m-me Jelihovsky! В ответ на ваше доброе письмо, я приношу вам мою искреннюю благодарность за то, что вы даете себе труд отвечать на бредни человека, подобного этому – Соловьеву. Я бы вам усиленно советовал оставить в стороне все, что такой безумец (hallucinè) говорил или будет говорить» (*Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 153).

[724] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 137–147.

[725] «8 июля мадам Гебхард и Артур должны были ехать в Швецию, и я покинула Эльберфельд. Я уехала со своей сестрой и племянницей, которым пришлось таскать *безногую* меня и обо мне заботиться. А поскольку садиться в вагон и высаживать из него – если бы я поехала в Остенде кратчайшим путем – мне бы пришлось, меняя поезда, трижды за 6 часов, мы были вынуждены взять билеты в спальный вагон, купив для нас купе на *четверых* до Остенде через Брюссель, и заплатить за это 200 марок вместо 50 или 60» (Из письма Е.П.Блаваткой Г.Олькотту, 14 июля 1886 г., Вюрцбург // Адьярский архив (впервые напечатано с пропусками в: The Theosophist, 1908, т. 29, май)).

[726] Мисс Леонард.

страдать до конца. Я напишу обо всем этом, пожалуйста, опубликуйте в *Theosophist*»[727].

Елена Петровна еще в одном письме к Олькотту (от 14 июля 1886 года) указывала на большую роль В.П.Желиховской в деле разоблачения Вс. Соловьева. Выяснилось также, каким образом «Исповедь» оказалась «испещренной» печатью Ж.Бессака. Оказывается, Соловьев «обманным путем взял» (проще сказать – *украл*) у него эту печать:

«Моя сестра оказалась для нас всех величайшим благословением. Именно благодаря *ей* был раскрыт весь этот заговор Соловьева и его грязная возня с де Морсье. Именно сестра, прочитав мое оригинальное письмо, вывела Соловьева на чистую воду, и теперь выяснилось, что он обманным путем взял у Бессака правительственную печать (печать переводчика *министерства иностранных дел*) и оттиснул ее на моем русском письме, дабы убедить людей в том, что его перевод *точен дословно*; тогда как Бессак теперь признается, что Соловьев дал ему прочитать из моего письма лишь *несколько пассажей*, которые он (Бессак) признал корректными, за исключением одного, который он заставил Соловьева переделать. И вот на основании этих искаженных в переводе фрагментов и фраз из моего письма Соловьев и де Морсье пытались уничтожить меня, но *не смогли* – благодаря Мэри Гебхард, Драмару и герцогине. А вы все там в Адьяре принимали это как само собой разумеющееся, что я-де писала так-то и так, что я оклеветала миссис К[упер]-Оукли и т.д.! Все, что говорилось против меня за последние 18 месяцев, всегда с легкостью находило себе благодатную почву доверия в Адьяре»[728].

Из этих строк Блаватской видно, что Соловьев заверил свой искаженный перевод «Исповеди», и заодно оригинал, *украденной* печатью. И Ж.Бессак в 1886 году удостоверял, что печать была похищена. Об этом проговорился Соловьев в начале 1892 года:

[727] Адьярский архив. Перевод с английского Н.А.Шнайдер.

[728] Адьярский архив (впервые напечатано с пропусками в: The Theosophist, 1908, т. 29, май).

«…Желиховская рассказывает и мне говорила при Брусилове о том, что она сама видела находящееся у "теософов" *удостоверение Бессака*, обвиняющее меня в самом подлом преступлении – *подделке и похищении печати*»[729].

И после этого всего Всеволод Соловьев прокричал на весь мир о своей непорочности и преступности Е.П.Блаватской. «Экая шельма!» – можем мы с полным правом воскликнуть о нем. Недаром он в своей книге делал упор на эти печати Бессака как подтверждение его честности:

«*Значит* переводы, проверенные, заштемпелеванные и засвидетельствованные *присяжным* переводчиком парижского апелляционного суда, известным лингвистом, знатоком русского языка Жюлем Бэссаком, – **не могут быть неверными**»[730].

Исходя из писем Е.П.Блаватской и свидетельств В.П.Желиховской, можно сделать вывод, что Вс. Соловьев подделал перевод письма под названием «Моя исповедь» и таким образом оклеветал Елену Петровну, приписав ей «признание» в том, что она выдумала Махатм.

Необходимо еще раз напомнить, что в своей клеветнической книге «Современная жрица Изиды» господин фальсификатор ничего не рассказал о своем «знаменитом обвинении Блаватской в отречении от Махатм и *сознании* в том, что *она их измыслила*»[731].

Г.Олькотт о недоверии к Е.П.Блаватской и, наоборот, доверчивости к «достоверным утверждениям» и «явным доводам» Вс. Соловьева признался в письме к В.П.Желиховской от 3 июля 1886 года:

«Дорогая мадам Желиховская.

Благодарю Вас за предпринятые хлопоты по отправке мне Вашего подтверждения о том, что Вы читали ориги-

---

[729] Из письма Вс. С.Соловьева А.Н.Аксакову, 3 января 1892 г., Петербург // РО ИРЛИ, ф. 2.

[730] *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 357.

[731] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 146.

нал письма Е.П.Б[лаватской] Соловьеву на русском, ибо теперь я могу авторитетно опровергнуть лживые рассказы о его содержимом, присланные мне из Парижа. Эти сплетни пришли в форме достоверных утверждений от людей, которые читали то, что, скорее всего, могло являться искаженным переводом письма; и пока я радуюсь тому, что *наша* сестра не употребляла приписываемых ей отвратительных выражений, Вы едва ли должны осуждать меня за доверчивость, когда доводы были настолько явными. Господин Соловьев, который так намеревался обвинить меня в неверности Е.П.Б[лаватской] и чьи бесстыдные инсинуации она повторяла мне не раз, – будто бы они имели столь весомое значение, что мне надо было встать на ее защиту, – сейчас предстал человеком, способным преднамеренно сфальсифицировать письмо, чтобы ранить человека, навлекшего на себя его неприязнь. Думаю, Вы и Ваша семья признаете, что среди друзей, которые ходят туда-сюда вокруг Вашей сестры, я, несмотря на свою грубую прямолинейность и часто суровые упреки, докажу так, как никто из них, свою преданность до конца дней. И, возможно, лучшее доказательство моей верности – это моя готовность говорить правду ей в лицо. Хоть я и был бы готов отдать свою жизнь, чтобы спасти ее, если бы в этом состоял мой долг, я никогда не буду без возражений смотреть, как она делает что-то, что может принести несчастья ей или нашему делу. Она великая, но самая импульсивная особа.

Прошу вас любезно передать мое почтение мадам Фадеевой.

Искренне Ваш,

Олькотт»[732].

После прочтения этого письма президента Теософского общества можно согласится с Еленой Петровной, назвавшей его «малодушным, легковерным типом»[733]. В письме к Синнетту от 2 сентября 1885 года она написала более суровые слова:

[732] ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 79. Перевод с английского Е.А.Бобровой.

[733] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 213.

«Говоря об Олькотте, я могу только сказать: бедный, *бедный* Олькотт; я никогда не смогу разлюбить его – того, кто десять лет был моим преданным другом и защитником, моим *"стариной"*, как выражается он сам. Но я могу лишь сожалеть о его глупости, когда его интуиция не подсказывает ему, что если мы были *теософскими близнецами* в дни нашей славы, то и в нынешнее время вселенского гонения, ложных обвинений и публичной травли "близнецы" должны принять этот удар вместе, как вместе они и поднимались, и что если *он* называет меня (во всяком случае, наполовину признает) *мошенницей*, то неизбежно оказывается мошенником и сам. Не знай я, что Учителя все еще присматривают за ним и что **Учитель** и теперь в известной степени охраняет его, я бы поклялась, что им овладели дугпа. Только вообразите, он написал мисс Арундейл, барону Гофману и многим другим (кого я могла бы назвать поименно), что я была *сумасшедшей* (в полном смысле этого слова), и притом много лет; что иногда я могла совершать *фиктивные* феномены в периоды своего психического расстройства и бог знает что еще! *Виновная в одном – виновна во всем.* Ах, бедный, бедный дурачок, роющий яму для Теософского Общества своими собственными руками!»[734]

Г.Олькотт еще в конце 1884 года получил предупреждение от Учителя М. по поводу его *несправедливого* отношения к Блаватской, но изменить себя был не в силах:

«Они *глупы и безрассудны*, Генри, ваши мысли об Упасике, более того, они ничтожны. Это *мираж*, наброшенный на ваш мозг некоторыми из тех, кто вас окружает…

Не оправдывайтесь своей искренностью. *Искренность* без *Справедливости* подобна ручному фонарю пьяного сторожа, освещающему своим тусклым светом лишь его собственные искаженные черты и погружающему все вокруг в еще более кромешную тьму… Вы ошибаетесь в ней от начала и до конца. Вы *никогда* не понимали ни саму

[734] The Letters of H.P.Blavatsky to A.P.Sinnett and Other Miscellaneous Letters, 1880–1887. London, 1925. P. 119.

Упасику, ни законов, которыми диктовалась ее внешняя жизнь, – с тех самых пор, как познакомились с ней. Вы неблагодарны и несправедливы, даже жестоки. Вы принимаете *майю* за реальность, а реальность за иллюзию.

Я сказал, и больше не скажу ничего. А теперь, если вы не услышите меня и не поверите моим словам, я вынужден буду направить *Карму* в новое русло.

М.»[735].

7 июня 1886 года Олькоттом было получено письмо от Учителя К.Х., где под словами о «строгом руководстве» утверждался «непреложный закон Иерархии», исполнение которого было в «признании авторитета Е.П.Блаватской»[736]. Но этого «теософский близнец» так и не понял.

«Вы верили “не мудро, но слишком рьяно”[737]. Чтобы распечатать врата тайны, нужно не только вести безупречно честную жизнь, но научиться также отличать истину от лжи. Вы очень много рассуждали о карме, но едва ли вполне осознали истинную значимость этой доктрины. Пришло время, когда вы должны заложить фундамент того строгого руководства – как индивидуумами, так и Обществом в целом, – которое, подобно недремлющему стражу, ограждает от сознательного и бессознательного обмана»[738].

После ухода из жизни Е.П.Блаватской духовная деградация Олькотта продолжилась. В 1895 году он выказал полное недоверие к ней, усомнившись в ее непогрешимости как «передатчика только подлинных посланий от Учителей». Господин президент написал, сославшись на наговоры «шпиона Соловьева» (!!!), что Елена Петровна «временами подпадала под злобные влияния» и

[735] Letters From the Masters of the Wisdom. Second Series. Adyar, Madras, India, 1925. P. 89–90.

[736] *Рерих Е.И.* Письма. В 9 т. Т. II (1934). – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Международный Центр Рерихов; Благотворительный Фонд им. Е.И.Рерих; Мастер-Банк, 2013. С. 481.

[737] Слова из пьесы У.Шекспира «Отелло».

[738] Letters From the Masters of the Wisdom. 1870–1900. First Series. Fours Edition. Adyar, Madras, India, 1948. P. 72–73.

могла принимать ложные послания[739]. Если так относился к Блаватской ее ближайший сподвижник, то понимание истинной сути иерархического принципа тем более было далеко от Вс. Соловьева, который пытался использовать создателя Теософского общества в своих эгоистических целях.

О некоторых подробностях лета 1886 года В.П.Желиховская сообщила в письме к А.А.Брусилову, написанном в декабре 1891 года:

> «Пока я была у сестры, не было ужаса, которым г[осподин] Соловьев (живя в Петергофе, где жила и моя семья) не запугивал бы меньших детей моих, стараясь внушить им полное отвращение к их тетке[740], и настаивал, чтоб мы с Верой скорее вернулись. Все их письма ко мне переполнены страхом за нас – за погибель наших душ и за всякие кары небесные, которые, по уверениям г[осподина] Соловьева, должны были пасть на нас за участие к сестре моей и старание ее успокоить. Все это записано в дневнике моей второй дочери, которая, веря еще г[осподину] Соловьеву, пережила истинную пытку, пока мы отсутствовали[741]. Когда же истинное участие г[осподина] Соловьева во всех печалях моей сестры и наших выяснилось и мы возвратились в Россию, то наше знакомство с ним, понятно, прекратилось.
>
> Обо всех этих обстоятельствах я ни словом не упомянула в печати[742]; неужели в благодарность за мою скром-

---

[739] The Theosophist, 1895, т. 16, апрель. С. 476.

Подобное заявление родилось в уме Г.Олькотта, по всей видимости, после прочтения клеветнической книги Вс. Соловьева, которая как раз в это время была издана на английском языке и в «откровения» которой он поверил.

[740] Е.П.Блаватская.

[741] Надежда Желиховская сделала приписку в письме брата Валериана к матери от 24 июня 1886 года: «Пожалуйста, скорее возвращайтесь, довольно от этой иностранщины было неприятностей. Вон я с Соловьевыми поссорилась, а все из-за каких-то неведомых для меня Морсье, Гебгартов и К°. А мне это нелегко! Вообще мне это лето ужасно везет на разные гадости и сюрпризы. <…> Я ей [сестре Вере] и тебе мама писала много неприятного, но убеждена, что Вы понимаете меня. Влезли бы в мою шкуру за эти недели Вашего отсутствия и вынесли бы то, что я вынесла, так не стали бы сердится за мои письма» (ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 71. Л. 50–50об.).

[742] Речь идет об очерках В.П.Желиховской «Чужие мнения о русской женщине» (Новости и биржевая газета, 1891, №288, 18 октября; №292, 22 октября; №302, 1

ность г[осподин] Соловьев найдет возможным мне ответить, *припутав мое имя* в свои перипетии и разочарования в Теософическом Обществе?!. Как вы думаете, А[лексей] А[лексееви]ч, – совместимо ли это будет с азбукой добропорядочности?.. Как бы сам г[осподин] Соловьев ни смотрел на мою сестру, но он должен, конечно, понимать, что **теперь**, больше чем когда-нибудь, **оскорбление ей – тяжкое оскорбление мне**. Пусть знает он, что за умершую сестру я восстану решительней, чем за живую, если он принудит меня вступиться за ее память[743]»[744].

И Вера Петровна «решительно восстала» за сестру, написав в 1893 году в ее защиту книгу «Е.П.Блаватская и современный жрец истины»[745].

После приезда В.П.Желиховской в Петербург в июле 1886 года[746] Вс. Соловьев забросал ее вместе с дочерью Надеждой записками, стараясь сохранить с ними дружеские отношения, при этом по-прежнему используя тактику запугивания, недомолвок и откровенной лжи[747]. Возвратившись на родину, он более всего желал, чтобы история его клеветы на Блаватскую в Европе не достигла России. Зная решительный характер Елены Петровны, он этого опасался не зря.

Вера Петровна весной писала несколько раз Соловьеву о бескомпромиссных планах Блаватской, при этом употребив, к сожа-

---

ноября; №307, 6 ноября) и «Елена Петровна Блаватская» (Русское обозрение, 1891, №11, 12).

[743] В 1892 году семья Желиховских «серьезно поссорилась» из-за Вс. Соловьева с А.А.Брусиловым, который «был на его стороне» (*Брусилова Н.В.* Мои воспоминания и записки с детства // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 19а. Л. 237).

[744] *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 150–151.

[745] Необходимо сказать, что первой возмутилась соловьевской клеветой Надежда Желиховская. Ее защитительная статья в печать не пошла, но сохранилась в архиве: ГАРФ, ф. 5972, оп. 3, д. 45 (см. также: *Желиховская Н.В.* [Ответ на клевету Вс. С.Соловьева] // *Блаватская Е.П.* Статьи в русской прессе. Донецк, 2013. С. 295–309). Она писала: «Много умных людей советовали мне презреть и не отвечать ничего на его [Вс. Соловьева] статьи в “Р[усском] в[естнике]”. Такого же мнения и мать моя, но мне слишком тяжело думать, что столько людей могут, читая “Р[усский] в[естник]”, глумиться над усопшим родным мне человеком (*Там же.* С. 306–307)».

[746] В.П. и В.В. Желиховские уехали из Остенде в Петербург 14 июля 1886 года.

[747] См. письма Вс. С.Соловьева к Н.В.Желиховской за июль 1886 года (ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 89. Л. 26–27об., 26–29об., 31–31об.).

лению, много недостойных слов о сестре. Яд соловьевских наветов она впитала сильно и избавлялась от него постепенно:

«...Слушайте мою горячую, усердную просьбу – отстранитесь от всего, что касается Елены… Пусть валится на нее, если такое наказание суждено ей; но не чрез вас – пожалейте меня… Я не хотела бы, чтобы между нашими добрыми отношениями черным призраком стали последние тяжкие ее страдания, как бы ни были они заслужены, это все равно… [Кто Богу не грешен?.. Кому дело раскапывать смрадные могилы прошлого. У 9 из 10 женщин существующих разве не найдутся также Митровичи и Мейндорфы и проч.][748]. Одна ее глупость: это измышление девства подняло всю эту грязь… Предоставьте мертвым, которым нечего терять, хоронить своих мертвых, – а вы живы… Елена *мертва*! Чтó ей терять? Она давно сожгла свои корабли. Мне жаль ее за страдания последних лет ее жизни, сопряженных с тяжкой болезнью; но ведь нравственно ей нечего терять. Лишний процесс и лишняя обличительная статья для нее не так страшны по последствиям, как для людей, будущность которых впереди… Что ж вам за охота, чтоб разные юмористические журнальцы в Лондоне и Париже донесли молву до Петербурга на радость вашим врагам и – вред будущий отношениям вашим?.. Слышу, был у вас Майерс и дело вновь загорается и разгорается с вашим вмешательствам. Ждать дольше нельзя, и вот я говорю вам: *остерегайтесь!.. чтобы крепко не каяться*»[749].

«Да, заварили вы кашу; дай Бог, чтоб расхлебали благополучно. Очень напрасно вы думали, что Елена так беззащитна, что ее легко запугать и побороть: вы в ней приготовили, собственными стараниями, *без всякой нужды врага*… потому что ей нечего терять и некого бояться… Никого не могу и не хочу называть, но надеюсь, что вы-то мне должны верить: дня не проходит, чтобы нас не преследовали письма и толки, вас осуждающие… *Отступитесь*

[748] РГИА, ф. 1120, оп. 1, д. 83, л. 15; выписка из письма В.П.Желиховской сделана Вс. Соловьевым.

[749] Из письма В.П.Желиховской Вс. С.Соловьеву от 29 апреля 1886 г.

от своих показаний; заявите, что ни словом, ни делом не хотите вмешиваться в передрягу теософов… не то уж я и не знаю, *что́* вы себе готовите *здесь*… Если вы точно собираетесь сюда, то соберитесь *скорей*. Я не могу отказать Елене в желании со мной проститься; я поеду и сделаю все, что от меня зависеть будет, для того чтобы остановить ее вредные для вас действия; но и с вашей стороны уступки необходимы. Писать все мудрено: надо видеться. Я постараюсь оттянуть поездку ради того, чтобы переговорить с вами».

«Получив ваше вчерашнее письмо[750], я еще больше убедилась, что следующее мое не будет принято *в духе кротости*, так как вы убеждены, что ничего не делаете в ущерб Елене. Но каким же образом мне-то действовать, как могу я не предупреждать вас, когда то и дело получаю письма из Парижа, из Германии, из Англии (не от Елены, а от сторонних лиц), в которых мне пишут, что вы, *именно вы*, виновны во всех нареканиях и бедах Елены?.. Потому я вас, Бога ради, умоляю совершенно оставить в стороне [Надежду Андреевну][751] и не упоминать о ней ни слова, никогда… Я знаю, как много у них *сильных и влиятельных сторонников, которые все на вас восстанут* за добродетель и честь [Надежды Андреевны][752]… Приезжайте скорей».

«Не доводите до крайности, не заставляйте ее[753] прибегать к суду, привлекать вас, де Морсье и пр. к ответу в диффамации… У нее много преданных, а главное, очень богатых друзей, которых процесс не разорит и которые умоляют ее начать его. Гласности она не боится… Письма из Парижа убедили меня окончательно, что парижане только и ждут возможности привлечь вас к суду “en diffamation”, – а если до этого дойдет, поздоровится ли от печатного скандала вам? Ради Бога, не оскорбляйте меня:

---

[750] Речь идет о письме Вс. Соловьева к В.П.Желиховской от 3/15 мая 1886 года из Парижа (ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 89. Л. 11–12об.).

[751] В книге Вс. Соловьева написано: Х.

[752] В книге Вс. Соловьева написано: Х.

[753] Е.П.Блаватская.

не подумайте, что я запугиваю вас! Не запугиваю я, а жалею. Глубоко жалею и хочу вам добра…»[754]

Писала Соловьеву и Надежда Желиховская, сообщившая ему о требовании Блаватской прекратить на нее клеветать, иначе «она не задумается, что ей делать, *так как ей нечего терять*, – и напечатает о нем – все, что ей угодно и как ей угодно, ибо *должна же она защищаться*»[755].

По всей видимости, эти предупреждения возымели свое действие[756]. Сохранилось письмо Валериана Желиховского к матери, из которого мы можем судить о планах Соловьева замять (но не забыть, как показало будущее) историю своих неправедных парижских делишек:

«Сейчас Надя пришла от Соловьева. Он просит написать тебе, мама, что он решительно не желает опять начинать старые истории и никого и ничего не будет трогать, запрёт все свои и чужие письма, касающиеся этого дела, к себе в стол и ничего ни писать, ни говорить не будет, если только его оставят в покое. И слава Богу»[757].

И Надежда Желиховская сделала в этом письме приписку о желании Соловьева «молчать и забыть все»:

«Я не понимаю, что тёте надо? В[севолод] С[ергеевич] ее не трогает, взять своих слов о Теософ[ическом] об[ществе] назад не может, потому что они истинная правда. Он ради нас и мамы согласен молчать и забыть все, положить в са-

---

754 *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 252–254, 258–259.

755 *Там же.* С. 252.

756 Г.Гебхард написал Э.Морсье о том, чем чревато для нее участие в клеветнической кампании Вс. Соловьева: «Видит Бог, что я не желаю гласности этого дела... но если инцидент Б[лаватская]-С[оловьев] будет иметь последствия, я не сомневаюсь, что клеветы на г[оспо]жу Б[лаватскую] окажутся для вас источником больших неприятностей. Недостаточно будет сказать, что вы не имели намерения обвинять г[оспо]жу Б[лаватскую] и т.д., – факт, что вы повторяли клеветы С[оловьева], достаточен в глазах закона. Прошу вас видеть в моих словах только доброе и искреннее желание служить вам. Я считал своим *долгом* предупредить вас, – вы же свободны поступать как вам угодно» (*Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 267).

757 ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 71. Л. 51.

мый отдаленный угол стола эти сумасшедшие письма и никому их не показывать. Только все это с одним условием: замолчите и Вы, не требуйте от него никаких копий и не пишите ему больше ничего об этом Обществе. Ради Бога, повлияйте на Е[лену] П[етровну], упросите ее, чтобы она забыла о существовании Соловьева»[758].

Пытался Вс. Соловьев объясниться с В.П.Желиховской. Она ему назначила встречу, но он не пришел. Вера Петровна записала в его письме:

«Мы более не видались. Несчастный лгун и исковерканный человек!..»[759]

После встречи с Е.П.Блаватской в 1890 году в Англии Надежда Желиховская изменила свои негативные представления о ней, внушенные Соловьевым. Она написала об этой поездке:

«В общем у меня осталось мало воспоминаний от того времени. Впечатление глубокой жалости к доброй, толстой, ласковой нашей русской “тете Лёле”, всегда работавшей,

[758] ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 71. Л. 52–52об.

Н.В.Брусилова написала о своем отношении в это время к Вс. Соловьеву: «Он очень хитро и талантливо втерся в нашу семью, вначале письмами вскружив голову нам с сестрой Верой, особенно мне. Впоследствии встретясь, я готова была рассориться со всеми своими, защищая своего друга и его жену Адель» (*Брусилова Н.В.* Мои воспоминания и записки с детства // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 19а. Л. 64; см. также: *Брусилова Н.В.* О клевете Вс. С.Соловьева // *Блаватская Е.П.* Статьи в русской прессе. Донецк, 2013. С. 318); «В.С.Соловьев и его жена были моими лучшими друзьями, ослепленная этой дружбой, я готова была верить каждому слову его и обвинять не только тетку, которую я не знала, но даже мать свою. Это было тяжелое время» (*Желиховская Н.В.* [Ответ на клевету Вс. С.Соловьева] // *Блаватская Е.П.* Статьи в русской прессе. Донецк, 2013. С. 298). Р.Н.Яхонтов писал родным из Дербента 11 июля 1886 года: «В Тифлисе я получил письмо Фира*, которое меня сильно встревожило и разозлило своею бестолковостью: как? что? какая опасность угрожает маме? Ничего этого она не выясняет, пишет только, что: “Погибаем! Приезжай”. Был момент, когда я чуть было не полетел сломя голову в Петербург, но решил, что если мама не больна, то ни какие чары не совратят маму с пути истинного, по смыслу же (очень туманному) Надиного письма я мог заключить, что ей грозит какая-то нравственная кабала, или что-то вроде этого. С этой стороны я спокоен, потому что мама нравственно покрепче четырех тётей Лёль» (ГАРФ, ф. 5972, оп., д. 65. Л. 39–39об.).

* Фир – семейное имя Надежды Желиховской.

[759] ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 89. Л. 23об.

трудящейся за своим письменным столом среди совершенно для нас чуждого британского окружения. Это самое яркое, что осталось в моей душе от единственно раза, что я ее видела. Именно жалости, главным образом тоски, жуткой боли за неё, за эту *нашу* старую любящую женщину, было главным моим впечатлением от поездки в Лондон»[760].

С этой встречи и до конца жизни Надежда Владимировна прониклась к Е.П.Блаватской глубоким уважением. В конце жизни у нее вырвались проникновенные слова:

«Молюсь за тетю Елену Петровну, чтобы Господь помог ей самой там разобраться в своих грехах и достоинствах и приняв в оправдание массу добра, сделанного ею людям на земле, вне теософии и с помощью ее, отвлекшую много душ от мрачного атеизма»[761].

Также Н.В.Брусилова вспомнила о последних днях Всеволода Соловьева:

«Бедный человек, этот врожденный интриган, В.С.Соловьев, он тяжко умирал, кричал, бранился, будто действительно черная сила его затянула. При его кончине не было с ним ни жены, ни детей; совершенно случайно присутствовала и помогла ему в смертный час своими заботами одна наша общая хорошая знакомая, глубоко верующая христианка и теософка Н.В.Пшенецкая (скончалась в Париже в 1933 году)[762]. От нее я знаю подробности его некрасивой жизни последних лет и тяжелой смерти. Также случайно оказалось, что наши родные могилы, мужа моего и брата[763], в Новодевичьем монастыре очутились совсем близко от могил семьи Соловьевых, но Всеволоду Сергеевичу в семейной ограде не оказалось места. Его большой, черного мрамора

[760] *Брусилова Н.В.* Мои воспоминания и записки с детства // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 19а. Л. 117 (см. также: Из «Воспоминаний» Н.В.Брусиловой о Е.П.Блаватской // Первые научные чтения памяти Елены Петровны Блаватской. Материалы научно-общественной конференции. 8 мая 2011 г. Донецк, 2012. С. 177).

[761] *Брусилова Н.В.* Воспоминания // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 22в. Л. 3.

[762] Пшенецкая Нина Валентиновна (1875–1933) – теософ, переводчик.

[763] Речь идет о Р.Н.Яхонтове.

крест стоит тут же, но в стороне, между чужими могилами. Мне жутко и тяжко было всегда у его могилы»[764].

В 1886 году клеветническая кампания Вс. Соловьева против Е.П.Блаватской не достигла своих низких целей. Он был полностью разоблачен. Елена Петровна не преследовала его в судебном порядке. Казалось, что все отношения между ними навсегда закончились. Но нет, Соловьев трусливо ждал смерти Блаватской, чтобы написать безнравственную книгу «Современная жрица Изиды».

[764] *Брусилова Н.В.* Мои воспоминания и записки с детства // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 19а. Л. 67.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I 3
II 7
III 14
IV 32
V 58
VI 66
VII 81
VIII 103
IX 118
X 133
XI 148
XII 168
XIII 179
XIV 210
XV 233

Научное издание

Тюриков Александр Дмитриевич

КЛЕВЕТНИЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ
ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА
ПРОТИВ Е.П.БЛАВАТСКОЙ В 1886 ГОДУ

Верстка: *Е.А.Гуркин*
Дизайн обложки: *П.В.Чесноков*

Печать ФЛП Сторожук А.В.
Формат 60х84 1/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,9

Тираж 100 экз.